

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

¹ 4 (33)
2012

Саратов

Научный журнал

**Учредитель
Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина***

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **Т.Н. Митрохина**, д-р полит. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук; **В.В. Чернышев**, канд. социол. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – июнь 2011 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

* На основании Указа Президента РФ от 20.09.2010 г. № 1140, распоряжения Правительства РФ от 23.09.2010 г. № 1562-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 27.12.2010 г. № 2387-р), постановления Правительства РФ от 12.05.2012 г. № 473 ФГОУ ВПО «ПАГС» реорганизовано в форме присоединения к ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС) с созданием Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС.

Science journal

Founder:

**Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin**

Editor-in-chief: Professor **D.F. Ayatskov**
Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**
Executive secretary: **D.V. Akaev**

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*; **L.V. Konstantinova**,
Doctor of Sciences (Sociology); **E.G. Lipatov**, *Doctor of Sciences (Law)*;
O.A. Litsenberger *Doctor of Sciences (History)*;
E.V. Maslennikova, *Candidate of Sciences (Sociology)*;
T.N. Mitrokhina, *Doctor of Sciences (Politics)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
N.V. Teltevsckaya, *Doctor of Sciences (Pedagogies)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
V.V. Chernyshev, *Candidate of Sciences (Sociology)*;
V.L. Chepliaev, *Candidate of Sciences (Sociology)*

O.Yu. Abakumov
The First Years of Work
of the Saratov Communist
University: Formation
of the Staff Training System

The formation of the managerial staff training system by the example of the Saratov Communist University work is studied. Historical features of functioning of a new educational institution are considered.

Key words and word-combinations: Communist university, managerial staff training, educational process.

Исследуется становление системы подготовки управленческих кадров на примере работы Саратовского коммунистического университета. Рассматриваются исторические особенности функционирования нового учебного заведения.

Ключевые слова и словосочетания: Комвуз, подготовка управленческих кадров, учебный процесс.

УДК 37.015

ББК 74.03

О.Ю. Абакумов

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РАБОТЫ САРАТОВСКОГО КОМВУЗА: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

История подготовки советских управленческих кадров начинается с деятельности краткосрочных курсов агитаторов и инструкторов при ВЦИК, преобразованных в январе 1919 г. в Школу советской работы. На ее базе, по постановлению VIII съезда РКП(б), была открыта Центральная школа советской и партийной работы, во второй половине 1919 г. реорганизованная в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова [1, с. 109–111].

С 1920 г. по всей стране стала создаваться сеть партийных школ, ориентированных на быструю политическую подготовку кадров, проявивших себя в практической деятельности. По воспоминаниям руководителя Саратовской губсовпартшколы Н.Н. Гуляева, идея создания коммунистического университета в Саратове появилась совершенно случайно. В декабре 1921 г. на первом Всероссийском совещании руководителей совпартшкол и политпросветкурсов обсуждался вопрос о

целесообразности открытия коммунистического университета в Нижнем Новгороде, однако саратовская делегация заручилась поддержкой делегаций Царицынской, Астраханской, Тамбовской и Самарской губерний и убедила совещание учесть экономические, культурные факторы развития региона, а также то, что Саратов является университетским городом, обладающим квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами, и принять решение об открытии коммунистического университета в Саратове [2, с. 2]. В мае 1922 г. это решение было поддержано Саратовским губкомом РКП(б).

18 сентября 1922 г.

Р.И. Малецкий [3, с. 164], бывший ответственный секретарь Саратовского губкома, в июне назначенный ректором Саратовского коммунистического университета, принял участие в совещании подотдела пропаганды ЦК РКП(б). В своем докладе Малецкий предложил схему функционирования Комвуза: «Саратовский университет рассматривается

Члены президиума ячейки Комвуза. 1925 г.

как университет временного и боевого характера. Соответственно этому конструируется и правление университета. Ректор выдвигается Губкомом и утверждается Главполитпросветом. Помощники ректора – точно так же. Затем в правление войдут представители преподавателей и студентов... Лекции будут сведены на нет. Центр тяжести будет лежать на урочной системе. Материальные условия хорошие. Студенты будут работать часть учебного дня в классах, часть в клубах. Общежитие для студентов пригодно для занятий. Самоуправление несомненно будет развито, но в определенных рамках. Учет работы будет поставлен широко, путем личных опросов, зачетов и т.п.» [4, л. 22].

В октябре 1922 г. было утверждено Положение о Саратовском областном коммунистическом университете, устанавливавшее, что СОКУ – «высшее учебное заведение, имеющее своей целью подготовку марксистски образованных партийных и советских работников губернского и областного масштаба. Университет находился в непосредственном ведении Главполитпросвета Наркомпроса». Создаваемое учебное заведение было ориентировано на точное выполнение правительственных директив. Сама конструкция фразы Положения о коллегиальном органе управления подчеркивала подчиненное положение этой структуры даже в решении текущих вопросов: «Руководство учебно-воспитательной и административно-хозяйственной деятельностью университета принадлежит, под общим наблюдением и контролем Главполитпросвета, Правлению Университета» [4, л. 26].

Предполагалось, что обучение будет вестись по отделениям. Отделение экономических наук должно было осуществлять подготовку руководителей и работников государственных хозяйственных органов, кооперативов и профдвижения; административно-правовое – руководителей и работников административных органов, работников юстиции; педагогическое – педагогов школьного типа, пропагандистов, руководителей политико-просветительных работ, партийных работников и журналистов. Таким образом, создаваемые в стране коммунистические университеты «непосредственно включались в политическую систему государства в качестве важных элементов, обеспечивающих реализацию кадровой политики» [5, с. 7].

В ноябре 1922 г. в здании бывшей Второй женской гимназии, расположенной на Первомайской улице, дом 75, начал работу Саратовский областной коммунистический университет (СОКУ). Университет создавался как комбинат, собрав под единым началом студентов-комвузовцев, курсантов губернской и уездной совпартшкол. Формирование контингента студентов шло по разрядке ЦК РКП(б). Саратовскому и Самарскому губкомам было выделено по 45 мест, Царицынскому и Астраханскому губкомам, Юго-Восточному бюро по 20, Тамбовскому губкому – 25 мест. [4, л. 74] Позже в сферу образовательной деятельности добавились Пензенская губерния и Область немцев Поволжья.

Накануне вступительных испытаний руководство Саратовского Комвуза разъясняло губкомам, что «посылаться должны лучшие товарищи, обещающие сложиться во время курса в работников более крупного масштаба (губернского и областного). В первую очередь направляются члены РКП и во вторую очередь – беспартийные, преданные Советской Власти и сочувствующие РКП». Попутно уведомив губернские власти о том, что направляемые должны быть «снабжены постельным бельем (одеяло, 3 простыни, матрац и 2 наволочки), нижним бельем (две смены), верхней одеждой, обувью, зимним пальто, посудой (2 тарелки, 1 ложка, вилка, чайный стакан)» [4, л. 12].

Согласно первым Правилам приема, в СОКУ принимались «рабочие и крестьяне не моложе 18 лет» [4, л. 40], однако это правило вряд ли строго соблюдалось. Среди студентов первого набора рабочих и крестьян было 88,7%. Интересно, что по социальному происхождению преобладали крестьяне (58,1%), а рабочих было только чуть больше 30%. Членами и кандидатами в члены РКП(б) были 65%, членами РКСМ 25% студентов, беспартийными 10%. Опыт ответственной партийной или советской работы имели 57% обучавшихся. Почти половина студентов служили в рядах Красной армии и участвовали в Гражданской войне. Женщины в студенческой среде составляли 18,7%, из них 77% были в возрасте от 17 до 25 лет. Журнал «Вестник Саратовского губкома РКП» отмечал: «Красное студенчество комуниверситета можно охарактеризовать как молодую по возрасту, в подавляющем большинстве партийную, рабоче-крестьянскую, испытанную в ответственной работе, на службе в Красной армии и в Гражданской войне революционную силу» [6, с. 58–59]. Правила приема, кстати, постоянно корректировались. На следующий учебный год было четко зафиксировано, что «нижний возраст определяется в 19 лет», беспартийные на учебу не принимаются. Социальная динамика послереволюционных лет потре-

бовала корректировки и классовых критериев отбора: «В Комуниверситет принимаются только лица, занятые физическим трудом, т.е. рабочие и крестьяне, непосредственно связанные с производством» [4, л. 142].

В опубликованной информации о наборе на 1924/25 учебный год уточнялся состав: младшая возрастная группа (22–25 лет) 21 человек и старшая (31–35 лет) 12 человек, а также «один товарищ выше 35 лет». По социальному положению среди студентов было 19 крестьян, 2 батрака, 24 рабочих и 22 служащих, то есть вырос не только удельный вес рабочих, но и представителей интеллигенции. В отношении партийности точные цифры не указаны, но отмечено, что если в наборе 1923/24 г. кандидаты в члены партии составляли 10% , то в следующем наборе не состоящих в партии уже не было [7, с. 39]. В дальнейшем переживания руководителей были связаны с необходимостью увеличения партстажа направляемых на учебу. Таким образом, Комвуз становился действительно партийным учебным заведением.

Для того чтобы поступающие могли успешно сдать экзамены, в ноябре 1922 г. были организованы своеобразные подготовительные курсы по общеобразовательным предметам. Экзамены проводились по русскому языку (устный и письменный), арифметике (устный и письменный), естествознанию, географии и обществоведению. По русскому языку требовалось «грамотно и складно» написать сочинение на предложенную тему, а также прочитать и связно пересказать предложенный текст; по арифметике – производить действия с простыми и десятичными дробями; по естествознанию и географии – ориентироваться в самых общих вопросах; по обществоведению – владеть основами политэкономии по учебнику А.А. Богданова «Введение в политическую экономию», а также знать Программу партии на основе книги Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма» и брошюры А.С. Бубнова «Основные моменты в развитии коммунистической партии в России» (1921 г.) [6, с. 58].

В экзаменационную комиссию для «большей индивидуализации испытаний» были переданы анкеты испытуемых, чтобы преподаватели могли «видеть перед собой и социальное происхождение, и степень участия в гражданской войне, и общественный стаж испытуемого». Наиболее важным показателем для поступления на учебу были не знания, а «общественное развитие», те же, кто демонстрировали «недостаточно отчетливое знание главнейших частей курса», после краткой подготовки проходили повторные испытания.

Занятия в Саратовском областном коммунистическом университете начались 14 декабря 1922 г. В этот день состоялось торжественное заседание, в котором приняли участие делегаты пленума губкома РКП(б), руководители губернских партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов. Обращаясь к студентам Комвуза как будущим деятелям мировой революции, ректор Р.И. Малецкий говорил: «Возлагая на вас большие надежды, мы убеждены, что выработаем из вас надежных и сильных борцов за Мировую Коммуну». Приветствовавшая от имени губкома Э.Р. Петерсон была весьма воинственно настроена: «Мы низвергли господствовавший класс капиталистов, мы должны в огне революционной идеологии сжечь и его идеи. <...> Да здравствует комму-

нистическая интеллигенция!» – закончила она речь, адресуя здравницу сидящим в зале проводникам марксисткой идеологии. Выступивший от имени комитета профсоюзов А.А. Алексеев выразил радость трудящихся от нового достижения революции – «открытия новой школы коммунизма» [8, с. 2]. Боевой заряд энергии созидания был получен.

К занятиям в Комвузе приступило 160 человек, разделенных на четыре учебные и одну подготовительную группы. Почти 70% были направлены на учебу Саратовским губкомом РКП(б).

Вопреки недавним оптимистическим заверениям, звучавшим в ЦК РКП(б), администрации и студентам Комвуза почти сразу пришлось столкнуться с многочисленными трудностями: самыми тяжелыми были перебои в снабжении. Уже в январе 1923 г. правление университета обратилось с просьбой о помощи к Тамбовскому, Царицынскому губкомам и обкому РКП Республики немцев Поволжья, отмечая, что ежемесячные субсидии Саратовского губкома в размере 6 тыс. рублей недостаточны. «Наркомпродовская пайка (муки – 0,5 фунта, крупы – 15 фун., мясо-рыбы – 11½ фун. и жиров – 2½) совершенно не удовлетворяют минимальных потребностей студентов. При значительной нагрузке развивается малокровие, истощенность со всеми последствиями – работа рушится. Во имя целей, преследуемых университетом, окажите братскую помощь, по возможности, в виде ежемесячной субсидии», говорилось в письме руководства СОКУ [4, л. 115].

По словам инспектировавшего университет в марте 1924 г. ответственного работника Главполитпросвета А.Ф. Рындича, у Комвуза были проблемы и с организацией учебного процесса, и с проживанием студентов: «Ввиду того что аудиторное здание частью занято под общежитие, оно не удовлетворяет требованиям учебной части, не позволяя развернуть кабинеты и сильно стесняя деятельность клуба. Не более благополучно обстоит дело и в общежитии. Оно в силу неустраняемых особенностей здания грязное, темное, с неудовлетворительной системой отопления» [9, л. 19]. Учащихся бытовая неустроенность не смущала. Студент Н. Зеленьяк вспоминал это время восторженно: «Сперва мы жили в здании университета в комнатах по 14 человек. Удобно. Спустились вниз на урок. После окончания последнего забирались наверх и – дома» [2, с. 2].

Невысокий уровень подготовки слушателей требовал от преподавателей особых методических приемов, четкого формализованного изложения учебного материала: «развитие темы в сжатой деловой беседе с необходимыми иллюстрациями», а затем резюмирование содержания проведенной беседы по намеченной в начале урока схеме. Работа преподавателя считалась «достаточной», если он «вызвал оживленные вопросы, обмен мнениями». Такой тип занятий определяли как урок или «работа просеминарского типа» [6, с. 59]. При изучении физики, химии, ботаники большое внимание уделялось работе в специализированных кабинетах.

Несмотря на анонсированный на подготовительном этапе отказ от лекционной системы, к ней пришлось все же обратиться: приглашаемые профессора следовали традиционной для университета системе изложения учебного материала, охотно отвечая на вопросы студентов. Наряду с лекциями-беседами по

общеобразовательным предметам большое внимание уделялось самостоятельной работе студентов в «шестерках» – малых группах, в которых повторялся пройденный материал, составлялись общие конспекты, редактируемые преподавателями, готовились домашние задания. На зачете преподаватель имел дело не с отдельным студентом, а с «шестеркой», выясняя в ходе беседы уровень знаний каждого. Как видим, речь шла о получении элементарных знаний, которые практики революционной идеи не могли получить в условиях культурной разрухи.

Для преподавания приглашались ведущие специалисты саратовских вузов, вынужденные подрабатывать везде, где только было возможно. Занятия по русскому языку вел лингвист А.Ф. Ефремов (впоследствии доктор филологических наук, профессор педагогического института), естествознание преподавал профессор В.В. Челинцев (основатель и бессменный заведующий кафедрой органической химии Саратовского госуниверситета, с 1933 г. член-корреспондент АН СССР), историю – Г.Г. Кассандров (впоследствии кандидат исторических наук, доцент педагогического института), политэкономии – П.С. Лебединский (впоследствии профессор).

Бюро парторганизации Комвуза. 1928 г.

В то же время марксистских преподавательских кадров катастрофически не хватало. В этих условиях Комвуз выступил с инициативой открыть при университете институт научных сотрудников. Первый набор состоял из 16 человек, имевших высшее, незаконченное высшее или среднее образование (рабочий, член РКП(б) А.Е. Розенштейн вообще был самоучкой). Наиболее важным фактором в селекции будущих преподавателей был опыт пропагандистской работы. Слушателей распределили по секциям: историческая, экономическая, право и диалектический материализм. Научное руководство осуществляли профессора Саратовского университета: по отечественной истории – П.Г. Любомиров, по всеобщей истории – В.А. Бутенко, по диалектическому материализму – И.П. Разумовский, по праву – М.П. Коваленков. Поскольку не все они были марксистами, то им в «помощь» прикреплялись преподаватели Комвуза в качестве руководителей соответствующих предметных комиссий. Институт научных сотрудников просуществовал до замены его аспирантурой в 1932 г. За время своего существования институт подготовил преподавателей-марксистов практически для всех вузов города (П.К. Топилин, В.С. Ундревич, М.Н. Валов, Л.В. Ганжинский, Н.К. Мирошкина, А.Х. Клячко и др.), крупных ученых, получивших признание в стране

(Р.С. Левина – впоследствии член-корреспондент АН СССР, И.И. Шелымагин, Ф.Х. Бахтеев, А.П. Гагарин и др.).

В целом учебной части удалось обеспечить неплохие итоговые результаты первой сессии: успешно сдали испытания в основных группах 90,5% студентов, не выдержали 4,5% (5% не сдавали сессию по уважительной причине) [6, с. 60].

По признанию проректора по учебной части В.Г. Ильинского, «громоздкость и академичность были теми особенностями, которыми страдали разработанные программы и учебный план» [2, с. 1]. Следуя партийным директивам, понимая изъяны учебного процесса, преподаватели стремились к новым методическим приемам. Например, по русскому языку изучение фонетики, морфологии и синтаксиса сопровождалось развитием навыков по составлению докладов и тезисов на основе материалов XII съезда РКП(б). А в качестве итоговых экзаменационных тем сочинений были предложены: «Единый сельскохозяйственный налог и промышленность» и «На чем зиждется союз рабочих и крестьян». Даже по математике «работа по раскрытию математических формул проходила в связи с практикой жизни» [6, с. 46].

При составлении учебных планов Саратовский Комвуз выступил со своим оригинальным подходом к учебному процессу. Проректор по учебной части В.Г. Ильинский писал о новом «стержневом» методе: «В своей педагогической работе мы центром сделаем современную технику и экономику сельского хозяйства и промышленности на первых 2-х курсах, а на 3-м курсе диалектический метод в приложении к революционной борьбе рабочего класса в эпоху империализма и диктатуры пролетариата» [10, с. 47]. Дисциплины первого курса должны были быть сориентированы на нужды сельского хозяйства, а второго курса – на потребности промышленности.

В университетском отчете сообщалось: «Учебные курсы строились с практическим уклоном, для чего помимо лабораторных работ организовывались экскурсии на природу и на фабрично-заводские предприятия». Экскурсии на промышленные предприятия, кроме образовательных задач, преследовали цели «сближения студентов с рабочими массами в обстановке их производственной работы». Студенты знакомились с работой парторганизации, месткома, клуба, рабочей школы, общежития, детдома, накапливая материалы для последующего изучения экономической географии, политэкономии, научной организации труда. Обилие задач, стоящих перед экскурсионным занятием, не только выдает поверхностный подход к научно-технологическому компоненту ознакомительного мероприятия, но и свидетельствует о возможности лишь беглого знакомства с социально-политическими проблемами коллективов предприятий, не изучения проблем, а принятия тех догм, которые насаждали партийные лидеры и руководители хозяйственных структур мимолетным визитерам. Достижением нового метода считалось то, что «студенты 2 курса уже могут ориентироваться в серьезных научных трудах и что при всем этом в ком. университете нет академизма. Твердо и упорно студенты ком. университета грызут гранит науки» [11, с. 118].

Практические навыки студенты демонстрировали во время так называемой работы по прикреплению и шефства. Прикрепление сразу вошло в учебный строй Комвуза и преследовало несколько целей: приобретение навыков практи-

ческой работы, знакомство с жизнью рабочих коллективов, так как большинство студентов были крестьянами, помощь райкомам и первичным парторганизациям в организационно-пропагандистской работе. Как правило, студенты становились руководителями партийных, политических, женских кружков на предприятиях города; 14 коммунистов и 5 комсомольцев работали в подшефной Широкинской волости (села Широкое, Идолга, Каменка, Сторожевка, Шевыревка и коммуна «Заря Свободы»). Студенты периодически выезжали в села для проведения курсов политграмоты, обследования хозяйственного состояния коммуны, организации и оборудовании народного дома в Широкое. Комсомольцы-студенты помогали в работе сельских кружков политграмоты и выпуске стенгазеты, а в коммуне «организовали естественно-научный кружок из комсомольцев и пионеров». Судя по тому, что на будущее решено было выработать программу с «сельскохозяйственным уклоном», первый опыт шефства был не очень удачный.

Формально студенты шефствовали и над 94-м полком 32-й дивизии (обмен делегациями на торжественные мероприятия и «устройство в полку летучих митингов-концертов»). Еще более скудным был перечень мероприятий, содержащийся в заметке под заглавием «Шефство над военно-морским флотом». Автор публикации в журнале «Коммунистический путь» студент В. Ромакин по поводу переписки с пятью комсомольцами, посланными на Балтфлот, уточнял, что «имеется связь» со вторым учебным отрядом Черноморского флота, еще только «организуется уголок военмора» и делаются отчисления на военно-морскую литературу [11, с. 124].

В начале 1923/24 учебного года университет оказался перед угрозой закрытия, но настойчивость ректора и представленные программы и учебные планы убедили секретариат ЦК РКП(б) сохранить Комвуз, сократив его численность на 70 человек [2, с. 1]. В результате улучшилось финансирование университета, но сохранялись прежние недостатки: слабая связь с производством и большая перегрузка студентов учебными занятиями. Чтобы изменить ситуацию, на весну 1924 г. планировалось организовать экскурсии в Москву и Ленинград для знакомства с фабрично-заводской промышленностью, партийной и культурной жизнью. После каникул студенты должны были отправляться в комвузовский совхоз, где «хозяйственная работа будет согласована с чисто учебной. Для этого отведена одна десятая пахотной земли» [11, с. 120].

Учебная часть пошла на радикальное снижение нагрузки студентов, причиной стало переутомление и развитие неврастения у 70% студентов. О причинах такого положения на заседании правления 10 марта 1924 г. говорил врач университета Янсюкевич: «Главная и основная причина этих явлений – прошлая общественная и революционная работа, неблагоприятные условия, переутомление, голодовка и проч. <...> Пройдя такую суровую школу жизни, с самого начала революции без всякого отдыха начали учиться, где теперь приходится констатировать у большинства отсутствие дисциплины ума и отсутствие навыка к систематическим занятиям. Неумение концентрировать свою мысль на известных ассоциациях приводило к непроизводительной затрате нервно-мозговой энергии» [9, л. 17]. Объем учебных занятий был уменьшен с 30–35 часов до 25 часов

в неделю, и количество невротиков сократилось, хотя неврастения оставалась в числе наиболее распространенных расстройств будущих партийных и идеологических работников.

27 сентября 1924 г. опыт работы Саратовского Комвуза анализировался на заседании отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В целом деятельность Комвуза оценивалась положительно, но было отмечено, что в учебном плане большое внимание уделяется на первом курсе естествознанию, математике и

Студенты Комвуза. 1929 г.

физической географии, что приводит к сокращению часов на общественные дисциплины, и в частности на историю РКП(б). Ранее специальной директивой было установлено, что на изучение истории партии, Коминтерна, основам ленинизма и практики революционного строительства должна быть отведена четвертая часть учебного времени. До прямых обвине-

ний в академизме дело не дошло, но на увлечение дисциплинами, подтягивавшими общеобразовательный уровень студентов, в ущерб идеологической обработке было указано. Критиковалось университетское руководство и за организацию «партийной практической работы студентов», за увлечение ее формой, а не содержанием [12, л. 86].

Осенью 1924 г. вновь последовала реорганизация учебного процесса. «Стержневой» метод оказался невыполнимым: зимой первокурсников приходилось отправлять на промышленные предприятия для «прикрепленческой» работы, а летом всем дружно выезжать на сельскую практику для массовой политической работы в деревне. На новом этапе определяющим в учебном процесс стал лабораторный план. Центрами самостоятельной исследовательской работы студентов по естественнонаучным дисциплинам стали предметные кабинеты, оснащенные необходимыми пособиями, экспериментальными материалами, инвентарем для проведения опытов, и библиотека, так как главным по общественным наукам был принят реферативный метод. Полученные навыки студенты демонстрировали на практике, участвуя в кампании «Лицом к деревне» в Курдюмской волости.

Специфическим продолжением учебного процесса была кружковая деятельность. В состав университетского клуба входили кружки: антирелигиозный, общественно-исторический, литературный, драматический, хоровой, изобразительных искусств и другие. Их набор постоянно менялся, например в отчете 1924 г. упоминался кружок изучения пролетарской Германии [11, с. 119]. Зачастую в оболочку кружка маскировались дополнительные занятия. Так, 28 февраля 1923 г. в «Саратовских известиях» сообщалось, что общественно-исторический

кружок Комвуза успел «проработать основные моменты истории экономического быта до капиталистического периода». Этим кружком, обсуждавшим «текущие внутренние и международные события», руководил ректор Р.И. Малецкий, а заседания кружка посещало 172 человека – больше, чем тогда обучалось в вузе [13, с. 2]. Через 15 номеров в той же газете уже без партийно-политического пафоса признавалось, что общественно-исторический кружок осуществлял лишь начальную политграмоту: «Это вызвано тем, что контингент слушателей в большинстве своем (70–80%), оказался политически малограмотным. Отсюда и задача общественно-политического кружка: дать основные понятия общественных явлений и этим самым подготовить почву для прохождения общественных наук в дальнейшем» [14, с. 3].

Аналогичная ситуация была и в других тематических группах. В литературном кружке, «помимо вовлечения членов в непосредственное творчество на темы текущей действительности», проходило изучение теории литературного творчества и истории литературы: анализировались «быт прежних эпох и современный быт, социальные основы старого и нового быта, старая и новая психология, литературный язык». В 1923/24 учебном году в литературном кружке заслушивались рефераты: «История пролетарской поэзии», «Творчество Алексея Гастева», «Творчество Петра Орешина», «Крестьянская поэзия»; обсуждались литературные произведения членов кружка: «9 января», «Утро студента», «Родное село», «Ночь на Волге», «Люблю» [15, с. 55].

Драматический кружок не только работал «в направлении выработки правильного дыхания и дикции». Кружок был разделен на старшую и младшую группы. В первой работа сводилась «к практическому изучению драматического искусства на классических пьесах Островского и на современных пьесах революционного содержания, к работе над этюдами (импровизациями) и над инсценировкой стихотворений»; в младшей группе «к изучению гекзаметра, чтению революционных стихотворений, а также художественных произведений Пушкина, Гоголя и др.» [16, с. 48–49]. «Показательная» работа драмкружка выразилась в сценических постановках в дни революционных праздников (в 1924 г. кружок поставил «2 революционные пьесы и 15 номеров декламации») [17, л. 53–53 об.].

Хоровой кружок «ввел изучение нотной техники, затем разучивание хоровых и сольных пьес с голоса и рояля». Великорусский струнный оркестр исполнял революционные и народные музыкальные пьесы на университетских мероприятиях. Кружком изобразительного искусства руководил художник профессор Ф.В. Белоусов, которым был «проведен целый ряд содержательных бесед по технике рисования, о методах наблюдения природы, характере и соотношении цветов и др.» [6, с. 60]. В кружке физкультуры тренировалось «вольное движение, пластика, ритм», что демонстрировалось в выступлениях на пролетарских праздниках. Со второго учебного триместра физкультура стала обязательной для всех студентов, и «занятия проводились 4 раза в неделю с 8 до 10 часов утра на центральной спортплощадке, организованной губкомом РКСМ» [16, с. 49]. В комуниверситете активно работала редколлегия, выпускавшая двухнедельную газету «Резервы марксизма».

Задуманный трехлетний план обучения для первого набора комвузовцев осу-

ществить не удалось. В марте 1925 г. отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б) согласился с решением губкома РКП(б) и правления университета о досрочном выпуске третьего курса и направлении студентов на практическую работу. Большая часть выпускников (64 чел.) была направлена на «деревенскую работу»: секретарями волостных комитетов РКП(б) – 6 человек, комитетов РКСМ – 5 человек, на советскую работу – 4 человека, на комсомольскую – 5 человек, в женские организации – 10 человек... 32 выпускника остались в городе: пятеро из них продолжили учебу в институте научных сотрудников, семеро работали в печатных органах, трое – в профсоюзных органах, двое – в рабоче-крестьянской инспекции, двое – на организационно-партийной работе, двое – в губернском суде, один – в прокуратуре [18, л. 21 об.].

Саратовский Комвуз появился в результате настойчивости местных губернских властей и инициативы, предприимчивости организаторов и проводников идеи коммунистического просвещения. СОКУ был своеобразной экспериментальной площадкой, на которой отработывались новые марксистские методики преподавания общеобразовательных дисциплин, естественных и общественных наук, технологии соединения теоретического обучения с практическими навыками организатора и пропагандиста. Комуниверситет и институт научных сотрудников стали стартовыми площадками для энергичных молодых людей, вышедших из низов старого общества, принявших идеологию большевизма и посвятивших себя разработке теоретических вопросов марксистской идеологии и педагогической деятельности в рамках формировавшейся парадигмы.

Библиографический список

1. Фильченков М.П. Из истории партийных учебных заведений // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1.
2. Резервы марксизма. 1925. 13 дек., № 4 (35).
3. Абакумов О.Ю., Соломатина С.М. К 90-летию института: руководители учебных заведений системы подготовки партийных и управленческих кадров в Саратове // Вестник ПАГС. 2012. № 3 (32).
4. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1.
5. Константинова Л.В. Политический вуз: особый статус в условиях общественных трансформаций // Вестник ПАГС. 2012. № 3 (32).
6. Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. № 4 (29).
7. Коммунистический путь. 1925. № 32.
8. Саратовские известия. 1922. 17 дек., № 289.
9. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 834.
10. Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. № 8 (33).
11. Коммунистический путь. 1924. № 13/14.
12. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 52.
13. Саратовские известия. 1923. 28 февр., № 47.
14. Саратовские известия. 1923. 20 марта, № 63.
15. Студенческая мысль. 1923. № 8/9.
16. Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. № 7 (32).
17. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 10.
18. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 54.

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.Yu. Goloborodko
Social and Political Field
of Implementation of State
Cultural Policy
as an Instrument for National
Security Ensuring

The author's opinion about relevance and actuality of solving the problem of cultural heritage accumulating in policy is represented. The principles of social and political field of implementation of state cultural policy as an instrument of national security ensuring are described.

Key words and word-combinations: national security, state culture policy, political life of society.

Представлен авторский взгляд в отношении релевантности и актуальности решения задачи «аккумуляции» наследия культуры в политике. Описаны особенности социального и политического пространства реализации государственной культурной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова и словосочетания: национальная безопасность, государственная культурная политика, политическая жизнь общества.

УДК 008.001:323/327
ББК 71.4+66.2

А.Ю. Голобородько

СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Понятие «национальная безопасность» представляет собой достаточно сложный конструкт, охватывающий разнообразные сферы жизни общества. В последнее время проблемы дальнейшего безопасного и устойчивого развития цивилизации все больше определяются по взаимосвязи с состоянием культуры; разнообразные сюжеты культуры и культурной политики как факторы национальной безопасности выдвигаются на первый план общественного и научного внимания. Становится шире круг ученых, склоняющихся к тому, что ключ к решению проблем национальной и международной безопасности сле-

дует искать не в экономике или геополитике, а в гуманитарной сфере общества, в решении вопросов нравственности и духовной культуры.

Несмотря на значительные успехи в развитии экономики и впечатляющие технологические достижения, окружающий мир становится для человека и общества все более опасным [1].

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» отмечается, что системная модернизация страны, результатом которой в конечном итоге должны стать существенное повышение качества жизни населения и обретение Россией статуса мировой державы, самым тесным образом связана с решением задач, напрямую относящихся к сфере культуры.

Эти задачи могут, на наш взгляд, конкретизироваться в процессе разработки и реализации на государственном уровне комплекса механизмов, призванных обеспечить оптимизацию использования потенциала культуры как фактора стабилизации общественной и политической жизни, социального развития. Таким образом, речь идет об особом инструментарии – государственной культурной политике как потенциале противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности.

Проблемы культурной политики – это проблемы государственного и общественного статуса культуры. В новых геополитических условиях, связанных с реальными процессами изменения мироустройства, для современной политологии и политической практики актуальным становится изучение проблем национальной безопасности в их неразрывной связи с вопросами культурной политики. Известны работы в этой области многих отечественных ученых и специалистов – А.С. Балакшина, Л.Е. Вострякова, В.В. Наточий, А.В. Каменец, О.Н. Астафьевой и других.

Исследование проблем государственной культурной политики в системе обеспечения национальной безопасности особенно важно для российского общества, переживающего в настоящее время переходный, трансформационный период своего развития. При этом процессы в России, затрагивающие основы социально-экономического и государственного строя, когда общество и государство находятся в неустойчиво равновесном состоянии, происходят (в условиях нарастающей открытости России и достаточно болезненной модернизации страны) на фоне изменений в мире и в контексте усиления мировых тенденций глобализации. В связи с этим усиливается возможность воздействия на социокультурное пространство современной России разнородных, зачастую «внешних» по своему происхождению явлений современности, что неизбежно сказывается на защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В контексте разработки гипотезы нашего исследования будем основываться на авторской точке зрения, в соответствии с которой государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности России обусловлена потребностями и характером провозглашенной социальной и политической модернизации. При этом отправным теоретическим посылом следует считать позицию, заключающуюся в том, что при разработке культурной политики, в том числе с целью обеспечения национальной безопасности, ведущую

роль должны играть ориентиры на сохранение целостного культурного пространства общества, активизацию элементов гражданского общества и духовно-интеллектуального потенциала культуры.

Именно в гуманитарной сфере общества, в решении задачи повышения уровня нравственности, развития и преумножения духовных традиций, в расширении культурного пространства и создании условий для активного использования культурного потенциала общества, «лежит ключ» к достижению цели обеспечения национальной безопасности современной России [1]. (Ср. с мнением театрального режиссера Л. Додина, отмечающего, что «главная задача заключается не в передаче знаний, а в наследовании человеческих ценностей» [2]).

Культурный потенциал общества – это совокупность объективных и субъективных возможностей или факторов, способствующих развитию культурного пространства, в котором действуют культурные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам пространства культуры, а также количество и качество ресурсов культурной сферы.

Социокультурная ситуация рубежа XX–XXI вв. особым образом высветила проблему динамики культуры, поскольку именно в этот период «наложение» внешних и внутренних факторов привело к усилению нестабильности и неустойчивости в российском обществе. Такие состояния характерны для периодов интенсивных изменений, реформирования социально-экономической и политической системы. Как правило, они сопровождаются процессами обновления социокультурной парадигмы, активизируя процесс становления гражданского общества, закрепления принципов культурного плюрализма и «мультикультурализма», формирования информационной культуры [3].

Современное общество отличается особым усложнением социальной организации, интенсификацией культурных связей и обменов, ростом культурного многообразия, отходом от господствующих в эпоху массового индустриального общества унификации и стандартизации. В подобных обстоятельствах формируется человек, обладающий критическим сознанием и стремлением к развитию своего творческого потенциала, свободный в реализации повседневных потребностей, в общении и образовании, в стремлении к увеличению свободного времени, в практиках самопрезентации.

Однако современные общественные системы развиваются не только стремительно, но и чрезвычайно противоречиво. Так, универсализирующие тенденции, связанные с глобализацией, порождают одновременно и стремление к локализации; развитие информационных технологий, задающих определенный формат трансляции информации, актуализируют традиционные формы коммуникации; распространение ценностей западного мира обуславливает рост интереса к собственным культурным традициям; одновременно этнокультурное развитие осуществляется параллельно с «падением статуса национального государства и национальной культуры» [4].

Культура представляет собой сложное общественное явление системного характера. В самом общем смысле под культурой понимают все виды преобразовательной деятельности человека и общества, а также результаты этой деятельности, обеспечивающие воспроизводство и изменение социальной жизни [5]. Куль-

тура, в понимании Ю.А. Жданова, – «способ приобщения людей к родовой сущности человека», что возможно лишь через усвоение индивидом деятельности в ее человеческой, то есть исторической форме. В данном случае культура выступает не иначе как созданность, образованность, сформированность, просвещенность, воспитанность человека. Культура – это способ овладения любой формой деятельности. Первейшее измерение культуры – степень овладения человеком своим делом. Мир культуры – мир целостности, охватывающий все стороны человеческой деятельности. Культурное есть природное, продолженное и преобразованное человеческой деятельностью. «Человек и его культура несут в себе природу матери-земли, свою биологическую предысторию» [6, с. 6–7].

Структуры культуры отражают в том числе технологию формирования политического поведения субъектов, характер и удельный вес различных норм и ценностей. Ценностная ориентация человека на мировоззренческом уровне «встраивает» представления о политике в его индивидуальную картину мира, индивидуальное восприятие жизни; заставляет соотносить свои нравственно-этические представления с особенностями политической сферы, реализовывать представления о роли политики в достижении им своих главных жизненных целей. В рамках гражданских ориентиров человек осознает свои возможности как участника публичных отношений, в которых действуют особые органы и институты (органы государственного управления, суд и др.), чья деятельность влияет на реализацию и соблюдение его прав и свобод.

Типичным способом структуризации культуры является различение ценностных ориентиров и способов политического поведения в зависимости от принадлежности людей к социальным, национальным, демографическим, территориальным, конфессиональным, ролевым (элита и электорат) и другим общественным группам. Тем самым культура характеризует наличие у ее носителей различий в отношении к власти и государству, правящим партиям, в способах политического участия и т.д., то есть культура выступает в определенной – значительной – степени мерой национальной безопасности [7].

Очевидно, что в современном государстве невозможно обеспечить приемлемый уровень безопасности только усилиями правоохранительных органов. К решению этой задачи, так или иначе, должна быть привлечена вся политика государства, в том числе культурная, координирующая усилия всех институтов по социализации и инкультурации человека. Можно сформулировать принцип культурного (назовем его также «мягким») аспекта национальной безопасности: чем меньше средств вкладывает правящая элита в культуру и образование сегодня, тем больше она должна будет вложить их в милицию, юстицию и пенитенциарную систему завтра [7].

В перечне проблем национальной безопасности России первое место занимают угрозы внутреннего характера: региональный сепаратизм, национальный, религиозный и социальный экстремизм. Известны причины, порождающие эти угрозы: рост экономического неравенства людей, социальные и национальные противоречия, несовершенство законов, разрушение прежних ценностных идеалов и несформированность новых. За этим, на наш взгляд, видится одна общая причина: отсутствие в стране культурной среды для равного участия всех гражд-

дан в свободной социальной конкуренции на рынке труда, что привело существенную часть населения к разочарованию в эффективности законных способов обретения социальных благ, к росту социального недовольства, а в результате – к угрозам национальной безопасности.

Основа правового общества – это среда, где более энергичный, трудолюбивый, способный и профессионально подготовленный человек естественным образом имеет больше шансов опередить конкурентов и заработать больший объем социальных благ; это основа социальной культуры, и там, где уровень социальной культуры выше, существенно ниже уровень внутренних угроз национальной безопасности.

Тем не менее жизнь человека состоит не только из удовлетворения его утилитарных потребностей, но и из стремления к новым идеям, знанию, вере. Жизнь регулируется этическими и эстетическими предпочтениями, эмоциями, стремлением к самоутверждению, потребностью в любви, одобрении и признании со стороны других людей и т.п. – все это принято называть «ценностными ориентациями» человека, его культурой [7].

Все более значимое звучание приобретает духовная культура и проблема обеспечения духовной безопасности. Духовная безопасность общества в первую очередь связана с состоянием его духовной сферы, с уровнем развития его культуры и нравственности. П.Н. Беспаленко предлагает следующее определение духовной безопасности: «Духовная безопасность выступает качественной характеристикой состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры» [8]. А.С. Запесоцкий считает, что «духовная безопасность – это система условий, позволяющая культуре и обществу сохранять свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы» [9]. Согласно С.И. Самыгину и А.В. Верещагиной, национальная безопасность и духовная безопасность теснейшим образом связаны между собой, являясь как источником стабильности друг для друга, так и фактором формирования рисков и угроз [10].

Решение проблемы духовности состоит, в частности, в том, чтобы выяснить, как общество, то есть организация совместной жизни людей, производит духовные ценности, хранит их и распространяет. Интерес в связи с этим, на наш взгляд, может представлять анализ процесса формирования духовных потребностей, причин изменения в обществе духовной ситуации. Изменения эти, как правило, маркируются девальвацией – «падением в цене» одних ценностей – и доминированием – «выходом в авангард» в обществе других. Отчетливо эта ситуация проявляется в современных российских условиях, где очевидным трендом становится отождествление успеха с уровнем материального состояния, тогда как такие категории, как «мораль», «нравственность», будучи имманентными характеристиками качества человека, находят себя на периферии шкалы оценки успешности. Одной из стратегически важных задач государственной культурной политики является изменение этих трендов, «переориентация» жизненных установок в сторону следования ценностям морали, нравственности, духовности – настоящим – «в человеческом измерении» – ценностям.

Ряд современных исследователей, изучающих проблематику духовности, культуры и национальной безопасности в контексте их сложных и многоаспектных связей с политической жизнью общества, отмечают как одну из очевидных тенденций имитационную составляющую в организации политического пространства, высокую степень присутствия в политическом дискурсе «спектаклярных» явлений. Так, по И.А. Вальдману, «кризисные явления, несущие угрозу безопасности общества, в немалой степени обусловлены избытком имитационной составляющей во многих сферах социальной деятельности» [11].

Имитация – это явление, проявляющееся в искажении социальной и политической определенности, в основе которого – процессы социального действия, связанные с подменой предметно-смысловой реальности путем создания видимости [12, с. 3–4]. Проявление имитации в обществе связано с нарастанием в различных сферах общественного бытия имитационных стратегий и практик, активно воздействующих как на социальные процессы, так и на массовую психологию, что обусловлено в первую очередь общим курсом политической элиты как доминирующего социального субъекта, накладывающимся на социальный климат, социокультурную среду, ценностные ориентации и психологию масс. Недаром социолог Б.В. Дубин, характеризуя современное российское общество, указывает, что в условиях направленного торможения экономической, социальной и культурной дифференциации общества происходит расширение поля проявления интегративных символов и церемоний, ритуализация или церемониализация текущей политики [13, с. 237].

В начале XXI века в России, по мнению многих исследователей, началась очередная трансформация политического режима, характерными чертами которой стали прежде всего усиление авторитаризма, постепенное «сворачивание» демократического проекта. Все это вызвало новую волну критических оценок социальной и политической ситуации. Многие политологи отмечали, что в современной России сама по себе политика из конкурентной демократической практики с непредсказуемым итогом превратилась в квазиполитику. По большому счету политика как совокупность гражданско-правовых практик перестает существовать. Суть политических изменений с 2000 г. многие исследователи обозначали как ослабление всех конституционных демократических институтов – обеих палат парламента, политических партий, правительства, СМИ и других с последующей заменой их субститутами, в роли которых выступают Администрация Президента РФ, Госсовет, многочисленные советы при Президенте, полпреды и т.д.

Сама политическая жизнь приобретала характеристики «общества спектакля». Согласно Ги Дебору, в процессе трансляции спектакля человек начинает терять собственную индивидуальность. В человеке складывается убеждение, что главное в жизни – видимость, да и сама его общественная жизнь – видимость, спектакль. «Конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства». Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима диалога; он оказывается в социальной изоляции [14; 15, с. 194].

Процессы модернизации демократических принципов и институционализации демократических процедур проходили неравномерно и по большей части

инициировались властью, а не институтами гражданского общества, только формирующимися в России. Это обусловило декоративно-подражательный характер многих демократических институтов. В обществе набирала силу тенденция имитации, видимости партийно-политической конкуренции. Общественное мнение обеспокоилось отсутствием реальной политической конкуренции в политической жизни.

В России в 1990-е годы сложилась политическая система, характеризующаяся политическим режимом с авторитарно-олигархическим характером, неразвитостью гражданского общества и партийной системы и, следовательно, в определенной степени неспособностью власти результативно отвечать на требования современности. Усиление «вертикали власти» естественным образом привело к концентрации полномочий в руках исполнительной ветви и главы государства, что очевидно усилило монополизм принятия решений. Повседневные политические практики в России сводятся к дилемме: жесткий авторитаризм или ограниченная (делегативная) демократия. Подобные режимы, воспроизводя политико-культурную зависимость своих регионов и модель «запаздывающей модернизации», характерны для полупериферии глобализации [16].

В политической жизни и политическом сознании отмечается тенденция утрачивания населением позитивного восприятия государства как выразителя общественного идеала и носителя социального проекта развития. В государстве все менее видится органичный продукт истории конкретного народа (или народов), населяющего государствообразующую территорию. Оно не осознается как концентрированное выражение образа национальной коллективной идентичности. В политическом сознании и в «археологии знания» (М. Фуко) отсутствует идея «общего блага» как высшей цели государственного бытия, отторгается тезис солидарности как идейно-духовной опоры консолидации российского общества [17].

Эти и другие особенности обуславливают, на наш взгляд, необходимость активизации усилий государства и общества в области разработки и реализации культурной политики.

Ведь тип современной личности не может сформироваться без образовательной, эстетической, этической компоненты как условия ее совершенствования. По сути, никакие изменения в обществе невозможны, если в практической деятельности не учитывается специфика обычаев, нравов и традиций каждого народа; не осуществляется работа по повышению творческого потенциала личности и ее общей культуры, по развитию интеллектуальных навыков, сохранению и обогащению культурных ценностей людей, духовного здоровья нации в целом. Россия имеет перспективы развития только в том случае, если ее стратегии будут предполагать комбинированную деятельность по формированию свободной, зрелой личности, способной сделать правильный социальный и интеллектуальный выбор [18, с. 90–97].

В этих условиях все более проявляется неэффективность принципов жесткой административной вертикали, их неспособность оперативно реагировать на быстрые изменения, что предопределяет очевидные неудачи в осуществлении культурной политики и неизбежное снижение ее действенности как фактора обеспечения национальной безопасности.

Представляется, что одним из адекватных факторов совершенствования культурной политики государства, в контексте создания и развития условий для отстаивания национальных интересов России, является «переосмысление» концепта «культура» и активное продвижение тренда в понимании культуры как основы государственности, ресурса социальной стабильности, экономического роста и национальной безопасности. Культура должна обрести значимость фактора национальной безопасности в политической жизни общества.

Теоретик русского символизма А. Белый отмечал: «Не может существовать культура для государства, наоборот, государство должно быть одним из средств выявления культурных ценностей; в противном случае между культурой и государством возникает непримиримый антагонизм, и в этом антагонизме разлагается и государство и культура!» [19, с. 21].

Одной из самых острых актуальных задач настоящего времени является разработка на государственном уровне политики, реализация которой с активным привлечением ресурсов «культурного» порядка способствовала бы оптимизации регулирования социального развития, стабилизации общественной и политической жизни, гармонизации межличностных человеческих отношений.

Государственная культурная политика должна, на наш взгляд, представлять систему научно разработанных и практически осуществимых политико-идеологических и организационно-технологических мер, реализация которых будет способствовать обеспечению национальной безопасности современной России, понимаемой нами как состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз и опасностей; защищенности от вызовов современности, маркирующихся сегодня в России, в частности, такими признаками, как снижение интеллектуального и культурного уровня широких социальных слоев, «размывание» духовных основ, индивидуализм, эгоцентризм, замена подлинных культурных, духовных ценностей мнимыми.

Государственная культурная политика как условие обеспечения национальной безопасности современной России – это, в нашем понимании, когнитивно-идеологический конструкт, призванный превратить исторические цивилизационно-ценностные накопления народа в фактор государственной политики. Следствием реализации государственной культурной политики может и должна стать трансформация ценностно-мотивационной сферы человека, при которой «приоритетным направлением его развития станет доминирование постматериальных мотивационных уровней» [20, с. 44].

Одним из ключевых факторов достижения этой цели является консолидация усилий участников политического пространства – всех ветвей государственной власти, общественных институтов, учреждений образования и культуры, религиозных организаций. Активное взаимодействие акторов политического пространства на основе использования научно обоснованных, релевантных и продуктивных механизмов (представленных как приоритеты государственной культурной политики) будет способствовать созданию естественной среды для подлинной политической модернизации, предпосылками которой станут творческое и интеллектуальное развитие, нравственное совершенствование и духов-

ный рост человека. И среда эта в конечном итоге выступит залогом обеспечения национальной безопасности России.

В заключение необходимо отметить, что, по нашему мнению, именно политологический анализ выявления взаимосвязи культурной политики и национальной безопасности может привлечь внимание ученых и специалистов в области управления культурой и социальной сферой к разработке эффективной модели государственной культурной политики, реализация которой позволит оптимизировать управленческое воздействие государственных и общественных институтов с целью совершенствования организации культурного пространства и повышения продуктивности использования потенциала культуры в системе национальной безопасности современной России. В связи с этим государственная культурная политика в качестве своего имманентного методологического инструментария должна включать не только теоретическое обоснование, но и описание практических шагов, направленных на повышение эффективности культуротворческого капитала, укрепление механизмов самоорганизации социокультурной системы, на формирование современной индустрии культуры, способной обеспечить различные категории граждан культурной информацией и культурными услугами.

Библиографический список

1. *Колин К.К.* Духовная культура общества как фактор обеспечения национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 46–58.
2. *Ванденко А.Е.* Львиная доля // Итоги. 2012. № 37, 10 сент.
3. *Астафьева О.Н.* Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Astaphyeva2.htm>
4. *Костина А.В.* Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе. М., 2009.
5. *Колин К.К.* Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. URL: www.metodist.lbz.ru/lections/10/files/8.doc
6. *Белов А.В.* Идея культуры в наследии Ю.А. Жданова // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 5–14.
7. *Филиппов А.* Развитие культуры – фактор обеспечения национальной безопасности. URL: www.alexander-filippov.com/razvitiyekultury.htm
8. *Беспаленко П.Н.* Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2009.
9. *Запесоцкий А.С.* Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2. С. 3–8.
10. *Самыгин С.И., Верецагина А.В.* Духовная безопасность России как основа российской государственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1.
11. *Вальдман И.А.* Инновационная деятельность и возможности преодоления имитационной парадигмы // Философия образования. 2009. № 1. С. 44–51.
12. *Волков Ю.Г.* Социальная имитация в контексте социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.
13. *Дубин Б.В.* Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М., 2011.
14. *Дебор Г.* Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М., 1999.
15. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2008.

16. Баранов А.В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград, 2007.

17. Афанасьев Ю.Н., Давыдов А.П., Пелипенко А.А. Вперед нельзя назад! // Континент. 2009. № 141.

18. Богатырева Т.Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России // Государственная служба. 2002. № 5. С. 90–97.

19. Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М., 1994.

20. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Ростов н/Д, 2011.

N.V. Logvin
The Role of the State
in Improving the Economic
Efficiency of the Education
System

The role of the state in increasing the economic efficiency of Russian education is studied. Objectives and the direction of the state regulation of the higher education system to ensure access to quality education and the development of its innovative character are formulated.

Key words and word-combinations: state regulation, higher education, market economy.

Èññèääóóðñý ðíèü àíñóääðñòää á ïíâúøáíèè ýéíííè÷-áñéíé ýóðáè-ðèáííñòè ðíññèéñéíáí íáðàçíáàíèý. Óíðíóèèðóðñý çää÷-è è íáíðääèá-íèý àíñóääðñòääíííáí ðääóèèðíáà-íèý ñèñðáíü áúñøááí íáðàçíáàíèý, íááñíá÷-èáàðùèá àíñðóíííñòü èà÷-á-ñòääíííáí íáðàçíáàíèý è ðàçáèðèèá ááí èíííáàðèíííáí òàðàèèðáðà.

Èþ-ááúá ñèíáà è ñèíáííí÷-áðà-íèý: àíñóääðñòääíííá ðääóèèðíáà-íèè, áúñøáá íáðàçíáàíèè, ðúíí÷-íáý ýéíííèèè.

УДК 33:37
 ББК 65.479

Н.В. Логвин

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА
В ПОВЫШЕНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Сложно назвать проблему, более значимую для прогресса человеческого общества, чем образование. Всестороннее развитие личности не просто относится к общенациональным интересам, но во многом их выражает и обеспечивает реализацию на приоритетных направлениях общественно-политического и социально-экономического развития страны.

Стратегическая цель, которую определило Правительство РФ на ближайшие годы, – доступность качественного образования и развитие его инновационного характера. Речь идет прежде всего о совершенствовании системы общего образования в отношении его индивидуализации и ориентации на практические навыки, а также о расширении сферы дополнительного образования.

На современном этапе важны все звенья образования, которые можно объединить в единую систему непрерывного образования.

Успешность развития системы непрерывного образования связана не только со степенью доступности его получения, то есть насколько государство, общество, работодатели создали условия для получения гражданами образования того или иного уровня, для реализации возможности его выполнения и совершенствования, но и с готовностью людей этим воспользоваться.

Одним из ключевых звеньев системы непрерывного образования является подсистема высшего профессионального образования. Эффективная подсистема высшего образования – важнейший фактор научно-технического прогресса, модернизации экономики и общества в целом.

В обществе с рыночной экономикой все социальные подсистемы должны быть интегрированы в рыночные отношения. Но образование представляет собой сферу особой, стратегической для общества значимости, поэтому многие специалисты не могут согласиться с перспективой полной утраты возможности влияния на сферу образования непосредственно-директивным образом, через административные рычаги государства.

Сохраняя за собой значительный государственный сектор образования, Российское государство неизбежно сталкивается с необходимостью постоянного взаимодействия с негосударственным сектором на началах рыночной конкуренции или партнерства, а также в качестве субъекта правового контроля.

Соотношение государственной и общественной составляющей в управлении образованием; модели организации управления образованием, характеризующиеся различным соотношением государственного и общественного участия; оценка эффективности различных моделей и их позиционирование относительно друг друга; новые модели формирующихся образовательных учреждений исследованы в трудах К.К. Бартона, Р. Бирнбаума, Г.Е. Карлсена, Л.Л. Лесли, К. Хадсона и других ученых. Однако результаты этих исследований, что в ряде случаев признается и самими авторами, не позволяют выявить роль государства в повышении экономической эффективности системы образования.

Образование как институт представляет систему, охватывающую «совокупность статусов и ролей, норм и ценностей, социальных организаций (школ, университетов, академий), отвечающую за передачу новым поколениям накопленного человеческого опыта, часть процесса социализации личности в ходе ее становления и адаптации к определенным общественным отношениям» [1, с. 74]. Образование, будучи весьма сложной, причем открытой системой, представляет собой конгломерат общечеловеческих знаний, и его прогрессивная поступь зависит от многих факторов.

Система образования в России становится все более открытой, характеризуется высокой степенью интенсивности обмена с внешней средой, которая в данном случае является социально-экономическим, политическим, научным пространством как России, так и мирового сообщества.

Получение знаний тесно связано с формированием умений, ценностных ориентаций и социальных установок, соответствующих будущим социальным целям человека [2]. Вполне очевидна тесная взаимосвязь образования с экономикой, которая определяет материальную базу сферы образования, обуславливает ее содержание, выявляя перечень необходимых обществу специальностей и

профессий, структуру учебных дисциплин. Со своей стороны, образование готовит кадры, нужные для решения экономических задач, развития современных технологий, обеспечивает накопление суммы знаний, необходимых для прогрессивного развития. Воздействие образования на экономику отчетливо проявляется в процессе изменения характера труда.

Уже сегодня в развитых странах свыше половины активных граждан заняты не физическим, а умственным трудом. По данным социологов, около 90% вновь открывающихся рабочих мест рассчитаны на работников, имеющих полное среднее образование и даже одно-двухгодичное полусреднее, постоянно увеличивается доля квалифицированного труда, изменяется даже само понятие этой категории рабочих [3, с. 7]. Современное производство требует не только профессионально-технических, но и общекультурных знаний. Традиционные жесткие границы между физическим и умственным трудом размываются. Многие исследователи указывают на необходимость нового подхода к пониманию человеческого фактора в производстве [4, с. 195]. Идет процесс интеллектуализации экономики, благодаря которому образование приобретает все больший вес в обществе.

Отмечая взаимосвязь образования и экономики, важно подчеркнуть, что образование занимает особое место в системе общественного разделения труда. Это единственная отрасль, которая удовлетворяет запросы населения в образовательных услугах и специализируется на воспроизводстве главной производительной силы общества – квалифицированных рабочих.

На современном этапе развития человеческого общества образование выходит за рамки национальных государств, становится международным институтом. Вследствие информационно-технологической революции значительно возрастает потребность в постоянном обновлении знаний и повышении квалификации; образование превращается в непрерывный процесс на протяжении всей жизни человека. Одним из вызовов современности является создание стройной системы непрерывного образования, учитывающей и возможности конкретного индивида, и потребности общества. Непрерывность должна обеспечиваться многоуровневой структурой системы образования, разнообразием учебных заведений, преемственностью образовательных и образовательно-профессиональных программ.

Таким образом, образование в обществе выполняет особую социально значимую роль, от эффективности реализации которой зависит прогрессивное развитие страны. Государство, все население в целом и каждый человек в отдельности заинтересованы в том, чтобы совершенствование системы образования происходило наиболее оптимальным способом, чтобы она сосредоточивалась не только на решении своих проблем, но и целенаправленно, планомерно реализовывала свои социальные функции.

Национальные системы высшего образования строятся на разных организационно-экономических основаниях. Различаются как степень регулирования данной сферы государством, так и применяемые инструменты и методы. Наиболее ярко выраженные различия связаны с тем, является ли система высшего образования преимущественно государственной или превалирует негосударственный сектор, а также с бесплатностью или платностью получения высшего образования для потребителя.

Вместе с тем, несмотря на различия, государственное регулирование системы высшего образования направлено на достижение трех основных целей: повышение доступности, качества и эффективности образования. При достижении указанных целей решаются социальные, экономические и политические задачи.

К экономическим задачам можно отнести развитие человеческого капитала, обеспечение экономического роста и роста доходов населения, удовлетворение потребностей рынка труда в высококвалифицированных специалистах. В силу того что в развитых странах экономика становится все более интеллектуальной, превращается в экономику знаний, роль государственного регулирования этой сферы заметно повышается, хотя возникает необходимость смены инструментов такого регулирования.

Среди социальных задач можно выделить прежде всего повышение социальной мобильности молодежи, поддержку доступности высшего образования для социально уязвимых групп населения (малообеспеченных, национальных и этнических меньшинств, инвалидов, сирот и т.п.). К ним также относятся повышение социальной активности, рост толерантности (национальной, расовой, религиозной и т.п.), повышение культурного уровня населения в силу роста его образованности (хотя это и не происходит автоматически, но почва тем не менее создается). Получение высшего образования студентами из различных социально уязвимых групп рассматривается обществом как «социальный лифт», и государство должно, регулируя данную сферу, обеспечивать его нормальную работу. Расширение доступности высшего образования выступает как инструмент борьбы с бедностью и социальной напряженностью в обществе.

К политическим задачам относятся повышение конкурентоспособности национальной системы высшего образования на мировом образовательном рынке, рост экспорта образования. Решение политических задач напрямую связано с экономическими: рост экспорта образования, как правило, ведет к увеличению экспорта товаров, услуг и технологий. Экспорт технологий, в свою очередь, требует соответствующей подготовки и переподготовки кадров в странах-импортерах, а затем и регулярного повышения их квалификации. Это ведет к дальнейшему росту экспорта образования и соответственно повышению конкурентоспособности национальной системы образования на мировом образовательном рынке.

Требования одновременной реализации целей повышения доступности и качества высшего образования могут вступать в противоречие друг с другом (особенно когда не заданы количественные параметры, что в случае качества образования достаточно проблематично). Резкое расширение доступности обычно ведет к снижению в среднем качества образования. Однако после того как определенный уровень доступности достигнут, качество постепенно начинает расти (но уже при более широком охвате населения высшим образованием).

Изменяется и само понимание качества высшего образования, а также функций высшей школы, что не всегда учитывается при анализе процессов, протекающих в данной сфере. Например, в последние годы во многих развитых странах численность студентов вузов достигла того предела, когда можно говорить о переходе к всеобщему высшему образованию (США, Канада, Япония, Швеция, Норвегия, Дания и др.).

При падении качества образования происходит тем не менее экстенсивное наращивание человеческого капитала, обеспечивается более высокий уровень социальной мобильности. На этом фоне получение высшего образования приобретает статус социальной нормы.

В случае достаточно тонкой настройки системы регулирования образовательной сферы в принципе возможен рост качества образования при определенном расширении его доступности. Но следует подчеркнуть, что для этого требуется выверенная система регулирования, которая не может ограничиваться только государственным уровнем, а должна поддерживаться и структурами гражданского общества, и самими высшими учебными заведениями.

Если государственное регулирование доступности направлено в первую очередь на обеспечение доступа к высшему образованию молодежи из социально уязвимых групп и ее поддержки на протяжении всего процесса обучения, то регулирование качества образования строится на иных основаниях. Имеется в виду следующее: создание независимых систем контроля и оценки качества образования на национальном и международном (многонациональном, межнациональном) уровнях, интерполирование разрабатываемых принципов и процедур высшими учебными заведениями, которые начинают проводить самооценку своей деятельности на основе общих для всех показателей. Таким образом, в настоящее время создаются трехуровневые системы контроля и оценки качества высшего образования.

Это обусловлено вполне определенной регулятивной ролью в данном процессе государства, которое стимулирует принятие вузами международных стандартов качества и включает соответствующие показатели в формулы, по которым строится государственное финансирование университетов.

Глобализация экономики и рынков труда приводит к тому, что, несмотря на конкуренцию, происходит определенная конвергенция американской, австралийской и европейской систем высшего образования, неформальная выработка для них единых критериев качества высшего образования, облегчение академической мобильности студентов и преподавателей.

Проблема повышения эффективности системы высшего образования может трактоваться по-разному. Так, критериями при этом часто выступает решение упомянутых ранее социальных, экономических и политических задач. Однако, хотя в общественном мнении эффективность понимается именно как соответствие деятельности системы образования определенным, прежде всего социальным результатам, экономически необходимо оценить те затраты, которые обеспечивают их достижение. Возникает проблема соотношения издержек и выгод, например сопоставления государственных расходов, которые обеспечили прирост доступности высшего образования (или прирост качества), с величиной этого прироста и, более того, с выгодами, которое общество получает от указанного повышения доступности (качества).

Рост массовости высшего образования, переход в ряде развитых стран к всеобщему высшему образованию, делают проблематичными сложившиеся подходы к финансированию вузов. Начинает складываться, причем независимо от того, какая модель превалировала раньше, модель распределения затрат на выс-

шее образование между государством (бюджетные расходы на образование), обществом (расходы некоммерческих организаций и фондов), домохозяйствами (расходы семей) и самими обучаемыми (подработка для оплаты обучения, возврат после окончания вуза образовательного кредита).

Следует отметить еще одну важную особенность этого распределения: оно затрагивает не только перечисленных участников образовательного рынка, но и имеет четкую временную перспективу, охватывающую, как минимум, 10–15 лет. В результате образуются долговременные стратегии многих агентов в области финансирования высшего образования, которые закладывают устойчивость его развития на долгосрочную перспективу: распределяется не только бремя затрат, но и бремя рисков.

Распределение расходов на высшее образование между различными агентами образовательного рынка приводит к тому, что идет постепенное изменение схем государственного регулирования доступности, качества и эффективности высшего образования [5, с. 90–94].

Государство через свои органы регулирует доступность и качество образования. Первичным является определение численности студентов вузов во взаимосвязи с объемом бюджетных расходов на образование. Оценка качества образования производится на выходе и особого влияния на бюджетное финансирование вузов не оказывает. Финансируется процесс, а не результат. Эффективность системы, как таковая, не определяется: осуществление деятельности в определенных заданных параметрах рассматривается как ее целесообразность; именно поэтому и качество не играет особой роли – оно также выступает как некий фиксированный показатель.

Разделение затрат на образование, появление негосударственных источников финансирования высшего образования принципиальным образом меняют возможности и механизмы государственного регулирования данной сферы. Негосударственный сектор высшего образования появляется до того, как в государственные вузы начинают допускать платный контингент. При этом теоретически может происходить резкое размежевание этих секторов по источникам финансирования: государство финансирует только государственные вузы, и обучение в них бесплатное, обучение за плату осуществляется только в негосударственных высших учебных заведениях. В этих условиях регулирование государством доступности осуществляется тем, что оно задает численность бюджетных студентов (т.е. контингент государственных вузов) и может устанавливать верхний предел числа студентов в каждом негосударственном вузе, ставя тем самым верхний предел контингентам, обучаемым в негосударственном секторе. Качество образования в принципе может регулироваться одинаково, особенно при наличии независимой системы его контроля и оценки.

В ситуации, когда нет жесткого разделения и в государственных вузах могут обучаться платные студенты, основной вопрос состоит в том, участвует ли государство в финансировании негосударственного сектора высшего образования, и если да, то в каких объемах и на каких условиях.

Поступление государственных средств в частные вузы, как правило, сопровождается ужесточением контроля за качеством обучения и становлением неза-

висимых систем его контроля и оценки. Эффективность образования может рассчитываться как рост качества по отношению к общему объему ресурсов (государственных и частных), поступающих в систему высшего образования в целом и в каждый вуз (государственный и негосударственный) в частности.

Таким образом, государственное регулирование доступности, качества и эффективности высшего образования – это многоаспектная и многофакторная проблема. Принципы, подходы и механизмы регулирования сильно зависят от устройства институциональной среды, в которой оно осуществляется [6].

Исследование опыта государственного регулирования систем высшего образования за рубежом показывает, что в наиболее общем виде можно выделить следующие его основные направления:

- государственное финансирование и субсидирование системы высшего образования, включая поддержку образовательного кредитования;
- создание условий для становления независимых систем контроля качества образования, развития образовательных технологий, интеграции науки и образования;
- регулирование численности студентов и структуры подготовки кадров;
- поддержка интеграции национальных систем образования и академической мобильности студентов и преподавателей.

Таким образом, наше исследование показало, что система образования России преимущественно является государственной, государство служит основным источником ресурсов для образования и инициатором модернизационных процессов, что подтверждается опытом проведения образовательных реформ.

На наш взгляд, роль государства на современном этапе модернизации должна заключаться в обеспечении качества образования, доступности для различных слоев и социальных групп населения, увеличении ресурсного обеспечения образования, привлечении общественности к решению проблем образования. Кроме этого, требуются усиление связи образования с народным хозяйством, с потребностями рынка труда; улучшение управления образованием в части совершенствования его структуры; распределение функций по уровням управления; развитие самостоятельности образовательных учреждений наряду с усилением государственного контроля в этой сфере.

Библиографический список

1. *Аганов П.В.* Образование // Социологическая энциклопедия: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 74.
2. *Миндибекова Л.А.* Социальные функции высшего образования и проблемы реализации // Труд и социальные отношения. 2005. № 2. С. 65–78.
3. *Щетинин В.П., Хроменков Н.А., Рябушкин Б.С.* Экономика образования. М., 1998.
4. *Воронина Т.П.* Образование в информационном обществе. М., 1998.
5. Система управления социально-трудовыми отношениями в российской экономике: направления совершенствования / М.А. Какушкина, А.Б. Хмельков, Н.В. Логвин; под ред. М.А. Какушкиной. Тамбов, 2011.
6. *Костылева С.Ю.* Экономические отношения субъектов образовательного пространства в Российской Федерации // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 5. С. 52–61.

**A.P. Velikanov
The Political Subject Potential
of Employers' Associations
within the Russian System
of Tripartism**

The contradictory role of employers' associations within the Russian system of tripartism and in the context of the overall interaction between government and business is studied. The particular purposes of the incorporation of the federal business associations in the social partnership interaction are shown. The need to revise the position of the state in the tripartite system considering the interests of employers' associations is denoted.

Key words and word-combinations: tripartism, employers' associations, the state.

Исследуется противоречивая роль объединений работодателей в системе отечественного трипартизма в контексте общего взаимодействия власти и бизнеса. Показаны частные цели включения федеральных бизнес-объединений в социально-партнерское взаимодействие. Обозначена необходимость пересмотра позиции государства в системе трипартизма с учетом интересов объединений работодателей.

Ключевые слова и словосочетания: трипартизм, объединения работодателей, государство.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

А.П. Великанов

**ПОЛИТИКО-СУБЪЕКТНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ
ОБЪЕДИНЕНИЙ
РАБОТОДАТЕЛЕЙ
В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО
ТРИПАРТИЗМА**

В диалектике политического процесса современной России на протяжении длительного времени сохраняют актуальность идеи политической модернизации, связываемые с необходимостью укоренения институтов и ценностей демократии, неконфликтного взаимодействия и согласования интересов, социально ориентированной рыночной экономики.

В связи с этим исследовательский интерес привлекают проблемы теории и практики отношений труда и капитала в рамках социального партнерства, реализуемого в стране в форме трипартизма, характеризующегося вхождением в социально-партнерские отношения третьей стороны – государства.

Трипартизм в понимании автора представляет собой форму политического процесса, отражающую институционализированное взаимодействие представителей органов государственной власти и местного самоуправления, работников, работодателей по вопросам регулирования социально-трудовых отношений, обеспечивающее согласование индивидуальных интересов с целью достижения максимальной общественной полезности.

Основными субъектами системы трипартизма выступают государство и органы местного самоуправления (их представители), работники (представители работников, в первую очередь – профсоюзы) и работодатели (межотраслевые и отраслевые объединения).

Субъекты трипартизма вступают в социально-партнерские отношения опосредованно, через представителей, причем от их организованности определенно зависит и результативность совместной деятельности субъектов. Одной из особенностей российского трипартизма является традиционно сильная позиция объединений работодателей, представляющих интересы бизнеса, при отсутствии достаточной защищенности гарантий труда со стороны профсоюзов, во многом имеющих квазинезависимый характер.

По указанным обстоятельствам комплексный подход к изучению феномена российского трипартизма неизбежно актуализирует исследование специфики субъектного положения объединений работодателей в системе трипартизма.

По нашему мнению, субъектный потенциал объединений работодателей, создаваемых с целью представительства интересов бизнеса и во исполнение нормативных требований законодательства о социальном партнерстве, выходит за пределы собственно трипартизма и обнаруживает себя в более широком политическом поле.

Кроме этого, являясь в действительности сильнейшей стороной социального партнерства, бизнес в отсутствие внешних ограничений со стороны государства может утрачивать объективный интерес к взаимодействию с партнерами в рамках трипартизма. Указанное обстоятельство может служить фактором, сдерживающим развитие всей системы трипартизма.

Для решения исследовательской проблемы необходимо рассмотреть особенности правового положения, декларируемые ценности и реальные ожидания бизнес-объединений, участвующих в трехстороннем социальном партнерстве.

В соответствии с действующим законодательством объединения работодателей образуются для участия в работе институтов трипартизма на местном, отраслевом, региональном и федеральном (национальном) уровнях.

Так, согласно ст. 1 Федерального закона от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Российской Федерации» комиссия, выступающая федеральным органом трипартизма, включает в качестве одной из сторон (помимо представителей национальных объединений профессиональных союзов и Правительства Российской Федерации) общероссийские объединения работодателей.

В трудовом законодательстве (ст. 33 Трудового кодекса РФ) объединение работодателей понимается как некоммерческая организация, куда в добровольном порядке входят работодатели с целью представительства собственных интересов и защиты прав в отношениях с объединениями, представляющими интересы работников, а также органами государственной власти и местного самоуправления.

Конкретные особенности положения объединений работодателей устанавливаются Федеральным законом от 27 ноября 2002 г. № 156-ФЗ «Об объединениях работодателей». Действие указанного Закона распространяется на все объединения работодателей, осуществляющие деятельность на территории страны.

В соответствии с положениями Закона работодатели имеют право без получения предварительного согласия каких-либо органов государственной власти и местного самоуправления, иных органов в добровольном порядке организовывать объединения работодателей для обеспечения реализации законных интересов и отстаивания прав участников в сфере общественно-трудовых отношений и со-

пряженных с ними экономических отношений с профсоюзными объединениями, представителями органов местного самоуправления и государственной власти.

Со своей стороны государство обязуется способствовать реализации интересов работодателей, связанных с объединением в целях развития системы трипартизма, обеспечением участия работодателей в предусмотренном порядке в разработке и проведении согласованной политики в сфере общественно-трудовых отношений и сопряженных с ними экономических отношений [1, ст. 2].

Принимая участие в системе трипартизма, бизнес получает определенные преимущества. Главным образом он приобретает гарантии эффективной работы наемных трудящихся, что становится возможным в результате включения в коллективные договоры и соглашения условий о недопустимости забастовок и иных противостояний в случае выполнения работодателем собственных обязательств. Помимо этого, принимая на себя социальные обязательства, в ответ бизнес зачастую получает субсидии и преференции в виде имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий, преимуществ от органов государственной власти и местного самоуправления, становится инвестиционно привлекательным.

Таким образом, существующее законодательное обеспечение социального партнерства предоставляет работодателю в случае его участия в системе трипартизма на любом уровне лишь косвенные имущественные и социальные выгоды, зачастую приемлемые и для иных сторон данной системы.

Чтобы понять цели, которые преследуют объединения работодателей, необходимо рассмотреть деятельность крупнейшего из них – Российского союза промышленников и предпринимателей.

Союз был создан в 1990 г. в качестве реакции на призыв народных депутатов СССР отстаивать совместные интересы промышленных и научных организаций, сотрудничать на равноправной основе с правительством и профсоюзными объединениями в период стремительных изменений, происходящих в государстве, политике и экономике, под руководством парламентария А. Вольского [2].

С введением в действие Указа Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 212 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» внедряется в практику регулярное заключение на федеральном уровне генеральных соглашений между Правительством РСФСР, полномочными представителями общереспубликанских объединений профсоюзов и работодателей по самым разнообразным общественно-экономическим вопросам.

Начиная с 1991 г. производится ежегодное заключение трехсторонних отраслевых тарифных соглашений между государственными органами, представителями труда и капитала соответственно в лице профессиональных союзов и объединений работодателей, причем к числу последних относятся отраслевые концерны, ассоциации и другие объединения предприятий независимо от форм собственности.

Стандартными условиями соглашений становятся взаимные обязательства субъектов трипартизма, создающие предпосылки для совершенствования эффективности производства и регламентирующие общественно-трудовые отношения в сфере организации и оплаты трудовой деятельности, социальных гарантий, приема и высвобождения работников, упрочения дисциплины труда, предотвращения трудовых конфликтов, а также иные положения, призванные обеспечить согласование интересов в процессе разгосударствления и демонополизации экономики [3, ст. 2–3].

Так союз приобретает статус полноценного субъекта трипартизма. В дальнейшем деятельность союза была подчинена задачам содействия адаптации российских предприятий к рынку, защиты и сохранения базовых отраслей производства, профессиональных и научно-технических резервов промышленности, развития международных контактов.

Еще в 2001 г. Президент РФ В.В. Путин, выступая на XII съезде Российского союза промышленников и предпринимателей, отметил, что союз «объединяет представителей всех направлений российского бизнеса и по праву пользуется уважением и авторитетом не только в нашей стране, но и за рубежом... Сегодня, когда приоритетными задачами государственной власти являются развитие экономики и повышение благосостояния граждан, ваш огромный опыт практической работы, влияние в деловых кругах и ответственный подход к принятию решений приобретают особое значение» [4].

В настоящее время Российский союз промышленников и предпринимателей является крупнейшей общероссийской организацией, представляющей интересы работодателей. Российский союз действует в форме двух юридических лиц – общероссийского объединения работодателей (ООР «РСПП») и общероссийской общественной организации (ООО «РСПП»).

Сегодня в Российский союз промышленников и предпринимателей входят более 100 отраслевых и региональных объединений, представляющих ключевые сферы экономики: топливно-энергетический и машиностроительный комплексы, кредитно-банковскую и инвестиционную системы, а также оборонную, легкую и пищевую промышленность, строительство, химическое производство, сферу услуг [5].

Российский союз промышленников и предпринимателей объединяет более 320 тысяч промышленных, научных, финансовых и коммерческих организаций во всех регионах Российской Федерации. Предприятия и организации, входящие в РСПП, производят в совокупности более 60% валового внутреннего продукта России. По состоянию на сентябрь 2012 г. в составе Российского союза промышленников и предпринимателей действуют 37 комитетов, комиссий и рабочих групп [6].

Членами данного объединения являются такие крупные предприятия, как ОАО «РЖД», ОАО «Татнефть», ОАО «Северсталь», ОАО «РусГидро», ООО «ЕвразХолдинг», ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель», Банк ВТБ, ОАО «Мечел», ОАО «Группа «Илим», ОАО «Нижнекамскнефтехим», ОАО НПО «Сатурн», ООО «СИБУР», ООО «РУ-КОМ», ОАО «Холдинговая компания «МЕТАЛЛОИНВЕСТ», ЗАО «Трансмашхолдинг», ЗАО «Евроцемент групп», ОАО «Мегафон», ОАО «Аэрофлот», ФГУП «Почта России», ООО «Кнауф Сервис», ОАО «Алкоа Металлург Рус», ОАО «Лафарж Цемент» и многие другие [7, с. 3].

Союз провозглашает своей миссией консолидацию усилий промышленников и предпринимателей России, направленных на улучшение делового климата, повышение престижа российского бизнеса в стране и за рубежом, поддержание баланса интересов предпринимательства, власти и общества.

Вместе с тем из конкретных направлений деятельности Российского союза промышленников и предпринимателей (повышение эффективности участия в формировании экономической политики, отстаивание консолидированной пози-

ции предпринимательского сообщества во взаимоотношениях с органами власти, совершенствование международного сотрудничества на основе ассоциаций бизнеса, участие в формировании и работе деловых советов [7]) прямо не следует стремление объединения развивать социально-партнерское взаимодействие с учетом взаимных потребностей иных сторон, в первую очередь профсоюзов.

На юбилейной конференции «Взаимодействие бизнеса и государства: 1991–2006 гг.» президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохин заявил, что «за прошедшие 15 лет главной задачей, целью РСПП было выстраивание диалога бизнеса и власти» [8, с. 60], а отнюдь не трипартистского диалога.

Участие в системе трипартизма для Российского союза промышленников и предпринимателей на практике во многом представляет интерес в связи с выстраиванием формализованных механизмов интеракции с органами власти через Российскую трехстороннюю комиссию по регулированию социально-трудовых отношений, региональные и территориальные трехсторонние комиссии [7, с. 4]. То есть в большей или меньшей степени по причине наличия возможности политического лоббирования частных интересов.

Таким образом, значительные финансово-экономические ресурсы отдельных участников, обладание рыночной властью, все возрастающее количество представителей, мультисферность самого взаимодействия, несомненно, в современных условиях позволяют объединениям работодателей не только оставаться наиболее сильными и активными субъектами системы отечественного трипартизма, но и выступать полноценными политическими акторами, влияющими на принятие и осуществление решений на самых высоких уровнях политической системы в соответствии с интенциями, значимыми для большинства представителей российского бизнеса.

Все это обуславливает необходимость переосмысления и усиления роли государства в системе трипартизма, применения в некоторых случаях технологий сдерживания указанных корпоративных групп в целях обеспечения баланса интересов сторон трипартизма.

Библиографический список

1. Об объединениях работодателей: Федер. закон от 27 нояб. 2002 г. № 156-ФЗ (в ред. 1 дек. 2007 г.) // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4741; Рос. газ. 2002. 30 нояб.
2. Историческая справка РСПП. URL: <http://рспп.рф/simplepage/27>
3. О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов): Указ Президента РСФСР от 15 нояб. 1991 г. № 212 // Рос. газ. 1991. 19 нояб.
4. Президент России В. Путин – участникам XII съезда РСПП, 2001 год. URL: <http://www.rsppvo.ru/?source=49>
5. О РСПП. URL: // <http://рспп.рф/about>
6. Комитеты и комиссии РСПП. URL: // <http://рспп.рф/cc/news/1>
7. Об основных направлениях и результатах деятельности Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/7/5/75ed8418bcde4c3394f58ed955cbe5cc.pdf>
8. Шохин А.Н. РСПП и цивилизованный лоббизм: сб. выступлений и докладов президента РСПП А.Н. Шохина. М., 2012.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

G.N. Utenkov
Strategic Ideologemes
of the Applied Political Science

Ideological issues of theoretical and applied Political Science interconnection in the real political process are considered.

Key words and word-combinations: ideologemes, ideology, Political Science, political process.

Рассматриваются идеологические проблемы взаимодействия теоретической и прикладной политологии в реальном политическом процессе.

Ключевые слова и словосочетания: идеологемы, идеология, практическая политология, политический процесс.

УДК 005.521:32
ББК 66.06

Г.Н. Утенков

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Политические процессы современной России отличаются все более возрастающей активностью их участников. В значительной мере этому способствовало внесение изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [1]. По данным Минюста РФ, на начало октября 2012 г. зарегистрировано 40 политических партий, и более 200 оргкомитетов подали заявки на регистрацию. Принят Федеральный закон о прямых выборах высших должностных лиц субъектов РФ [2, 3]. Ожидалась деятельность некоммерческих организаций, представителей системной и несистемной оппозиции.

Главной целью данной активности является приобретение или удержание власти, в крайнем случае возможность влиять на принятие политических и управленческих решений. С точки зрения политической теории и практики, обладание властью является квинтэссенцией политики, практической полити-

ческой деятельности. В условиях демократического правового государства власть приобретает посредством законодательно утвержденных правил. В то же время политические лидеры и партии стремятся к обладанию как можно более обширными полномочиями на как можно более длительный срок. Известно, что демократические правовые процедуры приобретения и удержания власти, за исключением легитимности, не гарантируют ни первого, ни второго.

В этой точке «политической бифуркации» многочисленные социально-политические теории и концепции, идеалы и ценности, мифы и утопии, нормы права и традиции в арсенале практического политика становятся инструментом достижения поставленных целей, воздействия на участников политического процесса. Политические теория и практика содержат обширный набор средств воздействия на общество: социально-политические мифы, утопии, научные теории, нормы права, ценности, идеалы, идеи, идеологии, а также политические технологии, различные средства манипуляции общественным сознанием.

В их числе важное место принадлежит политическим идеологемам и политическим идеологиям. М.М. Бахтин понимал идеологема как экспликацию, способ репрезентации той или иной идеологии, единицы идеологической картины мира, мифологизированное представление о власти, государстве, гражданском обществе, политических и идеологических институтах, гипотезы смысла [4, с. 105]. Г.Ч. Гусейнов характеризует идеологема как концептуальные элементы идеологий [5]. В идеологемах, пишет Е.Г. Малышева, актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, содержащие стереотипные, порой мифологизированные, представления о власти, государстве, гражданском обществе, нации, идеологических и политических институтах [6, с. 35]. В связи с тем что практическая политика в своих интересах способна политизировать огромный спектр явлений, политические идеологема могут находить выражение в рекламе, спорте, религии, науке и иных дискурсах. По этому поводу Л. Троцкому приписывают высказывание, что в политике иногда наступает момент, когда со всей определенностью необходимо поставить «вопрос о бифштексе».

Политические идеологема являются своеобразными сигнальными огнями различных политических идеологий, их базовыми элементами, первичным строительным материалом. В условиях современного политического процесса в России политические партии нередко используют во многом совпадающий набор политических идеологем, имеющих различную окраску: позитивную (демократия, народ, честные выборы, инновации, прогресс, законность), негативную (коррупция, кризис, деградация, произвол, беззаконие) и т.д. Однако в зависимости от мировоззренческих позиций, политической риторики и реальных политических целей участников политических процессов, соотношения сил на политическом рынке в идеологема вкладываются различный смысл и содержание. Указанные идеологема используют и представители органов власти, и члены парламентских партий, и участники мероприятий несистемной оппозиции. Последние в лучших традициях большевистского радикализма, как писал еще С.Н. Булгаков, стремятся «вывалиться в «гущу жизни», оглушить себя гамом и шумом улицы, и там, в этом гаме, в заботах дня найти исход всем философским сомнениям [7, с. 77–78].

Идеологический спектр российских политических партий, принимающих участие в парламентских выборах, довольно широк. Здесь представлены социал-демократы, коммунисты (по крайней мере по названию), либералы, консерваторы, центристы, сторонники националистических идей. В предвыборных программах политических партий в разной степени актуализации используются идентичные идеологемы. Это связано с выраженной тенденцией, о чем пишет Я.А. Пляйс, к унификации мира, сближению жизненных стандартов, оценочных критериев, идейных ценностей [8, с. 66].

Участники политических процессов, следуя установленным государством правовым гарантиям и ограничениям, тем не менее учитывают то, что многомиллионная «масса», электорат отличается непостоянством политических настроений, политических ценностей. В основе этого непостоянства лежат особенности социально-экономического, общественно-политического развития государства и общества, а также личностных потребностей граждан. Как известно, демократическое общество создает условия для автономизации, индивидуализации человеческой личности. Граждане, преследуя свои интересы, порой действуют не всегда в рамках существующих норм права, их политические настроения обычно эмоционально окрашены и имеют под собой далеко не всегда рациональную основу.

В связи с этим следует согласиться с мнением специалистов, что социальные и политические черты «массы» как объекта политического влияния опосредованы психологически [8, 15]. «Массу», как правило, отличает аморфный характер, неопределенность политических настроений, непостоянство состава. Активность ее действий и формат существования могут легко меняться и зависят от конкретной ситуации, границ между социальной, религиозной, демографической принадлежностью. Эти качества придают социальной и политической активности «массы» некоторую хаотичность. Определенное исключение необходимо сделать для радикальных политических или социальных групп и движений, которые обычно имеют жесткие иерархические закрытые структуры криминального характера. Их действия чаще имеют организованную агрессивную направленность.

Используя богатый арсенал политических идеологем, участники политических процессов стремятся «броуновское движение» социально-экономических и общественно-политических интересов «массы» привести к общему социально-политическому знаменателю, к единым принципам, близким и понятным большинству населения. На их основе разрабатывается привлекательная политическая программа, способная обеспечить прохождение во властные структуры. Здесь следует иметь в виду, что каждая конкретная социальная группа требует особого политтехнологического подхода.

В целях формирования общественного сознания на основе пакета собственных идеологем создается опора в виде политической партии, общественно-политического движения, лояльных или оплаченных СМИ, сторонников из представителей различных социальных групп. Привлекаются квалифицированные эксперты, способные на основе анализа политических процессов, соотношения политических сил в стране, регионе разработать стратегию и тактику

политической деятельности. Изыскиваются необходимые в практической политике материальные и финансовые средства.

Очевидно, что основная тяжесть внедрения политических идеологем в общественное сознание, реализации практических задач ложится на эффективно-го политического лидера. Для этого он должен обладать необходимыми качествами публичного политика (организационными, аналитическими, волевыми, ораторскими, харизматическими и т.д.), захотеть взять на себя трудную, не всегда благодарную миссию практической политической деятельности.

В практической политике, указывает Л.Б. Зубанова, важно в образе лидера зафиксировать наличие в общественном сознании потребности в лидерстве, в «фундаментальных личностях», «героях времени» [10, с. 91]. Харизматические качества лидера должны импонировать настроению конкретных социальных групп в условиях определенных политических процессов. Характеризуя харизматического лидера, К.В. Киуру выделяет такие качества, как способность воздействовать на людей, реализовать имидж сильного человека, внешность, привлекающую массы, риторический дар и коммуникабельность, умение вызывать у людей чувство комфорта [11, с. 122].

Харизматический лидер, рассчитывающий на политический успех, призван убедить «массу» в реальности и эффективности его программы, в том, что он может изменить ситуацию, сохраняя ответственность за удовлетворение нужд страны и своих сторонников. Лишь при этом условии может реализоваться его харизматический потенциал. Например, электоральный успех В.В. Путина эксперты объясняют не только его высоким авторитетом, но и тем, что в нужный момент он и его команда способны, используя личную харизму, медийный, интеллектуальный (иногда эвристический) или административный ресурс, мобилизовать избирателей, которые придерживаются различных политико-мировоззренческих взглядов: левых, левоцентристских, государственно-патриотических [12]. Но в период между выборами эти люди могут относиться вполне критически и к власти в целом, и к правящей партии, и к В.В. Путину, например, в связи с тем, что их политика недостаточно «левая» или какая-то конкретная социальная проблема не решена. Так, указывают наблюдатели, создание и укрепление Общероссийского народного фронта свидетельствует, что на Президента РФ ориентируются не только люди, состоящие в «Единой России» [13].

Опытные политики нередко используют подобные технологии на региональных и местных выборах.

В реальном политическом процессе политические партии, не изменяя свои традиционные идеологические платформы, акцентируют внимание на вопросах экономики, социальной сферы, на потребностях граждан. Эта «идеология», считает М.О. Корнев, изначально понятна гражданам, и для ее анонсирования не требуется специальной политической кампании. Роль такой «идеологии» фактически выполняют выраженные в политических идеологемах «ответы на наиболее актуальные ожидания избирателей, которые могут неоднократно видоизменяться в пределах даже одной избирательной кампании» [14, с. 17]. Особое внимание политические партии уделяют решению практических воп-

росов [15]. И здесь можно наблюдать калейдоскопичную картину смешения идеологием, когда «левые» становятся «правее», «правые» – «левее», консерваторы либеральнее, либералы патриотичнее. Это позволяет говорить об «эклектичности идеологий» [16]. Другой стороной плюрализма идеологий является плюрализм, эклектичность идеологием внутри партийных программ и основных идеологических течений.

Идеологическим многообразием, а также идеологическим «дефицитом» можно объяснить поиск национальной идеи среди многочисленных идеологических концепций: консерватизма, либерализма, евразийства, православного традиционализма и т.д. В практической политике различные идеологические концепции обычно используются в разных пропорциях с учетом социально-политических запросов социальных групп. Идеология как исторически сложившийся конструкт общественного сознания включает в себя три составляющие: аксиологическую (комбинацию основных принятых ценностей), экономическую модель (концепцию общества и его развития) и концепцию политической организации общества [17].

Практическому политику это открывает широкие возможности для манипуляции общественными сознанием и действиями, в то же время возрастает степень непостоянства политических притязаний «массы». Но ценность идеологии состоит в том, что наряду с ее многочисленными функциями она на определенном этапе развития государства и общества обеспечивает предсказуемость политических процессов, создавая в «массе» чувство уверенности и стабильности бытия. Ведь политическая сфера диктует определенный миропорядок, отражает государственное устройство, влияет на институты власти. Успех в практической политике не в последнюю очередь зависит от электоральных предпочтений избирателей, формирующихся на основе позиции кандидата или партии [18, с. 56].

Оппозиционные выступления в период президентской и думской избирательных кампаний показали, что в России выросло новое поколение людей, у которых иная система ценностей, представления о естественных правах и свободах, которые даны Богом и природой, но не правительством. Учитывая реальные политические процессы, Администрация Президента РФ начала обучать региональных чиновников, как в новых условиях гасить или, по крайней мере, смягчать протестные настроения, управлять процессами непостоянства и нестабильности политических настроений «массы» [19].

Таким образом, многочисленные идеи, идеологемы, идеологии концептуализируют представления людей о политической ситуации, встраивают эти оценки в их общую картину мира, делают более понятными политические изменения. Тем не менее несмотря на зафиксированный в Конституции РФ запрет на утверждение общегосударственной идеологии и провозглашение многопартийности приходится констатировать, что отсутствие данного концепта является довольно слабым звеном в практической политике. Состояние идеологического дефицита сегодня оказывается наиболее ощутимым на уровне массового сознания, порождает состояние обезличенности, а точнее – безликости современности (отсутствие фундаментальных личностей в настоящем, узнаваемого лика

пророка, идеолога), как бы подводит черту под прежней эпохой «великих людей» и «великих потрясений» [6, с. 93].

Значимость данной проблемы получила обоснование в инициативе главы государства создать в Администрации Президента РФ управление по общественным проектам. Политологи оценивают это решение как важный шаг на встречу гражданскому обществу, который отвечает национальным интересам страны. Особую актуальность приобретает идеологема патриотизма в качестве доминанты общественного развития.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»: Федер. закон от 2 апр. 2012 г. № 28-ФЗ // Рос. газ. 2012. 4 апр.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федер. закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ // Рос. газ. 2012. 4 мая.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон от 12 июня 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
4. Бахтин М.М. Слово в романе // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
5. Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2004.
6. Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4.
7. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов: в 2-х т. М., 1911. Т. 1.
8. Пляйс А.Я. Есть ли будущее у политических идеологий? // Обозреватель-Observer. 2010. № 10.
9. Евгеньева Т.В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. СПб., 2007.
10. Зубанова Л.Б. Лидерство XXI века: проблемы и перспективы интеграции социокультурного пространства // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 3 (19).
11. Киуру К.В. Дискурс-исследование харизматического политика // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 8 (63).
12. Общество отложенной ответственности // Независимая газ. 2012. 27 авг.
13. Самарина А. Второе пришествие народного фронта // Независимая газ. 2012. 13 сент.
14. Корнев М.О. Доминирующие факторы партийного строительства в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.
15. Утенков Г.Н. Прикладная идеология предвыборных программ политических партий РФ // Власть. 2011. № 11.
16. Фишман Л.Г. Слишком много эклектики // Полития. 2010. № 2 (10).
17. Черняховский С. Идеология. Изборские тезисы. URL: <http://file-rf.ru/analytics/695>.
18. Солопова О.А. Образ будущего в программных документах // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).
19. Кособокова Т. Кремль обучит региональных чиновников предупреждать протесты. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/08/24/focus/562949984579442>.

Z.A. Isimbekova
The Efficiency of Conditions
and Factors Forming Electoral
Rivalry Party Technologies

The efficiency of conditions and factors that form party technologies of electoral rivalry is studied. The influence of territorial factors, party system, electoral cycles, and political conjuncture on the choice of pre-election technologies by political parties is analyzed.

Key words and word-combinations: political parties, electoral rivalry, party technologies, electoral cycles.

Исследуется эффективность условий и факторов формирования партийных технологий электоральной конкуренции. Анализируется влияние территориальных признаков, партийной системы, электоральных циклов, политической конъюнктуры на выбор избирательных технологий политическими партиями.

Ключевые слова и словосочетания: политические партии, электоральная конкуренция, партийные технологии, избирательные циклы.

УДК 32.01:005.521:32
ББК 66.04+66.06

З.А. Исимбекова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В современной России в условиях многопартийности активизировались выборные процессы, характерной чертой которых является высокий уровень конкурентности среди претендентов во властные структуры в сочетании с игнорированием используемых средств. Возникли условия интенсивного использования избирательных технологий, когда каждый из участников политической борьбы преследует единственную цель – оказать впереди конкурентов. На избирательный процесс нашей страны в значительной степени влияет технологизация методов подготовки организации и проведения выборных кампаний.

Применение избирательных технологий политическими партиями на современном этапе социально-политического развития России определяется рядом условий и факторов, анализ которых представляется актуальной исследовательской проблемой. Предлагается понимать под условиями применения технологий внешние обстоятельства, в пространстве которых происходит применение политическими партиями определенных техник; под факторами – внутренние особенности и характеристики политической партии, определяющие ее структуру и методы функционирования в политическом пространстве России.

С нашей точки зрения, для изучения эффективности условий и факторов формиро-

вания партийных технологий электоральной конкуренции необходимо сосредоточиться на рассмотрении ряда современных концепций.

Первое значимое условие связано с *территорией*. В зависимости от того, где и на каком территориальном уровне проходят выборы, строится электоральная программа и формулируются применяемые методы. Основное деление здесь происходит по следующим критериям: по уровню поселения (город – село), географическому расположению региона и формату выборов (федеральные – региональные).

Так, в своих работах Н.В. Гришин исследует электоральные предпочтения южных регионов нашей страны, подчеркивая, что появление «партии власти», идеологическая программа которой строится на центристских консервативных позициях, способствует устранению идеологических расколов среди других партийных структур, а также сокращению числа политических партий [1, с. 37–41]. Автор делит южные регионы России на три зоны. В первую входят Игушетия, Чечня, Дагестан, Кабардино-Балкария – лидеры по голосованию за «партию власти». Вторая зона – Адыгея, Карачаево-Черкессия, Калмыкия и Северная Осетия – является более оппозиционной, хотя рейтинг ведущей партии также высок. Третью группу составляют так называемые «русские регионы» (Астраханская, Волгоградская, Ростовская области и Краснодарский, Ставропольский края), поддерживающие, помимо «партии власти», левые и либеральные политические партии. Данные подобных исследований могут помочь политическим партиям оптимальным образом распределить свои силы в период предвыборной гонки.

Таким образом, территориальные условия являются важной характеристикой при формировании стратегии избирательной кампании политической партии. Территория выступает одним из решающих условий при реализации предвыборной кампании, поскольку знание специфики голосования и предпочтений региона или уровня поселения, поможет изначально выбрать необходимый вектор предвыборной программы партии.

Важным условием, влияющим на выбор и применение партиями политических технологий, является существующая в стране *партийная система*, которая и задает определенные правила участия в предвыборной кампании. На протяжении двадцати лет партийная система России остается многопартийной, претерпевая все это время постоянные изменения вследствие как результатов выборов, так и решений Администрации Президента РФ.

По мнению исследователя тенденций развития и структурирования современных партийных систем М.В. Данилова, политические партии обладают всеми атрибутами рыночных отношений [2]. Каждая партийная структура имеет свой политический интерес и стремится его реализовать, потому в исследовании развития политических партий и анализе их стратегии целесообразно использовать прагматический рыночный подход. Концепция М.В. Данилова предполагает выделение трех типов партийных систем. Первый тип – это чистая партийная конкуренция с большим и плохо регулируемым числом партий, каждая из которых имеет свою идеологию, что не позволяет выделить одну доминирующую. Второй тип – партийная система монополистической конку-

ренции – появился в России с конца 1990-х годов, когда реформа законодательства детерминировала процесс сокращения числа политических партий. При этом монополизм, по мнению автора, заключается в идеологической сфере. Партия с уникальной идеологией выступает монополистом в своей идейной среде. Но такой подход годится лишь для партий, планирующих работать долгосрочный период, поскольку в один избирательный цикл идейная составляющая может не сработать, так как избиратели будут ждать практического воплощения заявленной программы. Третий тип – это олигополистическая партийная система. В ее рамках может быть довольно большое – до двадцати – количество партий. Такая система существовала в России до 2007 г. Позже партийная система после выборов в Государственную Думу РФ преобразовывается в исключительно монополистскую с доминированием партии власти «Единая Россия».

Теория М.В. Данилова, основанная на прагматическом подходе, сопоставляет процессы партийной системы с рынком, наиболее точно отвечая направлению нашего исследования. Целенаправленное планирование партийных технологий и их применение достигает максимального успеха при условии, что политические партии будут воспринимать политическое пространство как рынок, обстоятельства которого позволяют концентрироваться на эффективности применяемых техник в получении нужного результата. Данное условие при определении электоральных технологий действует тогда, когда в реальности партии сталкиваются непосредственно с деятельностью и агитацией конкурентов. Определение типа партийной системы в данный момент учитывается только при первоначальном планировании кампании.

Следующим условием, которое следует учитывать политическим партиям при выборе предвыборной стратегии и тактики, являются *электоральные циклы*, причем в первую очередь эта зависимость проявляется от общероссийского электорального цикла выборов в Государственную Думу РФ; во вторую очередь – от региональных электоральных циклов и их корреляции с выборами в российский парламент.

Электоральный цикл 2011 г. стал знаменателен тем, что в 27 субъектах одновременно проходили выборы в Государственную Думу и региональные парламенты. Результаты показали, что в регионах «партия власти» не везде собрала большое количество голосов [3, с. 9–10], а в ряде регионов в местный парламент были избраны партии (например, «Яблоко»), которые не прошли в Государственную Думу РФ. Подобные факты послужили поводом для конфликтных ситуаций после проведения выборов. Можно предположить, что при декларируемой высокой оценке положения партии на федеральном уровне необходимо осторожно относиться к формату параллельных выборов. Полученный результат может не лучшим образом иллюстрировать партийную политику.

В итоге условия существующих электоральных циклов как минимум задают общую стратегию предвыборного процесса для политических партий. В ситуациях, когда даты выборов в российский и региональный парламенты совпадают, предвыборная стратегия политических партий оказывается одинаковой. Если выборы проходят с разницей в год – ранее или позднее, то результаты применения политическими партиями предвыборных технологий будут слу-

жить или предварительными результатами в Государственную Думу (если ранее), или покажут уровень оценки работы российского парламента. Если региональный электоральный цикл приходится на середину общероссийского, то политическим партиям следует максимально сосредоточиться на разработке применяемых технологий, так как данная ситуация предполагает наличие нулевого старта (выборы в Государственную Думу прошли; парламент работает уже достаточное время; информационных поводов, направленных на проявление активной позиции партий, как правило, в этот период нет).

Последним из ряда внешних условий, влияющих на выбор политическими партиями предвыборных технологий, является *политическая конъюнктура*. Изменение общероссийской конъюнктуры на ряде уровней влияет на стратегию и тактику избирательных кампаний партий. Цикличность конъюнктуры зачастую отмечается политологами, как основная тенденция – смена консервативных и либеральных настроений. Кроме того, возможны тенденции прогресса, регресса и консервации.

Как и в случае с электоральными циклами, можно выделить политическую конъюнктуру общероссийского и регионального уровня. Общероссийская будет выступать общим настроением, в условиях которого проводятся выборы и на основе которого выбирается предвыборная тактика и применяются политическими партиями определенные технологии. Региональная же сильно повлияет на общий характер выборов и предвыборных действий со стороны политических партий. Как правило, на региональных выборах технологии партий апеллируют к конкретным фактам региональной политической жизни. Это не просто настроенческие установки, а определенная политическая ситуация, складывающаяся из фактов, действий людей, позиций на момент выборов. Поскольку это условие проявляется, как правило, на контекстном уровне при применении электоральных технологий, его значимость относительна.

Рассмотрим внутренние факторы, зависящие от самих политических партий, а также предопределяющие выбор технологий на выборах.

Роль *идеологического фактора* при формировании избирательной кампании политической партии в условиях России постсоветского периода постоянно менялась – от активного использования идеологии как основы всей предвыборной программы до полного отказа от такой составляющей [4]. Ряд партий, в том числе «партия власти», зарождались в период деидеологизации партийного пространства; акцент первоначально делался на лидерский фактор. Сегодня вновь возрос интерес к идеологическому фактору в деятельности политических партий.

Несмотря на разные идеологические позиции, тактика партии «Единая Россия» остается рациональной. При изменении общественных или внешнеполитических настроений партия адаптирует свою идеологическую позицию вполне успешно. Под угрозой оказаться в период предвыборной гонки без идеологических конкурентов Администрация Президента РФ в период 2000–2007 гг. сама инициировала их создание. Идеология левого толка в современном формате не имеет большого успеха у российского электората. Официальная оппозиция левых – КПРФ – не популярна среди населения среднего возраста.

Другие же партии левого толка в основном находятся в андеграунде политических сил. Тем не менее ценностное поле политических партий левого толка, по данным социологических опросов, находит положительный отклик у избирателей [4].

Таким образом, роль идеологического фактора при использовании предвыборных технологий политическими партиями зависит в первую очередь от внутривыборной конъюнктуры. Долгое время идеология была отодвинута на второй план, так как советское наследие идеологического опыта воспринималось негативно. Последний электоральный цикл показал, что идеология как фактор при построении избирательной кампании становится вновь актуальной и ее использование может оказаться эффективным. Однако современная идеология, в отличие от классической, декларируется определенными политическими субъектами.

Фактором, существенно влияющим на выбор предвыборных технологий и методов их реализации и играющим немаловажную роль в стратегии проведения предвыборной кампании, является *структура самой политической партии*.

Местные отделения партий отвечают за проведение избирательной кампании в конкретном регионе, городе. Особенно это касается федеральных кампаний. Региональные выборы не менее значимы: во-первых, ответственность по их подготовке практически полностью лежит на местных отделениях партии; во-вторых, такие выборы являются показателем отношения населения к федеральной власти.

При этом, если партия в современных российских условиях предполагает рассчитывать на электорат, настроенный максимально консервативно, удобнее иметь привычную структуру – центр – региональные отделения – местные отделения. На этом принципе сегодня строится структура и партий власти, и системной оппозиции. Выход за рамки привычных партийных структур, особенно у «старых» политических партий с твердым политическим капиталом, может снизить интерес избирателей. У новых же партий или партий без значительного политического веса появляется шанс за счет более демократичной иерархии повысить свою популярность.

Опосредованно политические партии, используя своих сторонников, могут косвенно иметь свою «фракцию» – представителей в Общественной палате РФ и в региональной общественной палате. К тому же общественные палаты в России, могут и должны стать местом диалога политических партий с другими общественными организациями [5, с. 101]. В данном случае дискуссии примут менее политизированный характер и станут выигрышнее в глазах избирателей. Таким образом, фактор партийной структуры становится все более значимым в обеспечении эффективности электоральных технологий.

Кадровый потенциал политической партии составляет внутренний фактор на федеральном и региональном уровне. С изменением политического строя в начале 1990-х годов бывшая партийная элита находила себе место в новых органах власти, а также в новообразуемых партиях [6, с. 112–130]. Влияние кадрового состава политических партий на федеральную и региональную политику можно оценивать по ряду критериев: влияние на расстановку кадров в

избирательном процессе, на развитие и урегулирование процессов, на средства массовой информации, деятельность неправительственных организаций, силовые структуры и суд; участие в принятии решений.

Советская модель рекрутинга в политическую элиту предусматривала, как правило, оценку по профессиональным критериям или семейное родство. За счет данных детерминант развития политической элиты достигалась стабильность кадрового состава. Со сменой политического строя представители советской кадровой элиты адаптировались в новых социально-политических условиях в профессиональной сфере или выбрали оппозиционный характер деятельности. В период правления Б.Н. Ельцина элита, в том числе кадры для политических партий, формировалась как из региональных кланов, так и из представителей бизнес-сообщества, финансово-промышленных групп. Все изменилось с приходом к власти В.В. Путина, когда процесс партобразования стал более жестко регулироваться со стороны государственной власти.

Обновление кадрового состава партий в необходимой степени является эффективным методом пиара политической партии. Такая практика может преследовать две цели: помимо обновления акторов на публичной арене, политическая партия получает еще один путь коммуникации и обратной связи с электоратом.

Кадровый состав, на наш взгляд, выступает одним из решающих факторов, от которого зависит эффективность предвыборной кампании. От действий первых лиц партий, их интерпретации предвыборной стратегии зависит успех на выборах. Немаловажную роль играют и сами члены партии, работающие по агитационному направлению. Они являются проекцией избирателя с его установками и предвыборными ожиданиями, поэтому значение данного спектра кадрового состава так же велико, как и первых лиц предвыборной кампании.

Таким образом, все условия и факторы находятся во взаимосвязи, но зависят от уровня выборов; политические партии могут использовать избирательные технологии, важные для конкретных места, времени и условий выборов регионального или общероссийского цикла.

Применение избирательных технологий политическими партиями в первую очередь будет определяться кадровым составом, представляющим партию на определенном уровне, структурные единицы которого представляют институализированный образ партии и ее идеологию. Но решения, принятые с учетом только этих параметров, могут оказаться неэффективными, если не брать во внимание внешние условия – партийную систему, географию выборов, общероссийские политические условия и конъюнктуру.

Итак, максимально важными, а соответственно и определяющими эффективность предвыборных электоральных технологий, выступают факторы территории, электоральных циклов и кадрового состава политической партии. Менее значимыми, но также влияющими на эффективность используемых технологий являются факторы структуры партийной системы, политической конъюнктуры. В настоящее время возрастает значимость идеологического фактора и фактора партийной структуры.

Библиографический список

1. Гришин Н.В. Электоральные расколы на юге России: к вопросу об их наличии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 37–41.
2. Данилов М.В. Исследование российской многопартийности: традиции и инновации. Саратов, 2006.
3. Что такое справедливое общество: опрос населения. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/val_/d074523
4. Фомин О.Н., Наумов С.Ю. Идеология в социуме современной России: политический аспект. Саратов, 2009.
5. Корнев О.М. О роли и месте региональных отделений политических партий в общественных палатах субъекта Федерации // Вестн. ТГУ. 2005. Вып. 2 (38). С. 101.
6. Лапина Н.Ю. Трансформация советской политической элиты // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2005. № 1. С. 112–130.

G.S. Sachkova
Ministerial Activities
of A.S. Norov in the Context
of Education System
Development in Russia

The activities of the Minister of Public Education A.S. Norov are analyzed regarding the trends of education development in Russia during the XVIII-XIX centuries.

Key words and word-combinations: education in Russia, the Ministry of Public Education, A.S. Norov.

Анализируется деятельность министра народного образования А.С. Норова с учетом тенденций развития образования в России на протяжении XVIII–XIX столетий.

Ключевые слова и словосочетания: образование в России, Министерство народного просвещения, А.С. Норов.

УДК 94(47)«17/1917»
ББК 63.3(2)5

Г.С. Сачкова

МИНИСТЕРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. НОРОВА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ

Образование является той сферой деятельности, которая определяет «рисунок» будущих общественных отношений. Оно несет культурную традицию: это может быть развитием национального культурного мейнстрима, может быть заимствованием чужой цивилизационной парадигмы – как ценностной, так и поведенческой. Образование в широком смысле этого слова – как механизм культурной преемственности – чрезвычайно значимо на всех этапах человеческой истории. При этом в период модернизации оно неизбежно обретает западнический, подражательный оттенок в России и любом ином незападном обществе. В силу данных

обстоятельств особое значение приобретает исторический опыт в сфере управления образованием. Освободительные реформы Александра II в России принесли много нового в этой области. Менялись и министры народного просвещения. Смена царствования пришлась на время управления министерством Авраамом Сергеевичем Норовым (1853–1858).

Современники оставили об А.С. Норове немало воспоминаний. В них сквозит мысль о том, что этот хороший человек был не на своем месте: добрый, нерешительный, не способный отстаивать собственного мнения, «старый младенец», по выражению Я.И. Ростовцева. Между тем он был личностью с широким кругозором, опытом научных занятий и длительной военной службы за плечами. Чтобы оценить его министерскую деятельность, необходимо принять во внимание целый ряд факторов, действовавших в течение длительного времени, а также ситуативных обстоятельств.

Качественные перемены в русском обществе к концу XVII в. создали ситуацию напряженного ожидания. Новации же реализуются через систему образования, воспитания, механизм преемственности и заимствования. Полна драматизма история борьбы эллинистической и латинствующей партий при патриархе Иоакиме (1674–1690). Обе партии стремились основать научно-издательский центр, высшее учебное заведение. Фактически шла речь о создании системы церковно-государственного образования и контроле над ним. Борьба русской партии с латинствующими обернулась неожиданным итогом. Победив их и изгнав обосновавшихся было в Москве иезуитов, русская партия столкнулась с сильной протестантской партией, на которую сделал ставку Петр Первый [1].

Мощнейшая культурная интервенция, допущенная и инициированная Петром Первым, сформировала в России европеизированную элиту, представители которой на протяжении восемнадцатого столетия успешно эмансипировались от государственных обязанностей, став собственниками огромной части населения и государственного богатства. Такое положение вещей требовало и духовного оправдания. Этика служения и тягла сменилась этикой свободы, «вольности» в разных интерпретациях и оттенках. Формирование нового мировоззрения обеспечивала система образования. Консервативно настроенные авторы, начиная с Достоевского и Тихомирова, нарисовали картину агрессивного отчуждения образованных людей от своих национальных корней, прежде всего языка и истории [2, с. 255–306; 3].

Усилиями Петра Первого и Екатерины Второй в России была сформирована сеть профессиональных и общеобразовательных учебных заведений. Елизаветинское царствование ознаменовалось открытием первого университета. Допетровская образованность, «книжность» шла иными путями – через наставничество, ремесленное ученичество, монастырскую выучку. Не оценивая и не идеализируя эту систему, отметим, что в XVIII в. возникла новая система государственного обучения. При этом духовная школа прочнее стояла на ногах, чем создаваемая правительством светская. Последняя зачастую не находила себе учеников, обучение воспринималось населением как повинность [4, с. 252, 320–322]. На фоне этих процессов усилиями Петра был нанесен сильный удар традиционным формам русского земского самоуправления [5]. Национальная

и заемно-западническая парадигмы развития все более расходились. В.О. Ключевский сделал такое наблюдение: «Образование дает русскому человеку только вкусовую энергию – способность смаковать жизнь, а не создавать ее» [6, с. 383].

В данном контексте и следует, как нам представляется, оценивать роль и место людей, которым приходилось руководить ведомством народного просвещения.

Революция 1848 г. в Западной Европе отразилась на интеллектуальной жизни и образовательной деятельности в России. Антиреволюционные меры Николая Первого чем-то напоминали мероприятия его отца, императора Павла, полустолетием ранее, и реакция образованного общества была похожей. Павел заслужил репутацию безумца и тирана; «бутурлинский» комитет при Николае Павловиче вызывал возмущение и насмешки попытками «исправить» акафист Пресвятой Богородице и иными сходными цензурными изысками. Некоторые действия высших сановников отмечены гротескной перестраховочностью. Широко разошлось, в частности, высказывание предшественника А.С. Норова на министерском посту князя П.А. Ширинского-Шихматова: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен», причем с немедленными организационными последствиями. Однако за частными нелепостями и перехлестами нельзя не увидеть здравого желания отгородиться от опасной, заболевшей Европы, прежде всего в области образования и культурных влияний. В то же время очевидная необходимость связей, научных и культурных, с Европой не могла всерьез ставиться под сомнение. В России шел промышленный переворот; развитие техники и инфраструктуры было невозможным без интенсивного культурного обмена с Западом, без наращивания образовательных мощностей. Промышленный переворот и последовавшие за ним социальные потрясения в Европе сформировали новую культурную среду. Менялась коммуникационная ситуация, рождался массовый читатель, развивались радикальные учения. Знаменитый спор западников и славянофилов ознаменовал собой приход данной проблематики в Россию.

Николай Первый создал целую сеть учебных заведений – как военных, так и гражданских. Это делалось «на вырост», производство образованных кадров превышало потребности хозяйства. Появился слой интеллектуалов, интеллигенции, профессионалов без собственности. Прошедшие стажировку в Европе молодые профессора 1830-х годов обозначили новый уровень преподавания и понимания университетской жизни в целом. Разразился конфликт поколений, на фоне которого начал формироваться многоплановый спор западников и славянофилов [4, с. 290, 300]. Правительство достаточно нервно реагировало на «политиканствующих», как ему казалось, интеллектуалов из обоих лагерей. Меры «бутурлинского» комитета, как и предшествовавшие тому начинания С.С. Уварова, ясно показали, что светская образовательная система развивается по своим законам и не может быть быстро и безболезненно вписана в уваровскую триаду. Так, стремление кн. Ширинского-Шихматова «согласовать преподавание с истинами Откровения» выглядело для преподающих и многих обучающихся как обскурантская попытка перекрыть пути научного познания, как система варварских и едва ли не анекдотических запретов. Административные попытки быстро подчинить развивавшуюся науку началам веры, понимаемым

как церковная ортодоксия, вызвали закономерный протест. Преодолеть столь элементарными средствами культурный и методологический разрыв, зревший почти полторы сотни лет, оказалось невозможным.

Таким образом, есть общий контекст полутора столетий европейской образованности в России, и есть политический тренд конца 1840-х – начала 1850-х годов, весьма болезненный для образованных современников, когда А.С. Норову досталось выступить на первых ролях в Министерстве народного просвещения.

В условиях общей возрастающей требовательности и строгости в 1850 г. А.С. Норов становится товарищем министра, а в 1853 г. – министром. Вскоре начавшаяся Восточная война де-факто заставила ослабить административно-цензурный нажим. Таким образом, на его министерство пали чрезвычайные меры, нарушившие работу ведомства; тяжелая война; смена царствования; времена начала гласности и широчайшего обсуждения грядущих перемен во всех сферах жизни; зарождение молодежной радикализации. А.С. Норов, вслед за П.А. Ширинским-Шихматовым, не вступал в конфликты с цензурным Комитетом 2 апреля и в этом смысле избрал конформистскую линию поведения, которую разделял его многолетний соратник, цензор и филолог А.В. Никитенко.

Министр выступал сторонником классицизма в образовании, умел замечать и поддерживать талантливых людей, в том числе с не совпадавшими с его взглядами, например Т. Грановского. Как представляется, привычные в мемуаристике характеристики А.С. Норова – «безволие», «нерешительность», «рассеянность» – не следует возводить в абсолют. Он искал заступничества у А.Х. Бенкендорфа по щекотливому делу о привлечении его родного брата Александра, выступившего переводчиком «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Старший брат Василий был не только декабристом, но и человеком, испытывавшим на себе, по-видимому, личную неприязнь Николая Первого. Однако А.С. Норов помог брату анонимно издать его записки о войнах 1812–1813 гг. [7, с. 361, 363]. По линии матери Авраам Сергеевич был связан со славянофильской семьей Кошелевых, которая также оказывалась в поле недоброжелательного внимания власти. Эти факты показывают его как человека последовательного и умевшего быть мужественным.

Характерно поведение Норова при смене царствования. Настало время неопределенности, бюрократических рисков. Общие напряженные ожидания таили в себе весьма разные потенциалы. Сам Александр Второй не имел репутации либерального государя и тем более освободителя; в своих «памятных книжках» Николай оказывается гораздо более последовательным преобразователем, чем его сын-наследник. На это рано обратил внимание читающей аудитории Н.Я. Эйдельман [8, с. 113–115]. Таким образом, в неопределенной еще обстановке поразному настроенные сановники выстраивали свои линии поведения. А.С. Норов же выступил с внятной и логичной программой преобразований в своем ведомстве. План их был изложен в его докладе на высочайшее имя 5 марта 1856 г. Он предлагал придерживаться классицизма в среднем образовании, расширить женское образование, уделить внимание и средства подготовке молодых научных кадров, сосредоточить управление всеми учебными заведениями в одном органе. В связи с этим восстанавливался ученый комитет при главном правлении учи-

лиц. В области воспитания министр предлагал настойчивость и постепенность, не административно-полицейское, но нравственное воздействие на учащихся с опорой на православие как основу нравственности [9, с. 12–13]. В этих соображениях нельзя не увидеть здорового и содержательного подхода, что не идет ни в какое сравнение с охранительством Комитета 2 апреля.

Разрешение издавать «Русский вестник», а затем славянофильский журнал «Русская беседа» знаменовали собой время активного формирования органов периодической печати. Министерство не стало сдерживать этот процесс. В 1856–1857 гг. оно разрешило выпуск 55 новых газет и журналов, две трети из которых были общественно-политическими, политико-экономическими и библиографическими. В 1858 г. А.С. Норов представил императору новую записку. В ней он писал о роли «литературы» (то есть печати) в обществе, о необходимости предоставить ей известную свободу в интересах как общества, так и самого правительства. Министр заявлял, что при «тех цензурных требованиях, которые еще в настоящее время существуют, невозможно изучение ни всеобщей истории, ни законодательства, ни статистики», поэтому необходимо «обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагает возможным предоставить науке и литературе». Император еще не был готов к такому отношению – записку положили под сукно.

В 1856 г. министр возродил давнюю идею об учреждении университета в Сибири и получил одобрение императора. При этом он обратился с соответствующей запиской, советуясь, к генерал-губернаторам и архиепископу Камчатскому, от которого получил полное поддержки и интересных предложений ответное послание. Нам не кажется безусловно верным стремление А. Решетова приписать неудачу данного проекта «личным качествам министра», вопрос требует отдельного рассмотрения [10].

Весной 1858 г. А.С. Норов был отправлен в отставку с сохранением других должностей. Историк С.С. Татищев весьма бережно подошел к репутации А.С. Норова, описывая обстоятельства его отставки: новые задачи оказались «не по силам маститого ветерана 1812 года Норова. Ценя и уважая его как человека благороднейшего образа мыслей, государь не считал возможным оставить его долее на занимаемом ответственном посту...» [11, с. 238]. Министром был назначен Е.П. Ковалевский. По интерпретации М. Лемке, толчком к отставке Норова послужили студенческие волнения, обратившие на себя внимание государя [12, с. 321].

Возможно, при неизбежной кадровой революции судьба А.С. Норова была предрешена, тем более что университетская жизнь действительно стала выходить из берегов. Смогли ли преемники А.С. Норова добиться успеха там, где он как будто спасовал? Е.П. Ковалевский недолго задержался на министерском посту. Радикализация вузовской молодежи нарастала. Сменивший его весной 1861 г. граф Путятин неудачно применил строгие меры, чем только усугубил ситуацию. При этом «передового образа мыслей» придерживалась и ведущая профессура, так что студенты чувствовали поддержку. В результате осенью 1861 г. для подавления вспыхнувших беспорядков потребовались военные силы. Государь понял необходимость нового курса в соответствии с которым, потребовался новый ми-

нистр, им стал А.В. Головнин [11, с. 242, 244]. Однако университетский устав 1863 г. не остановил развития радикализма; впереди были революционное «шестидесятничество» и «семидесятничество».

Таким образом, ретроспективный анализ показывает, что сменившие «слабого» министра его преемники не оказались успешнее в административном отношении. А.С. Норов в непростых обстоятельствах профессионально и психологически проявил качество руководителя с широким кругозором и здравым пониманием задач образования, прежде всего высшей школы. Его пребывание на министерском посту отмечено выступлением с интересными инициативами, готовностью рассматривать новые образовательные проекты, умением высказывать свою точку зрения, хотя отстаивать ее получалось не всегда. Однако А.С. Норов и в этом вряд ли принципиально уступал кому-либо из своих предшественников и последователей.

Можно предположить, что присущая А.С. Норову мягкость делала для него более комфортной атмосферу, господствовавшую до конца 1840-х годов. Для него было характерно нежелание бросаться в крайности, понимание специфики образовательной сферы и исследовательского труда. При очевидном конформизме он не двигался сугубо запретительными путями. А.С. Норов был человеком академической среды и чувствовал то главное, что существует в образовании при любых политических поворотах: значимость культурной преемственности, возможность творческой самореализации, воспитание в вере без попыток сталкивать веру и науку.

Библиографический список

1. *Прот. Лев Лебедев*. Десять московских патриархов. М., 1995. Очерк 9. Патриарх Иоаким.
2. *Острецов В.М.* Массонство, культура и русская история: историко-критические очерки. М., 1998.
3. *Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. 3-е изд. М., 1999.
4. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 2.
5. *Махнач В.Л.* Диагноз // Москва. 1996. № 1.
6. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1990. Т. IX. Материалы разных лет.
7. Русские писатели 1800–1917: биограф. словарь. Т. 4. М., 1999.
8. *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
9. *Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954.
10. Письмо святителя Иннокентия (Вениаминова) министру народного просвещения Российской империи А.С. Норову / публ. А. Решетова // Журнал Московской патриархии. 1999. № 9.
11. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2.
12. *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A.G. Kovalenko, A.P. Yakovleva
**Theoretical Bases of Courts
of Appeal Proceedings**

The theoretical bases of Courts of Appeal proceedings in civil and arbitration proceedings are considered in the light of goals and objectives of civil and arbitration proceedings.

Key words and word-combinations: litigation, appellate, judicial decisions.

Рассматриваются теоретические основы апелляционного производства в гражданском и арбитражном процессе в свете интерпретирования целей и задач гражданского и арбитражного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: судопроизводство, апелляционное производство, судебные постановления.

УДК 347.917.95
ББК 67.410.1

**А.Г. Коваленко,
А.П. Яковлева**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Конституцией Российской Федерации каждому гражданину гарантируется судебная защита прав и свобод. В соответствии с ч. 1 ст. 118 Конституции правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Термин «правосудие» содержит в себе смысл правого суда, судебная защита заключается в правильном, т.е. законном и обоснованном вынесении решения по делу. Суд наделен в связи с этим властными полномочиями, правами и обязанностями. Изменение процессуального порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел, расширение действия принципов состязательности, диспозитивности повлекло за собой положительные изменения в механизме рассмотрения и разрешения споров, однако погоня за «чистой» состязательностью вызывает опасность потери ориентиров при установлении истины по делу, что влечет за собой неминуемое нарушение общеправового принципа законности. Право на пересмотр судебного акта является одной из гарантий реализации данного конституционного права.

Введенный в российское законодательство

апелляционный порядок пересмотра не вступивших в законную силу судебных постановлений действует в арбитражном процессе с 1995 г., в гражданском – с 2000 г. Несмотря на сравнительно недолгое существование в современном законодательстве, данный институт оказывает влияние на последующее развитие арбитражного и гражданского процессов в целом, что обусловлено необходимостью устранения судебных ошибок и нацелено на повышение эффективности судебной власти, реализацию конституционного права на правосудие. Эффективная модель судебной защиты, где апелляционное производство занимает одно из ведущих мест, призвана защищать нарушенные или оспариваемые права, свободы и законные интересы граждан и организаций.

Повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции, как в гражданском, так и в арбитражном судопроизводстве, дает возможность участникам процесса более полно реализовать право на судебную защиту, однако пробелы и коллизии законодательства ограничивают реализацию данного конституционного права.

Право на судебную защиту в первую очередь обусловлено целями и задачами, которые закреплены в отраслевых процессуальных кодексах (ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ) [1, 2].

Гражданское процессуальное законодательство в отличие от арбитражного определяет и цели, и задачи судопроизводства. Задачами гражданского процесса является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Эти задачи определены законодателем с определенными целями – целями гражданского судопроизводства – защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Другим словами, целью является защита частных и публичных интересов, поэтому задачи гражданского судопроизводства определяют должное поведение субъектов для достижения целей судопроизводства. Задачи являются направляющими для получения желаемого результата: защиты субъективных прав, свобод и законных интересов путем правильного и своевременного рассмотрения дел.

В соответствии же со ст. 2 АПК РФ выделяются только задачи арбитражного судопроизводства, которые, естественно, отражают упомянутую статью Конституции РФ. Однако законодатель не определил цели арбитражного судопроизводства, что, на наш взгляд, является пробелом законодательства, который необходимо устранить. Как представляется, в ст. 2 АПК РФ среди задач арбитражного судопроизводства указаны и цели.

По смыслу ст. 2 АПК РФ можно выделить следующую цель арбитражного судопроизводства: защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований в сфере предпринимательской деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере. Данная цель будет достигаться задачами, которые и содержатся в ст. 2 АПК РФ.

Формулировки задач в гражданском и арбитражном судопроизводстве не идентичны, однако, по нашему мнению, отличающийся понятийный аппарат не мешает выделить общие основы построения задач как гражданского, так и арбитражного судопроизводства. Таким образом, задачей гражданского процесса (согласно ст. 2 ГПК РФ) является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела, а одной из задач арбитражного судопроизводства – справедливое публичное судебное разбирательство в установленный законом срок. Очевидно, что общность указанных задач не вызывает возражений.

Цели и задачи судопроизводства не являются абстрактными и не оторваны от самого судопроизводства. Задачи правосудия ложатся в первую очередь на суд первой инстанции, поскольку именно туда обращается заинтересованное лицо, права которого предположительно нарушены, и от деятельности суда первой инстанции зависит решение установленных законом задач и достижение целей правосудия. Тем не менее, как отмечал еще Е.В. Васьковский, «как бы хорошо ни были подготовлены к своей деятельности судьи, как бы добросовестно и внимательно ни относились они к исполнению своих обязанностей, во всяком случае они не могут быть вполне гарантированы от промахов и ошибок» [3, с. 33].

Для устранения этих ошибок, исходя из концепции защиты субъективных прав, в гражданском и арбитражном процессах существуют стадии пересмотра судебных постановлений. Одним из гарантов соблюдения законности, достижения целей и задач судопроизводства и является проверка не вступивших в законную силу судебных актов – апелляционное производство.

Институт апелляции зародился в римском праве к концу III в. н.э. Appello (я апеллирую) – формальное начало апелляционной жалобы в римском процессе. Порядок подачи апелляции был следующий: апелляция могла быть заявлена устно сразу же после вынесения решения либо могла быть подана в письменной форме в ближайшие дни. Судья, на решение которого подавалась апелляция, сам решал, дать ли делу ход или отклонить апелляцию, мотивируя свой отказ, например, «пороками формы или очевидным желанием ответчика затянуть вступление судебного решения в силу» [3, с. 223]. При подаче апелляции решение не вступало в законную силу, а решение, вынесенное апелляционным судом, заменяло предшествующее решение.

Первоначально на одно и то же решение апелляция могла подаваться неоднократно, с течением времени число возможностей подачи апелляции на судебное постановление сократилось до двух.

Возникновение института апелляционного обжалования решений оказало влияние на развитие судопроизводства: начинает устанавливаться «иерархия доказательств» [4, с. 225]; вводятся судебные пошлины, в том числе за апелляцию, а также, оставаясь в основном устным, процесс приобретает черты письменности, поскольку заявления сторон, в том числе апелляционные, фиксируются в протоколе судебного заседания. При императоре Юстиниане апелляционное рассмотрение дела превратилось в новое производство по делу с исследованием новых доказательств [5, с. 42].

Возрождение апелляционного производства в отечественном процессуальном праве дает возможность проверить не только законность и обоснованность

постановлений суда первой инстанции, но и фактическую сторону дела, т.е. сущность судебного акта, вынесенного в суде первой инстанции, что полностью отвечает целям и задачам, которые определены процессуальным законодательством.

Пересмотр судебных актов служит для исправления ошибок, допущенных судом первой инстанции, апелляционная инстанция повторно рассматривает дело [6, с. 38]. Лица, участвующие в деле, их представители при наличии специальных полномочий, прокурор, участвующий в деле, могут обжаловать в суд апелляционной инстанции не вступившее в законную силу постановление суда первой инстанции. В настоящее время в связи с изменениями, действующими с 1 января 2012 г., апелляционную жалобу вправе подать также лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом (п. 2 ст. 320 ГПК РФ). Это расширило возможности проверки законности и обоснованности постановлений, вынесенных при рассмотрении дела по существу.

Средства достижения целей и задач гражданского и арбитражного процессов содержат различные элементы. Среди них можно выделить и апелляцию, которая имеет свои задачи, являющиеся промежуточными и направленными на достижение единых целей и задач правосудия по гражданским делам. Перед апелляционным производством стоят специфические задачи, которые вытекают из общих целей и задач, определенных законодателем как для гражданского, так и для арбитражного судопроизводства. Цель достигается поставленными задачами, реализация которых на каждой стадии должна приводить к достижению целей всего судопроизводства, чем будет оправдываться смысл правосудия в целом. И это относится как к гражданскому, так и к арбитражному судопроизводству.

Первой из задач гражданского судопроизводства является правильное рассмотрение гражданских дел, иными словами, вынесение законного и обоснованного постановления по делу. Именно законность и обоснованность постановления суда первой инстанции проверяется в суде апелляционной инстанции.

Если задачи будут выполнены, то будет достигнута и цель, для этого существуют различные средства, которые опираются на определенные установки. Цель и задачи судопроизводства не могут не опираться на принципы отрасли права. Принципы, являясь основополагающими началами, организуют нормы и институты отрасли в единое русло достижения целей и задач, поставленных законодателем в данной области правового регулирования. Поскольку цели и задачи устанавливаются с учетом основных начал каждой отрасли, принципы отрасли определяют то, что должно быть достигнуто в данной области правового регулирования, то, чего добивался законодатель, создавая нормы права. В разных условиях принципы по-разному оказывают свое воздействие на область правоотношений, поэтому можно предположить, что на каждом этапе развития правовое регулирование имеет свой особый механизм регулирования. Принципы, организуя отрасль, отражают эффективность права как регулятора общественных отношений. Без привлечения принципов отрасли невозможно в полном объеме определить эффективность действия различных отраслевых механизмов. Принципы служат процессуальными гарантиями по защите прав, свобод

и охраняемых законом интересов и являются юридическим средством осуществления защиты субъективных прав. Реализация принципов законности, диспозитивности, состязательности и других основополагающих начал гарантирует достижение цели и задач гражданского (арбитражного) судопроизводства в целом и апелляционного производства в отдельности.

Относясь к отрасли в целом, принципы тем не менее имеют, на наш взгляд, особое проявление в отдельных стадиях процесса. Представляется, что целесообразно говорить об особенностях действия принципов на различных стадиях процесса, где для их реализации включаются различные правовые механизмы. Например, несоблюдение принципа законности при рассмотрении спора в суде первой инстанции является основанием к отмене постановления суда первой инстанции вышестоящим судом. Принцип законности в суде первой инстанции проявляется в точном соблюдении норм материального и процессуального права судом, рассматривающим дело по существу. В апелляционной же инстанции принцип законности проявляется в качестве порядка пересмотра постановлений, не вступивших в законную силу. На данном этапе включается в действие правовое регулирование апелляционного производства, где проверяется соответствие выводов суда с имеющимися в деле материалами. Суд апелляционной инстанции в конечном счете решает вопрос о законности постановления суда первой инстанции и в связи с этим об оставлении без изменения, об изменении или об отмене обжалуемого постановления. Поэтому проявление принципа законности в суде второй инстанции не совпадает с проявлением этого принципа при рассмотрении дела по существу. Речь идет о различных процессуальных аспектах, и в первую очередь о доказывании и доказательствах в суде второй инстанции.

Обоснованность судебного постановления заключается в соответствии выводов суда доказательствам, подтверждающим наличие или отсутствие тех или иных фактов.

Таким образом, выполнение задач судопроизводства должно заключаться в правильном разрешении спора, т.е. в правильном применении норм материального права и при точном соблюдении процессуального права. Проверка постановления суда первой инстанции в апелляционном порядке предполагает вторичное рассмотрение дела с целью восстановления законности, защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц. Для решения задач и целей судопроизводства и существует стадия пересмотра судебных постановлений, не вступивших в законную силу. Поскольку задача гражданского судопроизводства – правильность рассмотрения дела – не была решена в суде первой инстанции, задача правильности судебного разбирательства должна быть решена в суде апелляционной инстанции. В данном случае будут реализованы цели гражданского судопроизводства в целом. Следовательно, стадия пересмотра судебных постановлений, не вступивших в законную силу, в апелляционном порядке направлена на достижение общих целей и задач гражданского и арбитражного судопроизводства. Одна из задач судопроизводства – справедливое публичное судебное разбирательство. Если решение суда не будет отвечать требованиям законности и обоснованности, то данная

задача в суде первой инстанции не выполнена, а апелляционное производство способствует достижению общих целей и задач судопроизводства.

Изменения гражданского процессуального законодательства, установившие, что в апелляционном порядке должны пересматриваться постановления не только мировых судей, но и федеральных судов, несомненно, является верным шагом на пути реформирования отправления правосудия. Однако резонно встает вопрос о модели апелляционного производства, установленной ГПК РФ.

В теории гражданского процессуального права выделяют следующие виды апелляции: полную и неполную [7, с. 76–77]. Правила полной апелляции разрешают лицам, участвующим в деле, представлять новые доказательства в апелляционную инстанцию без каких-либо ограничений, дело рассматривается заново с правовой и фактической стороны. Суд вправе устанавливать новые факты и исследовать новые доказательства без каких-либо ограничений. Правила полной апелляции, которые действовали до недавнего времени, на наш взгляд, давали возможность сторонам злоупотреблять своим правом и затягивать процесс путем представления новых доказательств в суд апелляционной инстанции [8, с. 41].

Неполная же апелляция вводит ограничения на представление новых доказательств в суд апелляционной инстанции, что исключает злоупотребления со стороны участников судопроизводства. Интересно, что данные ограничения на представление новых доказательств предлагались еще исследователями дореволюционной России. Например, Г. Вербловский высказывал мнение о том, что для представления новых доказательств или ссылок на них целесообразно установить в законе крайний предел, чтобы иметь возможность вести борьбу против затягивания процесса, его искусственного осложнения, нередко заменяющих истину и мешающих выработке судебного убеждения [9, с. 384].

При неполной апелляции дело рассматривается на основании доказательств, которые уже исследовались в суде первой инстанции, новые доказательства можно представлять в суд апелляционной инстанции только в исключительных случаях. Дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции только в том случае, если лицо обоснует невозможность представления доказательств в суд первой инстанции по уважительным причинам и если сам суд признает эти причины таковыми.

Таким образом, представление доказательств в апелляционную инстанцию при неполной апелляции зависит от причин, по которым не были представлены доказательства в суд первой инстанции. Например, если опираться на ст. 268 АПК РФ, условиями принятия новых доказательств являются: 1) невозможность представления доказательств в суд первой инстанции по объективным причинам; 2) признание этих причин уважительными арбитражным судом апелляционной инстанции; 3) отказ арбитражного суда первой инстанции в исследовании или истребовании доказательств. В соответствии со ст. 327.1 ГПК РФ дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными.

При принятии новых доказательств суд второй инстанции исследует их по

правилам производства в суде первой инстанции, т.е. процесс доказывания возобновляется в полном объеме, на что указывается в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» [10].

Тем не менее, наряду с общими чертами, процесс доказывания в суде апелляционной инстанции имеет свои особенности. Нельзя не согласиться с И.В. Решетниковой, связывающей содержание доказательственного процесса с целями и задачами, которые перед ним поставлены [11, с. 160]. Как уже отмечалось, апелляция имеет свои цели и задачи, относящиеся к проверке законности и обоснованности решения суда первой инстанции. Одним из направлений достижения этих целей является исследование доказательств в суде второй инстанции. Поскольку для правосудия (и гражданского, и арбитражного) с точки зрения решения доказательственной задачи важно в первую очередь выстроить процессуальную систему средств доказывания и самой познавательной-доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле (прежде всего сторон), и суда. Поэтому задача апелляционной инстанции – проверить правильность доказательственной деятельности суда первой инстанции, полноту материалов, использованных в процессе правоприменения, обоснованность и законность вынесенного решения. С этой целью вышестоящий суд также должен определить предмет доказывания, заново полностью исследовать весь имеющийся в деле и вновь представленный доказательственный материал и на основе этого сделать вывод о законности и обоснованности постановления суда первой инстанции. Таким образом, апелляционная инстанция, являясь второй инстанцией, должна проверить законность и обоснованность судебного акта суда первой инстанции, проверив решение суда не только с точки зрения права, но и с точки зрения факта.

Подводя итог изложению теоретической основы апелляционного производства, отметим следующее. Апелляционный пересмотр всех не вступивших в законную силу судебных актов отвечает целям и задачам судопроизводства, которые заключаются в первую очередь в правильном рассмотрении дела. Имея свои цели и задачи, апелляция обладает чертами производства в суде первой инстанции и собственными специфическими чертами, что отражается в действии принципов и на процессе доказывания в суде второй инстанции. Доктрина неполной апелляции вводит ограничения на представление новых доказательств, что лишает стороны умышленно затягивать судопроизводство путем неограниченной возможности представления их в процесс.

Апелляционное производство, несомненно, является верным шагом на пути совершенствования гражданского процессуального законодательства, поскольку повторное рассмотрение дела вышестоящим судом служит дополнительной гарантией законности и обоснованности вынесенного судебного акта и таким образом способствует достижению установленных целей и задач судопроизводства.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 21 апр. 2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2011. № 19. Ст. 2357; 2012. № 25. Ст. 3266.

2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 8 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2011. № 50. Ст. 7364; 2012. № 26. Ст. 3439.
3. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917.
4. Дождев Д.В. Римское частное право. М., 1996.
5. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 1972.
6. Борисова Е.А. Реформирование процессуального законодательства: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4.
7. Яковлева А.П. Апелляционное производство в гражданском и арбитражном процессах. Саратов, 2007.
8. Базаров Б. При апелляционном производстве возможно нарушение принципа состязательности // Российская юстиция. 2002. № 3.
9. Вербловский Г.Л. Вопросы русского гражданского права и процесса. СПб., 1896.
10. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
11. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М., 1999.

Ya.S. Grishina
Support of Social Enterprises
by Granting Tax Benefits

The method of indirect regulation of economic processes by taxation and granting tax benefits providing the state support of social enterprises is considered.

Key words and word-combinations: social enterprises, tax benefits, public organizations.

Рассматривается метод косвенного регулирования экономических процессов посредством налогообложения и предоставления налоговых льгот в качестве государственной поддержки социальных предприятий.

Ключевые слова и словосочетания: социальное предприятие, налоговые льготы, общественные организации.

УДК 347.73
ББК 67.402

Я.С. Гришина

**ПОДДЕРЖКА
СОЦИАЛЬНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ
ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ
НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ**

Конституция Российской Федерации, провозглашая государство демократическим и социальным, тем самым берет на себя определенные обязательства по реальному обеспечению каждого человека всем необходимым, как это предусмотрено международно-правовыми актами и внутренним законодательством государств. В результате изучения эволюции идеи социального предпринимательства и основных подходов к его определению в России и за рубежом можно прийти к выводу, что под социальным предпринимательством следует понимать предпринимательскую деятельность, сочетающую экономический и социальный эффект, достигающийся

применением инновационных методов, и направленную на решение или смягчение различных социальных проблем общества, связанных с обеспечением социально-имущественных потребностей российских граждан [1]. Критерием разграничения социального предпринимательства и традиционной предпринимательской деятельности и некоммерческого хозяйствования выступает не критерий прибыльности, а нацеленность на удовлетворение социально-имущественных потребностей с помощью инновационно-предпринимательских средств.

Особенностью социально-предпринимательской деятельности является то, что она представляет собой сферу взаимодействия частных и публичных интересов, в связи с чем ее регулирование осуществляется с использованием публично-правовых и частноправовых средств. В механизме правового обеспечения предпринимательской деятельности частноправовые и публично-правовые средства непрерывно взаимодействуют, причем публично-правовые средства, как правило, предшествуют применению частноправовых и обеспечивают их реализацию. Публично-правовые средства включают в себя совокупность укрупненных блоков правовых средств, каждый из которых представляет собой подсистему общей системы обеспечения социально-имущественных потребностей. В свою очередь, каждый из этих блоков публично-правовых средств состоит из подсистемы правовых средств более низкого уровня. Одним из этих правовых средств является предоставление налоговых льгот.

В настоящее время в Федеральном законе «О некоммерческих организациях» в ст. 31.1 декларируется, что оказание поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям наряду с имущественной, информационной и консультационной поддержкой осуществляется в следующих формах: а) предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах; б) предоставление юридическим лицам, оказывающим социально ориентированным некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах. Однако, в отличие от европейского налогового законодательства, Налоговый кодекс РФ, который по логике должен содержать правовые нормы, регулирующие льготное налогообложение организаций, отвечающих требованиям социально ориентированных (или организаций, их поддерживающих), подобных норм не содержит. Не существует даже отсылки к Налоговому кодексу, что делает предоставление налоговых льгот для социально ориентированных некоммерческих организаций проблематичным. В связи с этим вопрос поддержки социальных предприятий предоставлением налоговых льгот как предмет настоящего исследования видится вполне обоснованным.

В научной литературе налогообложение и предоставление налоговых льгот относят к методам косвенного регулирования экономических процессов как системы способов публично-правового воздействия на экономику [2, с. 42–43]. При этом следует учитывать, что из организаций, имеющих потенциальную возможность в российском законодательстве приобрести статус социальных предприятий, наибольшим объемом льгот обладают некоммерческие организации по сравнению с предприятиями малого и среднего бизнеса. Обычно пола-

гают, что некоммерческие организации (НКО) в России имеют достаточное количество льгот, позволяющих им с успехом реализовывать уставные задачи, что не вполне корректно, так как НКО в настоящее время действуют в общем для всех организаций налоговом поле [3, с. 75]. Это правило справедливо как для уставной некоммерческой, так и для предпринимательской деятельности.

Российским законодателем не предусматриваются налоговые льготы для НКО только в связи с тем, что они занимаются социально значимой деятельностью и не участвуют в предпринимательстве. Даже не занимаясь предпринимательской деятельностью, НКО могут быть обязаны уплачивать следующие налоги: а) на доходы физических лиц (в качестве налоговых агентов при осуществлении выплат физическим лицам); б) на имущество организаций; в) земельный налог, если НКО является собственником земли, землевладельцем или землепользователем; г) транспортный, если у организации имеется транспортное средство.

Одновременно, даже в том случае, если НКО не реализует товары, работы и услуги, ее деятельность может подвергаться налогообложению на прибыль и НДС, например при реализации ненужного имущества. Если же организация осуществляет предпринимательскую деятельность, то основную налоговую нагрузку, как правило, составляют налог на прибыль, НДС, водный налог, единый налог, уплачиваемый при применении упрощенной системы налогообложения, единый налог на вмененный доход, таможенная пошлина [3, с. 75–76]. Вместе с тем несомненно, что некоммерческие организации действуют в более льготном режиме налогообложения, чем коммерческие.

Анализ российского законодательства о налоговых льготах, предоставляемых коммерческим и некоммерческим организациям, дает основание сделать вывод, что требованиям, предъявляемым к статусу «социальных предприятий», построенных по модели итальянского (польского) социального кооператива, в большей степени отвечают организации и учреждения, уставной капитал которых полностью состоит из вкладов общественных организаций инвалидов, имеющих наибольшее количество льгот по сравнению со всеми другими российскими предприятиями. Налоговые льготы у данных организаций и учреждений аналогичны льготам общественным организациям инвалидов, которыми в соответствии со вторым абзацем ст. 33 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [4] признаются организации, созданные инвалидами и лицами, представляющими их интересы, в целях защиты прав и законных интересов инвалидов, обеспечения им равных с другими гражданами возможностей, решения задач общественной интеграции инвалидов, среди членов которых инвалиды и их законные представители составляют не менее 80%, а также союзы (ассоциации) указанных организаций. Достаточность соблюдения этих критериев для получения льготного налогообложения подтверждается письмом Минфина России от 9 марта 2007 г. № 03-07-14/09 [5]. В соответствии со ст. 14 Федерального закона «Об общественных объединениях» по территориальному признаку такие организации могут быть общероссийскими, межрегиональными, региональными и местными [6].

Под налоговыми льготами в соответствии с п. 1 ст. 56 НК РФ понимаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков преимущества,

позволяющие не уплачивать налог или уплачивать его в меньшем размере. Организации, уставной капитал которых полностью состоит из вкладов общественных организаций инвалидов, пользуются данными преимуществами при осуществлении предпринимательской деятельности в уставных целях лишь при соблюдении одновременно двух условий: 1) среднесписочная численность инвалидов в организации должна составлять не менее 50%; 2) доля заработной платы инвалидов в фонде оплаты труда организации должна быть не ниже 25%. Льготами обладают также предприятия любой организационно-правовой формы, обеспечивающие труд инвалидов и соблюдающие указанные условия.

Обоснованность наличия этих условий для предоставления льгот предприятиям общественных организаций неоднократно становилась предметом спора. Однако постановлением Федерального арбитражного суда Уральского округа от 1 октября 2007 г. № Ф09-8103/07-С2 вопрос решен в пользу организации, использующей труд инвалидов [7]. В постановлении отмечается, что, по мнению налогового органа, общество, применяющее труд инвалидов, неправомерно применило льготу по НДС, установленную пп. 2 п. 3 ст. 149 НК РФ, поскольку некоторые из инвалидов, являющиеся работниками общества, согласно справкам учреждения государственной службы медико-социальной экспертизы нетрудоспособны, в связи с чем не могут осуществлять трудовую деятельность.

Довод налогового органа о том, что среднесписочная численность инвалидов среди работников общества составляет менее 50%, в связи с тем что некоторые из инвалидов являются нетрудоспособными и на основании п. 5 ст. 83 Трудового кодекса РФ заключенные с ними трудовые договоры подлежат прекращению, оценен судом первой инстанции правильно. Факт нарушения обществом норм трудового законодательства является основанием для применения ответственности в соответствии с трудовым и административным законодательством, но не влияет на возможность использования им указанной налоговой льготы в случае подтверждения наличия трудовых отношений с указанными лицами.

Кроме данных предприятий и организаций, созданных инвалидами, налоговыми льготами могут воспользоваться учреждения, единственными собственниками имущества которых выступают общественные организации инвалидов и которые созданы для достижения образовательных, культурных, лечебно-оздоровительных, физкультурно-спортивных, научных, информационных и иных социальных целей, а также для оказания правовой и иной помощи инвалидам, детям-инвалидам и их родителям. Для таких учреждений нет ограничений ни по числу работников-инвалидов, ни по доле их зарплат в фонде оплаты труда.

В настоящее время в соответствии с п. 3 ст. 381 и п. 5 ст. 395 НК РФ от уплаты налога на имущество организаций и земельного налога на федеральном уровне освобождены следующие организации инвалидов:

- 1) общероссийские общественные организации инвалидов (в том числе созданные как союзы общественных организаций инвалидов) при наличии 80% инвалидов от общего числа членов организации в отношении имущества и земельных участков, используемых для осуществления их уставной деятельности;
- 2) организации, уставной капитал которых полностью состоит из вкладов указанных общероссийских общественных организаций инвалидов, если сред-

неиспосная численность их среди работников составляет не менее 50%, а их доля в фонде оплаты труда – не менее 25%, – в отношении имущества и земельных участков, используемых для производства и (или) реализации товаров (за исключением подакцизных товаров, минерального сырья и иных полезных ископаемых, а также иных товаров по перечню, утверждаемому Правительством РФ по согласованию с общероссийскими общественными организациями инвалидов), работ и услуг (за исключением брокерских и иных посреднических услуг). При этом Перечень вышеуказанных товаров утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2005 г. № 223 [8];

3) учреждения, единственными собственниками имущества которых являются указанные общероссийские общественные организации инвалидов, – в отношении имущества и земельных участков, используемых ими для достижения уставных целей.

Налоговые льготы предоставляются также по налогу на прибыль организаций и по налогу на добавленную стоимость (пп. 39 п. 1 ст. 264 и пп. 2 п. 3 ст. 49 НК РФ) при осуществлении уставной деятельности, направленной на социальную защиту инвалидов.

Вместе с тем в соответствии с п. 2 ст. 372 и п. 2 ст. 387 НК РФ законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ и представительные органы муниципальных образований вправе устанавливать налоговые льготы соответственно по налогу на имущество организаций и земельному налогу и основания для их использования налогоплательщиком. Так, например, в Законе Московской области от 24 ноября 2004 г. № 151/2004-ОЗ «О льготном налогообложении в Московской области» закреплено:

а) общественные организации инвалидов освобождаются от уплаты транспортного налога, кроме водных и воздушных транспортных средств (п. 2 ст. 7);

б) организациям, участниками которых являются общественные организации инвалидов, предоставляются следующие налоговые льготы (п. 2 ст. 8):

– освобождение от уплаты налога на имущество организаций;

– освобождение от уплаты транспортного налога, кроме водных и воздушных транспортных средств;

в) организациям, применяющим труд инвалидов и лиц, получающих пенсию по старости, предоставляются следующие льготы (п. 2 ст. 9):

– снижение ставки налога на прибыль организаций на четыре процентных пункта;

– освобождение от уплаты налога на имущество организаций;

– освобождение от уплаты транспортного налога, кроме водных и воздушных транспортных средств [9].

При этом следует обратить внимание на различия в определениях категорий субъектов льготного налогообложения, содержащиеся в федеральном и региональном законодательстве. В законодательстве Московской области под общественными организациями инвалидов понимаются организации, зарегистрированные в соответствии с федеральным законодательством в качестве общественных организаций инвалидов, в которых число инвалидов составляет не менее 90% от общей численности членов [9]. С одной стороны, требования к количе-

ственному составу инвалидов в законодательстве Московской области ужесточаются, так как требуются не 80, а 90% от общей численности членов. Однако следует обратить особое внимание на то, что в федеральном законодательстве льготы предоставляются общероссийским общественным организациям, а в региональном – независимо от статуса организации инвалидов, что представляется совершенно обоснованным.

В научной литературе неоднократно вставал вопрос о необходимости предоставления налоговых льгот общественным объединениям инвалидов независимо от статуса, территориальной сферы деятельности и организационно-правовых форм [10, с. 160]. Данная позиция соответствует ст. 30 Конституции РФ о праве каждого гражданина на объединение; согласуется с п. 10 Декларации о правах инвалидов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (Резолюция 3447 (XXX) от 9 декабря 1975 г.) [11], устанавливающей, что инвалиды должны быть защищены от любых видов регламентации, носящих дискриминационный характер; вытекает из ст. 2-4 ратифицированной Российской Федерацией Конвенции МОТ 1983 г. № 159 «О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов» [12], согласно которой национальная политика в области профессиональной реабилитации и занятости инвалидов должна распространяться на все категории инвалидов. Более того, на этой же позиции базируется правоприменительная практика. Постановлением Конституционного Суда от 23 декабря 1999 г. № 18-П было признано незаконным освобождение от уплаты страховых взносов только общероссийских организаций инвалидов [13].

Кроме того, в отличие от федерального законодательства, в региональном расширяется определение круга лиц, участие которых в трудовой деятельности предприятия дает основание для предоставления льгот, так как помимо инвалидов в перечень работников предприятия включены пенсионеры. В п. 1 ст. 9 Закона «О льготном налогообложении в Московской области» понятие организаций, применяющих труд инвалидов, расширено за счет лиц, получающих пенсию по старости. В Законе также отмечено, что для лечебно-производственных государственных предприятий, относящихся к организациям, применяющим труд инвалидов и лиц, получающих пенсию по старости, в среднесписочную численность работающих, рассчитываемую по организации, включаются также лица, проходящие трудовую терапию без заключения трудового договора в соответствии с постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 522 «О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» [14].

К сожалению, в федеральном законодательстве налоговыми льготами вправе воспользоваться только общественные организации инвалидов, организации и учреждения, уставной капитал которых полностью состоит из взносов данных организаций, и предприятия независимо от организационно-правовой формы, использующие труд инвалидов. В письме заместителя директора Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Н.А. Комовой от 16 января 2009 г. в связи с обращением по вопросам предоставления налоговых льгот общественным организациям инвалидов отмечается, что «в настоящее время для общественных организаций инвалидов установлено достаточ-

ное количество налоговых льгот и устанавливать дополнительные налоговые льготы нецелесообразно» [15].

Частично можно согласиться с мнением чиновника, так как уровень налоговых льгот в первую очередь зависит от общеэкономического состояния государства: ведь налоговые льготы представляют собой отказ государства от налоговых поступлений в бюджет. Однако представляется, что в целях реального обеспечения социально-имущественных потребностей граждан следует подобные льготы установить для всех социальных предприятий независимо от организационно-правовой формы, интегрирующих социальный и экономический эффект в целях решения социальных проблем и использующих труд не только инвалидов, но и лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. Подобные изменения необходимо внести в российское налоговое законодательство.

Библиографический список

1. *Гришина Я.С.* Социальное предпринимательство как инновационно-правовая модель обеспечения социально-имущественных потребностей / под ред. Н.А. Барина. Саратов, 2012.
2. *Белых В.С.* Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2007. № 1.
3. *Филиппова Н.А.* Налогообложение некоммерческих организаций: учеб. пособие. М., 2012.
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федер. закон от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ // Рос. газ. 1995. 24 нояб.
5. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 16 янв. 2009 г. № 03-07-14/09. URL: <http://polonet.ru/stati/nalogi-i-buhgalterskii-uchet/o-nalogovyh-lgotah-obshestvennym-organizacijam-invalidov.html>
6. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/popular/obob/76_1.html
7. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 1 окт. 2007 г. № Ф09-8103/07-С2. URL: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=122637>
8. Об утверждении перечня товаров, при производстве и (или) реализации которых организации не подлежат освобождению от уплаты земельного налога в отношении земельных участков, используемых ими для производства и (или) реализации этих товаров: постановление Правительства РФ от 15 апр. 2005 г. № 223 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О льготном налогообложении в Московской области: Закон Московской обл. от 24 нояб. 2004 г. № 151/2004-ОЗ. URL: http://www.adviser.su/?option=com_dbase&task=view_doc&id=31282&act=full
10. *Барков А.В.* Реализация гражданской правосубъектности общественного объединения инвалидов в сфере социальной защиты. Коломна, 2003.
11. Декларация о правах инвалидов: принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1975 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml
12. О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов: Конвенция Международной организации труда № 159 (Женева, 20 июня 1983 г.). URL: http://www.edinayastrana.ru/docs/docs/01_7.doc
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 дек. 1999 г. № 18-п по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд

занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами: постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 1994 г. № 522. URL: http://77reg.roszdravnadzor.ru/73.normativnye_dokumenty/postanovlenija_pravitelstva_rf/psihiatricheskaja_pomosch

15. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 16 янв. 2009 г. № 03-07-14/09 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

D.V. Sazonova
The Significance of Legal
Techniques Improvement

The content of the notion of "legislative technique" and its transformation in the law of Russia are revealed. The main attention is paid to the importance of improving legal techniques in modern Russia.

Key words and word-combinations: regulatory act; legal technique; the interpretation of norms of the law.

Раскрывается содержание понятия «законодательная техника» и его трансформация в праве России. Основное внимание уделяется значению совершенствования правореализационной техники в современной России.

Ключевые слова и словосочетания: нормативный акт; юридическая техника; толкование норм закона.

УДК 340.1
ББК 67.0

Д.В. Сазонова

ЗНАЧЕНИЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРАВЕРЕАЛИЗАЦИОННОЙ
ТЕХНИКИ

Качество современного отечественного законодательства вызывает у специалистов серьезную обеспокоенность. Как справедливо отмечает Ю.А. Тихомиров, стремительное и масштабное развитие правовой инфраструктуры в России за последние два десятилетия породило иллюзии о «вседоступности» законодательства [1]. Словосочетание «писать законы» стало распространенной юридической формулой.

Сегодня приходится констатировать устойчивость тенденции по ухудшению качества законов. Во многом именно с несовершенством правового регулирования связаны сложности правоприменения, лавинообразный рост числа рассматриваемых судами споров, высокая степень субъективного усмотрения при их разрешении. Следствием этого является непредсказуемость правовых предписаний и нестабильность правового статуса участников правовых отношений, что в значительной степени усиливает рискованный характер их деятельности.

Следует выделить, как минимум, организационный и правовой аспекты несовершенства законодательства.

Основные причины, обуславливающие организационный аспект проблемы:

- отсутствие утвержденных стандартов качества законов и правил юридической техники;
- несовершенство законодательных процедур;
- отсутствие единого «регулятора» отношений;
- поспешное (хаотичное) изменение законодательства;
- правотворческая аритмия (отсутствие синхронности издания законодательных актов и актов подзаконного характера, принимаемых в развитие положений принятых законов) и другие.

При этом очевидно, что указанные причины лежат в основе низкого качества всего отечественного законодательства.

Законы должны отражать актуальные и реальные общественные проблемы и решать их таким образом, чтобы они были приемлемы для большинства их адресатов и имели шанс реализации.

В России на данное время существует большая потребность в улучшении уровня подготовленности в области юридической техники среди парламентариев, государственных служащих и юристов. Игнорирование опыта в этой области негативно сказывается на правоприменительной практике, законности и правопорядке страны. От степени развитости юридической техники во многом зависит уровень цивилизованности страны [2].

Юридическая техника имеет в основном прикладной, инструментальный характер. Но это не означает ее подчиненности, несамостоятельности. Юридическая техника использует достижения не только правоведения, но и других наук (логика, лингвистика и другие), а также большое число своих, выработанных практикой приемов и средств.

Язык и стиль нормативного акта, требования к созданию и использованию юридической терминологии – самостоятельные и очень важные проблемы законодательной техники.

Нормативный акт – это определенный вид литературного произведения, он должен писаться без использования диалектов и неустоявшихся языковых новшеств.

Язык нормативного акта – это язык официального документа, в котором выражена не индивидуальная воля, не субъективные представления, а воля коллектива законодателей, общества в целом, причем она носит государственно-властный характер и воплощается в определенных, заранее установленных формах, имеющих официальное значение. Законодательный стиль безличен, в нем меньший набор языковых средств, отсутствует особая манера письма того или другого автора. Закон как бы не имеет авторства, точнее, его автор обобщенно безличен, это – государственный орган, наделенный правотворческими полномочиями [3].

Юридическая техника становится действенным инструментом в реализации прав и законных интересов граждан. Важно не только знать свои права, но и уметь их защищать, добиваться осуществления на практике. Современный гражд-

данин все активнее вовлекается в сферу действия права. Он все чаще имеет дело с многочисленными юридическими документами, судебными и административными процедурами.

Юридическая техника – научно-прикладная, инструментальная отрасль знания, поэтому в ней используются достижения не только правоведения, но и других наук и, конечно же, большое число собственных, выработанных практикой приемов и средств, с помощью которых достигаются цели правового регулирования.

Эти правила, приемы и средства обеспечивают наиболее точное соответствие правовых актов их сущности и содержанию. В литературе чаще всего выделяют следующие виды юридической техники:

- законодательная (нормотворческая, законотворческая техника);
- правоприменительная (правореализационная или техника индивидуальных правовых актов);
- интерпретационная или техника актов официального толкования;
- техника систематизации и учета нормативных правовых актов;
- техника обнародования (опубликования) нормативных правовых актов.

Большинство ученых классифицируют правила ведения юридической деятельности – по видам юридической работы. Они выделяют нормотворческую, правоприменительную, праворазъяснительную, систематизационную и доктринальную юридические технологии.

По мнению В.Н. Карташова, юридическая техника делится на следующие виды: правотворческая, правоприменительная (правореализационная), интерпретационная, правосистемообразующая, судебная, следственная, прокурорская и т.п. [4].

Особо следует выделить такой вид юридической техники, как правореализационная.

Правоприменительная техника, являясь элементом юридической техники, представляет собой систему научно обоснованных и практически сложившихся средств и способов, используемых при создании (подготовке и оформлении) правоприменительных (индивидуальных) актов.

Н.А. Власенко совершенно обоснованно включает в юридическую технику, помимо правотворческой, и правоприменительную, и праворазъяснительную, и правосистематизационную юридическую технологию. Но при этом игнорирует правореализационную деятельность, в процессе которой также часто составляются документы юридического характера (например, договоры), влекущие серьезные юридические последствия. Этот факт тем более удивителен, что в структуре юридической технологии у Н.А. Власенко нашлось место доктринальной юридической технологии, которая «призвана осмысливать роль юридических начал в обществе и вырабатывать соответствующие рекомендации» [5].

Основная часть правовых процедур закрепляется процессуальными нормативными предписаниями и, следовательно, относится к общим средствам юридической техники. Однако на стадии правоприменения особое значение приобретает практический аспект профессиональной деятельности – правильность соблюдения процедурных правил, умение эффективно, экономично, целесообразно осуще-

ствлять те или иные действия, соблюдение неписаных правил, деловых обыкновений, существующих в любой профессиональной среде, в том числе и в сфере правоприменения. Все это способно обеспечить законность, минимизировать ограничения прав человека, гарантировать их справедливость и избыточность, либо, наоборот, свести на нет все нормативные, законодательные гарантии [6].

В огромной мере качество правотворчества, и тем более правоприменения, зависит от человеческого, субъективного фактора, и если прямой умысел на незаконные ограничения прав и свобод средствами юридической техники предотвратить невозможно, то сократить количество правотворческих и правоприменительных ошибок путем повышения квалификации законодателя или правоприменителя, совершенствования их профессионализма – это как раз задача юридической техники [7].

Таким образом, автор считает необходимым рассматривать правореализационную юридическую технику в единстве с научным характером нормотворчества, поскольку закон готовится при тщательном анализе социально-экономической ситуации в стране, политической обстановки, потребности правового регулирования тех или иных сторон общественной жизни, целесообразности подобного регламентирования.

Например, устранение множественности актов традиционно связывается в юридической литературе с повышением эффективности и качества законодательства. Излишняя же множественность, напротив, создает, по мнению специалистов, благоприятную почву для противоречий и несогласованностей в нормативном массиве.

Между тем оценка качества законодательства исключительно по количественной характеристике вряд ли обоснованна.

Так, значительное количество актов регулирования, обусловленное детальной и в то же время системной регламентацией отношений, заслуживает в большей степени положительной, чем отрицательной оценки. При таких условиях большое количество актов скорее сказывается на компактности и обзримости законодательства, нежели негативно воздействует на его качество с точки зрения юридических параметров.

Правоприменительная деятельность – сложный механизм по воплощению права в жизнь, данной юридической категории присущи определенные признаки, одним из которых является наличие индивидуального порядка осуществления правоприменения.

Совершенствование правореализационного процесса предлагается понимать как определенную совокупность последовательно совершаемых действий, объединенных в конкретные стадии, направленные на осуществление индивидуального регулирования.

В качестве решения проблемы правореализационного процесса можно предложить прежде всего устранение причин организационного характера. Поэтому релевантными для целей устранения организационных препятствий к повышению качества правовых норм представляются меры:

– по обновлению стандартов подготовки и принятия законов и ведомственных актов (в т.ч. разработка и утверждение общих правил юридической техники);

– разработке для органов государственной власти методических рекомендаций по использованию правил и приемов юридической техники;

– соблюдению «пакетного» принципа издания нормативных актов (когда к моменту введения в действие нормативного акта производится отмена и изменение расходящихся с ним актов ранее действовавшего законодательства, а также издаются все конкретизирующие и развивающие положения закона подзаконные нормативные акты);

– определению на федеральном уровне единого органа, консолидирующего существующий функционал органов исполнительной власти России в области правового регулирования.

Устранению же ключевой причины несовершенства правотворческого процесса могла бы способствовать реализация комплекса мер, направленных на повышение стабильности правовых основ и реализацию правотворчества на базе принципов научного характера и профессионализма.

Устойчивость системы правового регулирования является неотъемлемым атрибутом авторитета, эффективности и качества права. Верно мнение, согласно которому под стабильностью законодательства необходимо понимать постоянство, устойчивость основных принципов правового регулирования, что вовсе не означает закостенелость, неподвижность юридической системы. Законодательство должно быть достаточно гибким, и стремление к его стабильности не должно препятствовать оперативному реагированию на изменение обстановки, возникновение новых потребностей жизни.

В связи с этим основная задача законодателя состоит в формировании и поддержании оптимального соотношения между стабильностью, устойчивостью правового регулирования, с одной стороны, и его динамизмом – с другой.

Таким образом, стабильность правовых основ должна быть обеспечена неизблемостью базовых принципов правового регулирования отношений, искоренением существующей практики их интенсивного изменения.

Реализация правотворчества на основании принципов науки и профессионализма направлена прежде всего на повышение качества законодательства.

Как отмечает А.И. Абрамова, научный характер правотворческой деятельности выражается в требовании, которое сводится главным образом к тому, чтобы проект нормативного акта готовился на основе имеющихся достижений науки, в первую очередь юридической [8]. Использование научных выводов позволяет значительно приблизить правовую действительность к фактическим отношениям и при регулировании этих отношений учитывать назревшие потребности общественного развития, его объективные закономерности.

Частичное решение задачи реализации правотворчества на основании принципов научного характера и профессионализма и, как следствие, повышение качества законодательства видится в обязательной предварительной общественной экспертизе проектов правовых актов.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2.

2. Анахасия Р.Л. Виды инкорпорации нормативно-правовых актов // Новая правовая мысль. 2008. № 6.
3. Буланов О.Н. Законодательная техника и законодательный процесс в Российской Федерации: (правила конструирования закона). М., 2002.
4. Карташов В.Н. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методика преподавания // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
5. Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001.
6. Мецераков Д.Д. К вопросу о понятии юридической техники // Проблемы теории современного российского права: сб. науч. тр. РАЕН / под ред. Н.В. Щербаковой. М.; Ярославль, 2005. (Сер.: Право. Вып. 2).
7. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009.
8. Абрамова А.И., Рахманина Т.Н. Опубликование и вступление в силу нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: (научно-аналитический обзор). М., 1999.

**S.A. Zatonsky
Execution of a Court Decision
beyond the Border
of the Russian Federation
and the Restrictions
on Debtors' Traveling Abroad**

The execution of court decisions taken beyond the border of the Russian Federation and temporary restrictions on debtors' traveling abroad in the executive proceedings is studied. It is proposed to solve the problems arising in the execution of court decisions on the territory of foreign states and in restrictions on debtors' traveling abroad at the legislative level.

Key words and word-combinations: the debtor, the court decision, the restriction on travel, the judicial police officer-executor.

Исследуются исполнение решения суда за пределами Российской Федерации и временные ограничения на выезд должника за границу в исполнительном производстве. Предложено на законодательном уровне решить проблемы, возникающие при исполнении решения суда на территории зарубежных государств и ограничении выезда должника за границу.

Ключевые слова и словосочетания: должник, решение суда, ограничение на выезд, судебный пристав-исполнитель.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

С.А. Затонский

**ИСПОЛНЕНИЕ
РЕШЕНИЯ СУДА
ЗА ПРЕДЕЛАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ОГРАНИЧЕНИЯ НА ВЫЕЗД
ДОЛЖНИКА ЗА ГРАНИЦУ**

В настоящее время в Российской Федерации процесс принудительного исполнения судебных актов, а также полномочия судебных приставов-исполнителей, как и в целом Федеральной службы судебных приставов, ее территориальных органов и их структурных подразделений, регулируется Федеральным законом «Об исполнительном производстве» от 1 февраля 2008 г. Основанием для возбуждения исполнительного производства является предъявление в одно из подразделений службы судебных приставов исполнительного документа, то есть документа, на основании которого судебный пристав-испол-

нитель осуществляет принудительное исполнение возлагаемых на граждан и организаций обязанностей по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий.

По общему правилу принудительное исполнение обязательств в отношении юридических лиц осуществляется по их юридическому адресу, адресу их представительств или филиалов либо по местонахождению их имущества; в отношении физических лиц – по их месту жительства, месту пребывания или местонахождению имущества.

В качестве общего принципа исполнительного производства с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций, находящихся на территории Российской Федерации, законодатель устанавливает принцип национального правового режима. Это означает, что при исполнении судебных актов, актов иных органов и должностных лиц в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций на данных лиц распространяются положения Федерального закона «Об исполнительном производстве».

В процессе исполнения возникают ситуации, когда должник, не исполнивший свои обязательства, изменяет свое место жительства. Рассмотрим порядок исполнения решения суда при выезде должника за пределы Российской Федерации. В соответствии с нормами международного права каждое государство обладает суверенитетом. Именно принцип суверенности отличает государство от иных публичных образований и предполагает недопустимость вмешательства одного государства в деятельность другого государства. В соблюдение принципа суверенитета по общему правилу, российские юрисдикционные акты не могут непосредственно исполняться на территории иностранных государств. Они должны сначала пройти процедуру признания и получения разрешения на приведение их в исполнение (процедуру экзекватуры).

В Италии для исполнения судебного решения требуется формальная проверка его правильности и соответствия акта публичному порядку страны суда, а также выполнение некоторых иных формальных условий. В Бельгии для осуществления принудительного исполнения необходимо проведение экзекватуры. В этих странах суд после рассмотрения соответствующего ходатайства выносит специальное постановление о разрешении исполнения. Французское законодательство допускает проверку решения иностранного суда по существу в суде Франции в том случае, если оно вынесено против французского гражданина.

Сегодня существуют международные соглашения, предусматривающие возможность принудительного исполнения юрисдикционного акта на территории иного государства. Например, исполнительные документы, выданные арбитражными судами Российской Федерации, не нуждаются в прохождении процедуры признания и подлежат непосредственному исполнению на территории Республики Беларусь в соответствии с Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [1], причем взыскатель может направить исполнительный лист как в кредитную организацию должника, так и судебным исполнителям Республики Беларусь.

По Соглашению о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности [2], на территории государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) не требуют признания и могут исполняться непосредственно решения хозяйственных судов. Для исполнения решения в рамках данного Соглашения важно правильно подготовить ходатайство об исполнении.

Для рассмотрения ходатайства об экзекватуре необходимо наличие международного договора, ратифицированного государством происхождения судебного решения и государством его будущего исполнения, имеющего нормы, регулирующие возможность и порядок признания и исполнения решений иностранных судов.

В настоящее время Российская Федерация является участником большого количества международных договоров. Среди них имеются соглашения, положения которых затрагивают вопросы принудительного исполнения судебных актов: это Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [3], Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений [4], Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [5].

Российская Федерация выступает преемником СССР по ряду двусторонних международных договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (международные договоры с Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Греческой Республикой, Королевством Испания и др.). Среди заключенных Российской Федерацией международных договоров по указанным вопросам следует также отметить договоры с Аргентинской Республикой; Республиками Беларусь, Молдова, Польша; Латвийской, Литовской Республиками и другие.

Учитывая особенности исторического развития России, наиболее востребованной сегодня в сфере трансграничного исполнения судебных решений является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в 1993 г. между государствами – участниками СНГ. Для исполнения решения суда на территории государства – участника СНГ необходимо подать ходатайство в компетентный суд государства, где решение подлежит исполнению, приобщив документы, предусмотренные ст. 53 Конвенции. Ходатайство на территорию иностранного государства следует подавать через суд, вынесший решение в первой инстанции. В тех случаях, когда обязанное лицо (должник) выезжает в государство, заключившее с Россией двусторонний договор о правовой помощи по гражданским и семейным делам, никаких дополнительных мер при выезде должника за рубеж не требуется. Истец вправе взыскать долг в судебном порядке на территории Российской Федерации и получить исполнение по вынесенному судебному решению в порядке, предусмотренном договором о правовой помощи или международной конвенцией.

Если взыскание на территории России уже производилось (службой судебных приставов, кредитной или иной организацией), можно продолжить взыс-

кание на территории иностранного государства, подав соответствующее ходатайство. Судебный пристав-исполнитель в случае установления выезда должника на постоянное место жительства в иностранное государство обязан окончить исполнительное производство, возвратить исполнительный документ взыскателю с актом о невозможности взыскания, разъяснив при этом право взыскателя ходатайствовать перед компетентными органами иностранного государства об исполнении решения российского суда и порядок экзекватуры. Кроме того, судебный пристав-исполнитель обязан выдать взыскателю заверенный подписью и гербовой печатью документ (справку либо постановление) об имеющейся задолженности на момент окончания исполнительного производства.

На практике чаще всего ходатайства о признании решений на территории иностранного государства касаются взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей. В статье 118 Семейного кодекса РФ предусмотрена возможность заключения соглашения об уплате алиментов с лицом, выезжающим на постоянное жительство в иностранное государство, в котором стороны вправе предусмотреть любой способ предоставления содержания лицам, имеющим право на получение алиментов. В частности, алименты могут периодически переводиться лицом, находящимся в иностранном государстве, их получателю; одновременно выплачиваться в твердой денежной сумме в момент выезда. Возможно также предоставление в счет алиментов определенного имущества – например, квартиры, дома, земельного участка, ценных бумаг и т.д.

Соглашение об уплате алиментов может быть заключено между сторонами независимо от того, имеется ли у Российской Федерации с государством, в которое выезжает плательщик алиментов, международный договор о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам.

Если соглашение не достигнуто, суд вправе по иску заинтересованного лица определить размер алиментов в твердой денежной сумме, подлежащей единовременной выплате. Определяя сумму алиментов, а также стоимость имущества, которое может быть передано в счет уплаты алиментов, суд учитывает материальное и семейное положение сторон и другие заслуживающие внимания обстоятельства. При этом сумма алиментов должна быть достаточной, если это позволяет материальное положение плательщика, для обеспечения получателя алиментов средствами к существованию в размере прожиточного минимума. Следует учитывать размер ежемесячного дохода, который может быть получен при помещении единовременно выплаченной суммы в банк или иное кредитное учреждение, а также возможность получения дохода от предоставленного в счет алиментов имущества, от сдачи внаем квартиры или дома. Введение в Семейный кодекс РФ нормы о порядке уплаты алиментов в случае выезда плательщика в другое государство на постоянное жительство обусловлено необходимостью гарантированного материального обеспечения лиц, нуждающихся в получении алиментов.

При неисполнении должником в установленный срок требований, содержащихся в исполнительном документе, судебный пристав-исполнитель, вправе по заявлению взыскателя или собственной инициативе вынести постановление о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации. Поста-

новление о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации утверждается старшим судебным приставом. Копии указанного постановления направляются должнику, в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, и в пограничные органы.

По нашему мнению, необходимо законодательно закрепить в ст. 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве» минимальную сумму в 1000 рублей, которую должник не должен превышать при выезде за пределы Российской Федерации. Это необходимо гражданам, чтобы запланированная поездка не сорвалась из-за ограничения права выезда.

Следует отметить, что участниками Конвенции ООН «О взыскании за границей алиментов» [6] являются около 70 государств, однако Россия в ней не участвует. В связи с этим, а также в отсутствие двусторонних договоров России с такими государствами, как ФРГ, Израиль, Франция, Великобритания, Индия, принудительное исполнение решений российских судов на территории указанных государств является невозможным. С нашей точки зрения, Российская Федерация должна участвовать в указанной Конвенции, так как это упростит взыскание алиментов с должников, находящихся в данных странах.

Основным условием для снятия временного ограничения является выполнение гражданином в полном объеме всех своих материальных обязательств. Должник должен предъявить судебному приставу-исполнителю документ, подтверждающий исполнение решения суда. Далее пристав выносит постановление об отмене временного ограничения и направляет его в ФССП, где и оформляется поручение об отмене временного ограничения на выезд, после чего данный документ направляется в Управление пограничного контроля организационного департамента Пограничной службы ФСБ России, УФМС конкретного субъекта РФ.

Получить информацию, является ли гражданин должником и не ограничен ли ему выезд, можно в территориальном отделе судебных приставов по месту жительства путем личного обращения с документом, удостоверяющим личность. Федеральным законом № 196-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и статью 8 Федерального закона «О судебных приставах» [7] введены положения, касающиеся наделяния ФССП обязанностью создания и ведения банка данных, который содержит сведения, необходимые для осуществления задач по принудительному исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Ознакомиться с ними можно на официальном сайте ФССП и Управления ФССП по соответствующему субъекту РФ. В некоторых субъектах РФ действуют центры информации и консультаций. Гражданам, планирующим отпуск за рубежом, чтобы намеченная поездка не сорвалась из-за ограничения права выезда, для оплаты суммы долга достаточно с паспортом обратиться в центр, проверить списки должников и при необходимости оплатить долг через терминал, установленный там же.

Еще один способ определить наличие либо отсутствие задолженности по налогам и сборам предоставляет ФНС России. На официальном сайте ФНС существует сервис «Личный кабинет налогоплательщика», на котором предос-

тавлена возможность поиска информации о наличии задолженности по земельному налогу, транспортному налогу, а также по налогу на имущество.

Таким образом, в настоящее время уровень развития информационных технологий позволяет гражданину, не выходя из дома, получить интересующую его информацию о задолженности в сети Интернет. Таким образом, реализация желания провести отпуск за пределами Российской Федерации зависит только от предусмотрительности самих граждан.

В контексте необходимости принудительного исполнения решений российских судов на территории ФРГ, Израиля, Франции, Великобритании, Индии Российская Федерация, на наш взгляд, не только должна участвовать в Конвенции ООН «О взыскании за границей алиментов», но и на законодательном уровне проработать и заключить двусторонние договора об оказании правовой помощи по семейным, гражданским, уголовным делам с указанными государствами. Кроме того, следует законодательно закрепить в ст. 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве» минимальную сумму в 1000 рублей, которую должник не должен превышать при выезде за пределы Российской Федерации, что закреплено Конституцией РФ в ч. 2 ст. 27 как право на свободу выезда граждан Российской Федерации за пределы Российской Федерации.

Библиографический список

1. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь от 17 янв. 2001 г. Москва // Бюллетень международных договоров. 2003. № 3.
2. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 г. Киев // Сб. междунар. договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 53–57.
3. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
4. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. Нью-Йорк // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1993. № 8.
5. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 янв. 1993 г. Минск // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.
6. Конвенция ООН «О взыскании за границей алиментов» от 20 июня 1956 г. Нью-Йорк [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и статью 8 Федерального закона «О судебных приставах»: Федер. закон от 11 июля 2011 г. № 196-ФЗ // Рос. газ. 2011. 15 июля.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

G.V. Morozova
The System of Student Youth
Life Values:
Poll Results Analysis

The results of a survey studying life values and attitudes of student youth of the Tatarstan Republic, conducted in the frameworks of social well-being study in January–December 2011 are described.

Key words and word-combinations: student youth, life values, civil position, labor motivation.

Описаны результаты социологического опроса по изучению жизненных ценностей, ориентаций студенческой молодежи Республики Татарстан, проведенного в рамках исследования по социальному самочувствию в январе–декабре 2011 г.

Ключевые слова и словосочетания: студенческая молодежь, жизненные ценности, гражданская позиция, трудовая мотивация.

УДК 316.34/35
ББК 60.54

Г.В. Морозова

СИСТЕМА ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Формирование системы жизненных ценностей, ключевых ориентаций молодежи, окончательно складывается в студенческие годы. Именно в этот период закрепляются заложенные в дошкольном и школьном возрасте социализационные основы; складываются социально-политическая, гражданская, профессиональная составляющие структуры личности. Изучение ценностных ориентаций студенческой молодежи, их особенностей составило специальный аспект исследования, проведенного среди студентов вузов г. Казани.

В основе анализа лежат материалы двух проведенных в марте – апреле 2011 г. исследований по выявлению социального самочувствия студенческой молодежи г. Казани. Объект исследования – студенты, обучающиеся в пяти вузах Казани – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский государственный технологический универси-

тет, Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казанский государственный энергетический университет, – в возрасте от 17 до 23 лет. В качестве генеральной совокупности для определения объема выборки была взята численность указанной группы, которая в соответствии с данными Госкомстата РТ и официальной информацией самих вузов составила 91 200 человек. Выборочная совокупность составила 540 человек, представив различные категории молодежи в зависимости от возрастных, профессиональных и территориальных признаков.

В исследовании особое внимание уделено ценностям образования как приоритетным в общей иерархии ценностей данной группы, формирующих жизненные ориентации, интересы и установки студенческой молодежи, что значимо и в научном, и в практико-прикладном плане. В связи с этим было необходимо выявить мнение обучающихся об отечественной системе образования. Оценка студентами ситуации, сложившейся в сфере образования, свидетельствует о низком рейтинге образовательной системы России в сознании молодежи. Почти три четверти опрошенных (70,8%) невысоко оценили современную систему образования: из них 53,8% респондентов – удовлетворительно, 15% – плохо и 2% – очень плохо. Только четверть участвующих в опросе дали хорошую оценку. Исключение составляют респонденты из села, среди которых доля охарактеризовавших отечественное образование как хорошее в 1,6 раза больше чем по массиву (40% против 24,9%).

Большинство опрошенных (две трети) испытывают неудовлетворенность получаемым образованием. Особенно высокий уровень недовольства респондентов выявлен в оценке обучения в средней школе – 84,3%. Из них полностью неудовлетворены 17,6%. Только 13,4% респондентов отметили, что они довольны образованием на этой ступени обучения, что в 1,7 раза меньше чем удовлетворенных системой высшего образования (22,3%).

Вместе с тем в ходе исследования обнаружено существенное различие в уровне удовлетворенности респондентов обучением в средней школе: число опрошенных из региона Татарстана, довольных образованием на этой ступени почти в два раза меньше (в 1,9 раза), чем приехавших из других городов России (12,3% против 23,9%).

Большинство респондентов указали на низкое качество образования в средней школе – 67,4%. Среди причин низкого качества обучения в средней школе опрошенные отметили устаревшие методики преподавания (34,8%), нарушение равенства шансов детей на получение образования (20,2%), высокую стоимость образовательных услуг (24,7%), коррупцию в системе образования (22,5%).

Результаты опроса по оценке университетского образования представлены в табл. 1. Сравнивая уровни удовлетворенности обучением на средней и высшей ступени отечественного образования, можно констатировать, что к системе высшей школы у респондентов претензий меньше. Так, доля респондентов, полностью неудовлетворенных образованием в школе, в два раза выше чем число недовольных обучением в университете (17% против 8,9%) и в 1,7 раза больше число опрошенных, довольных обучением в университете (22,3% против 13,4%). В высшей школе практически каждый второй (45,1%), участвующий в исследовании, отметил свое недовольство несоответствием качества образования спросу на рынке труда, и почти столько же (41,2%) недовольны уста-

ревшими методиками преподавания. Среди факторов, вызывающих неудовлетворенность высшей школой, каждый третий респондент назвал высокую стоимость образовательных услуг и коррупцию (37,3% и 33,3% соответственно).

Таблица 1

**Удовлетворенность образованием в университете
в зависимости от места проживания респондентов, %**

Удовлетворены ли Вы образованием в университете?	Место жительства респондентов					Всего
	Казань	Другой город РТ	Другой город РФ	Поселок городского типа	Село	
Да	28,6	14,7	18,2	18,9	40,0	22,3
Не совсем	59,0	76,0	65,9	67,9	26,7	65,9
Нет	9,2	6,0	13,6	10,8		8,9
Затрудняюсь ответить	3,2	3,3	2,3	2,7		3,0

Важный аспект социологического исследования составила оценка студенчеством реформ в системе отечественного образования. В опрос были включены вопросы об изменениях (позитивных и негативных), произошедших в системе образования в России за последние пять лет, а также вопросы по выявлению мнения обучающихся о связи специальной образовательной подготовки и спроса на рынке труда.

В результате доля не удовлетворенных итогами реформ в системе образования существенно выше. Значимость этих данных актуализируется тем обстоятельством, что ценности образования в значительной мере определяют ориентации личности на подготовку к конкретной трудовой деятельности, ее профессиональное становление и формирование мотивационного механизма труда. Так, в ходе исследования достаточно четко обозначилась ориентация респондентов на связь будущей работы с получаемым специальным образованием. Почти три четверти респондентов (72,6%) на вопрос «Связываете ли Вы свою будущую работу с получаемой специальностью?» ответили на него утвердительно: из них 35,1% – «да, бесспорно», 37,5% – «надеюсь, что буду работать по специальности». Только 7,5% опрошенных не собираются работать по специальности, а 12,8% не уверены, что образование им пригодится.

По ответам, полученным на этот вопрос, в зависимости от места проживания респондентов в особую группу следует выделить студенческую молодежь из села: в этой категории оказалось наибольшее число респондентов, связывающих будущую работу с получаемой специальностью, – превышающее данные по опросу в целом в 1,3 раза (46,7% против 35,1%).

Одновременно в этой группе опрашиваемых более чем вдвое тех, кто не собирается работать по получаемой специальности (20,0% против 7,5%) (табл. 2). Эти данные свидетельствуют об определенном противоречии в сознании студентов из села как следствии нарушения равных возможностей доступа сельской молодежи к важнейшему социальному благу – образованию, что и обусловило ориентацию этой категории на получение любого высшего образования вне связи с будущей работой.

Таблица 2

**Взаимосвязь будущей работы
с получаемой специальностью респондентов, %**

Связываете ли Вы свою будущую работу с получаемой специальностью?	Место жительства					Всего
	Казань	Другого город РТ	Другой город РФ	Поселок городского типа	Село	
Да, бесспорно	37,8	33,3	29,5	35,1	46,7	35,1
Не собираюсь работать по специальности	6,5	9,3	5,7	5,4	20,0	7,5
Совершенно не уверен, что образование мне пригодится	11,5	15,3	14,8	10,8		12,8
Надеюсь, что буду работать по специальности	37,8	34,7	42,0	40,5	26,7	37,5
Затрудняюсь ответить	6,5	7,3	8,0	8,1	6,7	7,1

Результаты свидетельствуют об определенной деформации в системе жизненных ценностей сельской молодежи, и прежде всего ценности труда, значимость которой в оценке данной категории респондентов очень велика (табл. 3). Среди респондентов из села оказалась наибольшая доля – почти три четверти (73,3%) рассматривающих работу как, прежде всего, источник средств к существованию, что в 1,6 раз превышает данные по массиву, и наименьшая доля в 6,7% респондентов, отметивших вариант ответа на вопрос о значимости работы «Работа для меня – не самое главное. Есть вещи, которые значат для меня гораздо больше» (против 25,2% – по опросу в целом).

Таблица 3

Значимость ценности труда в молодежном сознании, %

Какое из суждений о том, что значит для человека работа, более всего подходит лично Вам?	Место жительства					Всего
	Казань	Другой город РТ	Другой город РФ	Поселок городского типа	Село	
Работа для меня важна сама по себе, независимо от оплаты	20,3	18,7	10,2	8,1	13,3	17,0
Работа – это прежде всего источник получения средств к существованию	37,3	44,7	60,2	54,1	73,3	45,8
Работа для меня – не самое главное. Есть вещи, которые значат для меня гораздо больше	29,5	25,3	19,3	21,6	6,7	25,2
Работа для меня – неприятная обязанность. Если бы я мог, вообще бы не работал	3,2	6,0	2,3	2,7	6,7	3,9
Затрудняюсь ответить	9,7	5,3	8,0	13,5		8,1

Вместе с тем следует отметить, что в жизненных приоритетах студенческой молодежи ценности труда занимают далеко не первые позиции (табл. 4). Ран-

жирование ответов на вопрос «Каковы Ваши жизненные приоритеты?» показало, что ценность труда занимает лишь пятое место в системе жизненных приоритетов студенчества. Лишь для 29,8% участвующих в исследовании возможность иметь интересную и творческую работу имеет первостепенное значение. Особенно низкие притязания на интересную работу выявлены у студентов из села, среди которых более чем в два раза (2,2 раза) меньше чем по опросу в целом респондентов, отметивших значимость этого фактора (13,3% против 29,8%).

Таблица № 4

Система жизненных ценностей студенческой молодежи

Каковы Ваши жизненные приоритеты?	Количество опрошенных, %	Ранг
Сделать карьеру, добиться общественного признания	38,5	4
Быть материально обеспеченным, ни в чем не нуждаться	64,1	2
Иметь хорошую, дружную семью с детьми	77,9	1
Быть здоровым и долго прожить	44,8	3
Иметь интересную и творческую работу	29,8	5
Другое	3,4	
Затрудняюсь ответить	0,6	

Невысокая значимость ценности труда в молодежном сознании подтверждается и другими результатами, в частности ответами на вопрос о важности для человека фактора работы, контролирующей в исследовании данные о трудовой мотивации студенческой молодежи. На вопрос «Какое из следующих суждений о том, что значит для человека работа, более всего подходит лично Вам?» только 17% респондентов – а это всего лишь шестая часть участвующих в исследовании – отметили, что работа для них важна сама по себе, независимо от оплаты. Половина опрошенных (45,8%) рассматривают работу как источник получения средств к существованию. Четверть респондентов (25,2%) признались, что работа вообще для них не самое главное – есть вещи, значащие для них гораздо больше. Для 4% опрошенных работа – это неприятная обязанность, и если было бы можно, то они вообще бы не работали. Однако важно подчеркнуть, что слабость трудовой мотивации в молодежном сознании осознается и признается студенчеством. Практически каждый второй респондент (46,9%) на вопрос «Чего в первую очередь не хватает сегодня молодежи?» ответил: трудолюбия (табл. 5).

Бесспорное первенство в молодежном сознании, как свидетельствуют данные опроса, принадлежит ценностям семьи. Абсолютное большинство респондентов (77,9%) отметило в качестве жизненного приоритета номер один «хорошую, дружную семью с детьми». На втором месте в системе жизненных ценностей у студенчества занимают материальные интересы. Почти две трети респондентов (64,1%) признались, что самое главное для них – быть материально обеспеченным, не знать ни в чем нужды. При этом в системе жизненных приоритетов студенчества особую значимость играет фактор здоровья, что отметил практически каждый второй опрошенный (44,8%), выбрав ответ «быть здоровым и долго прожить».

Таблица 5

Самооценка жизненного состояния студенческой молодежи, %

Чего в первую очередь не хватает сегодня молодежи?	Количество опрошенных, %	Ранг
Материальный достаток	30,8	4
Трудолюбие	46,9	1
Уверенность в своих силах	26,2	5
Инициатива, умение рисковать	18,9	7
Ответственность	46,5	2
Культура, воспитанность, нравственность	46,2	3
Государственные гарантии на основные права	21,3	6
Политические свободы	4,3	9
Обеспеченность жильем	15,6	8
Другое	0,8	
Затрудняюсь ответить	1,0	

Таким образом, органам государственного управления всех уровней, реализующих молодежную политику в России, важно учитывать выявленные установки и ориентации молодежи на формирование здорового образа жизни, воспитание ответственности за сохранение и укрепление собственного здоровья. Факт приоритетного положения фактора здоровья в жизненных ценностях студенчества подтверждается и данными других исследований в этой сфере – как региональных, так и общероссийских [1; 2].

Не менее значимы и результаты, связанные с ориентациями студенчества на профессиональное становление, карьерный рост, общественное признание, – почти 40% опрошенных рассматривают это как важнейшие цели в жизни. Такие данные свидетельствуют о наличии мощного мотивационного потенциала для самореализации студенческой молодежи не только в ее профессиональном становлении, но и в социальном, гражданском, поскольку ценностные установки во многом определяют стратегию поведения личности. Особенно амбициозными, по итогам опроса, оказались респонденты из села, среди которых, по сравнению со столичными респондентами, в 1,7 раза больше отметивших в качестве жизненных приоритетов карьерный рост и общественное признание (60% против 35%).

В связи с этим особое значение приобретает задача, стоящая перед федеральными, региональными, муниципальными органами государственного управления, работающими с молодежью, по созданию благоприятных условий для удовлетворения позитивных амбициозных установок студенчества в трудовой и общественной сфере. Ее выполнение является решающим условием формирования созидательной стратегии воспитания молодого поколения России, его участия в осуществлении общенациональных задач по модернизации страны, поскольку студенчество – это авангард молодежи, носитель инноваций и современных знаний.

Осуществление и развитие ценностных ориентаций студенческой молодежи представляет собой личностный процесс, опосредованный рядом когнитивных состояний, в том числе уровнем удовлетворенности условиями осуществления

прав и свобод, реализации потенциала молодежи. Для выявления таких когнитивно-чувственных компонентов, во многом определяющих формирование и динамику ценностных установок студенчества и выраженных самооценкой жизненного состояния, был введен вопрос: «Чего в первую очередь не хватает сегодня молодежи?» (табл. 5). Анализ результатов позволяет сделать вывод, что молодые люди связывают успешность реализации собственной созидательной стратегии поведения не столько с институциональными условиями, сколько с личностными факторами – трудолюбием, ответственностью, культурой, нравственностью. Их недостаток в самооценке жизненного состояния респондентов четко фиксировался в ходе исследования. Наибольшее число опрошенных с разницей в десятые доли процента отметили неудовлетворенность уровнем развития таких собственных личностных характеристик, как «трудолюбие», «ответственность», «культура, воспитанность, нравственность» (46,9, 46,5, 46,2% соответственно). Более четверти респондентов (26,2%) указали недостаточность для жизненного успеха такого качества у молодежи, как уверенность в собственных силах.

Значимость факторов институционального порядка, прежде всего деятельность институтов государственной власти, отметили существенно меньшее число опрошенных. Так, о неудовлетворенности существующими государственными гарантиями основных прав и свобод гражданина высказались 21,3% респондентов, что в два раза меньше, чем личностными характеристиками – культурой, воспитанностью, нравственностью. Значимость политических свобод для молодежи отметили вообще на порядок меньшее число опрошенных – всего 4,3% против 46,4% респондентов, считающих, что больше всего молодым не хватает сегодня таких качеств, как ответственность, воспитанность, культура, нравственность.

Результаты исследования свидетельствуют о высоком уровне неудовлетворенности получаемым образованием, что отметили две трети опрошенных, и особенно обучением в средней школе – в этой области почти в два раза меньше удовлетворенных обучением по сравнению с высшей школой. Столь высокая доля недовольных отечественной системой образования таит угрозу разрушения мотивационного механизма труда молодежи. Значимость данного вывода обусловлена не только тем обстоятельством, что ценности образования в значительной мере определяют ориентации личности на подготовку к конкретной трудовой деятельности, ее профессиональное становление, но и четко выраженной в ходе исследования ориентацией опрашиваемых (три четверти респондентов) на связь будущей работы с получаемым специальным образованием.

Бесспорное первенство в молодежном сознании занимают ценности семьи; на втором месте в системе жизненных ценностей у студенчества – материальные интересы. Почти две трети опрошенных признались, что самое главное в их жизни – быть материально обеспеченным, не знать ни в чем нужды. Особую значимость в системе жизненных приоритетов студенчества играет фактор здоровья, что отметил практически каждый второй.

В системе жизненных ценностей студенческой молодежи ценность труда занимает лишь пятое место. Менее трети опрошенных отметили в качестве приоритета интересную и творческую работу. Однако слабость трудовой мотивации в молодежном сознании осознается студенчеством, что отметили практически половина участвующих в опросе.

Важно, что карьерный рост, профессиональное становление, общественное признание как важнейшие цели в жизни рассматривают почти 40% опрошенных, что свидетельствует о наличии мощного мотивационного потенциала для самореализации студенческой молодежи не только в ее профессиональном становлении, но и в гражданском.

Таким образом, особое значение приобретает задача, стоящая перед органами государственного управления по формированию созидательной стратегии воспитания молодого поколения России.

Библиографический список

1. Гегель Л.А., Зубков В.И., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты (отчет о всероссийском социологическом исследовании). М., 2008.
2. Морозова Г.В. Научное обеспечение молодежной политики и политики в области физической культуры и спорта в Республике Татарстан. Казань, 2009.

V.V. Silkin
Human Capital Development
in Conditions of Information
Society

The emphasis is made on the interconnection and interdependence of socio-cultural and information processes, problems of communicative space transformation, and the assessment of new risks and threats in the human capital development conditioned by the processes of information society formation.

Key words and word-combinations: human capital, information society, communicative competence, information and communicative processes.

Акцентируется внимание на взаимосвязи и взаимовлиянии социокультурных и информационных процессов, на проблемах трансформации коммуникативного пространства, оценке новых рисков и угроз в развитии человеческого капитала, обусловленных процессами формирования информационного общества.

Ключевые слова и словосочетания: человеческий капитал, информационное общество, коммуникативная компетентность, информационно-коммуникативные процессы.

УДК 004:002
ББК 73

В.В. Силкин

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Процессы формирования информационного общества и широкого распространения информационных технологий приводят к изменениям не только в системе технических средств, но и механизмов осуществления социальных коммуникаций, к радикальной трансформации механизмов социального взаимодействия. Традиционные формы коммуникации резко изменились. С одной стороны, получение информации, ее преобразование и генерация нового знания позволяют открывать беспрецедентную по глубине и практической эффективности информа-

цию для всех сфер жизни, что становится основой научно-технического прогресса, материального производства, социального прогнозирования и управления. С другой стороны, на объективно возрастающую роль информационного воздействия в жизни общества и человека накладывается действие аккумулированных экономических и социально-политических сил, приводящее к существенным сдвигам ментальности.

Исследование информационного общества неразрывно связано с рассмотрением сущности информации и коммуникации, изменением их роли в системе социального взаимодействия. Отсутствие единого концептуального подхода в вопросе об информационном обществе является еще одним доказательством актуальности проводимых в этой области исследований. Очевидно, что понятие «информационное общество» многоаспектное, и обойтись в этом вопросе какими-либо «одномерными» определениями или компактными формулировками не удастся. Поэтому следует признать правомерность критики Ф.Уэбстера в отношении уже существующих многочисленных определений информационного общества, основанных на количественных критериях.

Ф. Уэбстер заканчивает свои «Теории информационного общества» главой «Существует ли информационное общество?», где обозначается, что само базовое понятие информационного общества внесло в исследовательское поле целый ряд новых явлений [1]. В частности, концепция информационного общества позволила сосредоточиться на таких явлениях и рассматривать их в совокупности как сдвиги в структуре занятости, появление новых средств распространения информации, изменения в сфере образования. Однако, по мнению Ф. Уэбстера, понятие «информационное общество», сыграв на определенном этапе положительную роль, вводит в заблуждение особенно тем, что намекает на существование нового типа общества, где социальные изменения всецело определяются как последствия этапов информационной революции.

В условиях трансформирующегося общества и изменения роли информации происходит радикальная модификация базовых социальных институтов, сопровождающаяся содержательными и структурными изменениями основных функций, поиском новых механизмов социальной адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности. Вместе с тем растет и интерес к тем элементам современной системы жизнеобеспечения, которые менее всего подвержены ситуативным изменениям и выступают в качестве долговременных целевых установок. Именно они и обеспечивают определенную устойчивость социальной структуры общества и равновесие в системе социальных отношений, что особенно важно при определении вектора трансформационных процессов. Социальная модернизация России требует ответа на вопрос о качестве человеческого капитала и возможностях решения стоящих перед информационным обществом задач.

Содержание и, соответственно, концептуальная интерпретация человеческого капитала многогранны и многолики, зависят от исторического времени, социокультурного пространства, сферы научной деятельности людей, занимающихся данной проблематикой. Существующие многочисленные представления и определения человеческого капитала также несут в себе тот или иной мировоззренческий и политический компонент. В самом общем виде, опираясь на

методологию П.А. Сорокина, можно отметить, что под человеческим капиталом понимается интегральное единство количества и качества человеческих ресурсов, «наделяющих людей способностью быть рациональными мыслителями, сверхсознательными творцами Истины в больших системах науки, техники, экономики, политики, права, а также Красоты, предполагающей создание шедевров культуры и искусства, и Добра, понимаемого как «аккумуляция неэгоистической любви к человеку и человечеству» [2]. Человеческий капитал мыслится как интегральное единство, взаиморазвитие и взаимодополнение всех его составляющих.

При всем многообразии интерпретационных моделей человеческого капитала, можно выделить три основные его составляющие: во-первых, здоровье, определяемое не столько сквозь призму наличия или отсутствия болезни, психосоматического и физиологического состояния человека, сколько в контексте значимых жизненных стратегий и определенного образа жизни; во-вторых, культуру, определяющую ценностное пространство и модели поведения индивида. В настоящее время внимание исследователей акцентируется на третьей составляющей человеческого капитала – образовании, все более значимыми становятся уровень компетентности, готовность к эффективной реализации знаний, умений и навыков, полученных человеком в процессе обучения, способность к инновационной деятельности в условиях постоянно изменяющейся социальной среды. На современном этапе информация приобретает особый онтологический статус, предопределяя характер и содержание всей системы социальных отношений, становится ключевым фактором, детерминирующим как конструктивные, так и деструктивные тенденции в развитии человеческого капитала.

В условиях информационного общества не только появляются новые возможности, но и продуцируются новые информационно-коммуникативные риски. Информационно-коммуникативные процессы в настоящее время не ограничиваются простым воспроизводством информации и знаний в масштабах одного общества, а приобретают глобальный характер, в новых информационных условиях создаются инновационные формы и механизмы воздействия, модифицируются формы жизнедеятельности в обществе (политики, экономики, культуры), возникают новые формы занятости, расширяется сектор информационных услуг. Отличительными чертами становятся скорость, масштабность информационных обменов, возможность каждого человека получить необходимую информацию. Кроме того, трансформируются способы и формы генерации нового знания, являясь основой для развития человеческого капитала. Вместе с тем любые технологические изменения требуют адекватного ответа со стороны человека и общества, технология всегда провоцирует новое социокультурное содержание. В связи с этим актуализируется потребность формирования информационной концепции человеческого капитала. Накопление объемов информации предъявляет повышенные требования к их смысловой интерпретации субъектом.

В Послании Президента Федеральному Собранию отмечалось, что программа модернизации для человека просто не может не иметь гуманистической основы. «Инновационная экономика может сформироваться только в определенном социальном контексте как часть инновационной культуры, основанная на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучше-

нию качества жизни. Именно закрепленные в национальной культуре нравственные установки, модели поведения определяют успешное развитие личности и нации в целом» [3]. Содержание и характер человеческого капитала не отличаются универсальностью, изменяются во времени и пространстве, специфичны в контексте конкретных культур.

Современное сетевое общество, по мнению М. Кастельса, принесло «информационные турбулентности», «новые формы массовой коммуникации», что знаменовало собой утверждение «новой формы социетальной коммуникации». «Новые технологии также продвигают развитие социальных пространств виртуальной реальности, которые сочетают социабельность и экспериментирование с ролевыми играми» [4]. В итоге эти новации приводят к многократной смене самоидентификаций в течение жизни, к перемене ценностей и идеалов. «Мы живем среди бесчисленных репродукций идеалов, фантазий, образов и мечтаний, оригиналы которых остались позади нас» [5, с. 74]. Деструктивные тенденции в развитии человеческого капитала проявляются в замещении духовной культуры узкопрофессиональными знаниями, деформации досуга, ориентации на развлекательность с одновременным вытеснением реального общения, изменении характера человеческого мышления от креативного к инструментальному и формализованному, появлению новых форм насилия и неравенства (информационное насилие и усиление «цифрового раскола»), во все большем расслоении общества по признаку вовлеченности в мир современных технологий и, как следствие, в информационной маргинализации значительной части населения.

Определяя вектор развития человеческого капитала в контексте обеспечения устойчивости социально-экономического развития необходимо учитывать латентные и отложенные опасности для человеческого капитала как производные от научной и инновационной деятельности людей. Так, эффект «нормальных аварий», обоснованный Ч. Перроу, раскрывает амбивалентное влияние на человека сложных технологических систем, что проявляется в виде отложенных опасностей [6]. Информационно-коммуникативные потоки, воздействующие на общественное сознание и чувства, не сдерживаются ни моральными, ни культурными границами.

Коммуникация пронизывает все аспекты существования общества. По своей сути это базовый элемент в социальной структуре человеческой цивилизации, который воспроизводится как процесс передачи информации от одной системы к другой посредством специальных материальных носителей – сигналов, знаков, образов или вещественных объектов.

В качестве основных социальных последствий развития информационно-коммуникативных технологий на современном этапе можно выделить следующие тенденции. Во-первых, виртуализация социальных отношений, развивающиеся глобальные сети позволяют обеспечивать оперативный доступ к информации, решать возникающие вопросы без непосредственного присутствия. Во-вторых, необходимо отметить увеличение количества коммуникативных каналов, выражающееся, в частности, в плюрализации источников информации, в возникновении конкуренции среди производителей информационных услуг. В-третьих, происходит усиление интерактивности в процессе социальной комму-

никации, связанное с растущими возможностями пользователя Интернет-коммуникации самостоятельно выбирать спектр собственных сетевых контактов и используемых коммуникативных каналов. В-четвертых, важнейшими тенденциями становится нелинейность, альтернативность и многовариантность развития как социальной системы в целом, так и человеческого капитала.

В условиях серьезных политических, социальных и духовных трансформаций пространственно-временные структуры либо эволюционируют (расширяются, сжимаются, деформируются), либо появляются совершенно новые континуумы. В современном глобализованном мире политика, экономика и культура сами по себе приобретают феноменологическое содержание и «интерсубъективность» (по А. Шюцу).

В связи с этим для развития человеческого капитала в новых информационно-коммуникативных условиях особое значение приобретает решение важнейшей проблемы формирования высокой коммуникативной культуры. Она представляет собой систему смыслов, норм, ценностей, отношений и результатов коммуникативной деятельности человека и социальных институтов. Информационные связи, структурно объединяющие любые системы, особенно интенсивно интегрируются в массовую культуру. Ее распространение – объективный исторический процесс, который нельзя приостановить с помощью однозначных оценок, но следует глубоко и разносторонне изучать, чтобы находить рычаги для разумного и ответственного управления им в общечеловеческих интересах не только материального, но и духовно-нравственного прогресса [7].

Современная информационная культура как новый тип мышления становится одной из ключевых характеристик человеческого капитала, объединяющей логическое мышление с новыми способами познания мира. Влияние информационной культуры как особого способа внутренней организации социального взаимодействия приобретает качественно иные масштабы. Противоречия постиндустриальной цивилизации явились причиной формирования совершенно нового типа коммуникативного взаимодействия. Развитие человеческого капитала в современных условиях настоятельно требует разработки новых социальных механизмов стабилизации культурно-коммуникативных процессов, поиска социальных форм упорядочения информационно-коммуникативных процессов, способных противостоять деструктивному влиянию быстротечности и фрагментарности жизненного мира субъектов новых цивилизационных отношений.

Библиографический список

1. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
2. *Кравченко С.А.* Формирование Сетевого Человеческого Капитала: методологические контуры концепции // Вестник МГИМО-Университет. 2010. № 6 (15).
3. *Медведев Д.А.* Послание Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
4. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford, 2010.
5. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2003.
6. *Perrow C.* Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y., 1986.
7. *Гобозов И.А.* Глобализация, стандартизация и шоу // Философия и общество. 2002. № 3. С. 116–132.

M.N. Razdobarova
Formation of Students'
Intercultural Communicative
Competence by Means
of Innovation Technologies

The issue of forming students' intercultural communicative competence with the help of educational innovations is considered. The main methods to effectively form students' intercultural competence are introduced.

Key words and word-combinations: innovation, innovation technologies, intercultural communicative competence.

Рассматривается вопрос формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов средствами инновационных педагогических технологий. Представлены методы, способствующие эффективному формированию межкультурной коммуникативной компетенции студентов.

Ключевые слова и словосочетания: инновация, инновационные технологии, межкультурная коммуникативная компетенция.

УДК 371.3
ББК 74.202

М.Н. Раздобарова

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ИННОВАЦИОННЫМИ СРЕДСТВАМИ

На современном этапе развития высшей школы особую важность приобретает проблема подготовки современных конкурентоспособных специалистов. В условиях глобализации рынка труда делается акцент на прогностическом обновлении системы образования в соответствии с государственными и мировыми стандартами. Инновационный характер развития образования и изменения, связанные с необходимостью его реформирования, нашли отражение в Федеральном законе «Об образовании», Концепции модернизации отечественного образования на период до 2020 г. «Концепция-2020: развитие образования»[1]. Данные документы указывают на необходимость существенных инновационных изменений в системе образования, касающихся не только содержательной, но и технологической его составляющей. На повестке дня стоит вопрос об определении более полного, лично и социально интегрированного результата образовательного процесса – компетенций обучаемых, в том числе коммуникативных. Возникает необходимость в разрешении противоречия между важностью обоснования и внедрения в образовательный процесс наряду с традиционными инновационных форм, методов и средств формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов вузов и не-

достаточной разработанностью этой проблемы в теории и практике современной педагогики.

В последние десятилетия проблемами нововведений занимались многие педагоги и психологи, вследствие чего возникли различные направления исследований инноваций. Общие и специфические особенности этой деятельности рассмотрены в работах Ф.Н. Гоноволына, В.И. Загвязинского, В.А. Канн-Калика, А.К. Марковой, Н.Д. Никандрова, Ю.А. Лобейко. Основы педагогической инноватики представлены в трудах В.И. Андреева, М.В. Кларина, В.С. Лазарева, В.М. Полонского, С.Д. Полякова, А.И. Пригожина, В.А. Слостенина, Н.Р. Юсуфбековой, А.В. Хуторского. Проблемы внедрения в практику достижений педагогической науки исследованы в работах Ю.К. Бабанского, Н.В. Кухарева, М.М. Поташника, М. Н. Скаткина, Л.М. Фридмана и других.

Под педагогическими инновациями чаще всего подразумевается процесс обновления, реформирования образования, системное изменение определенного педагогического объекта (школа, учебное занятие, курс, программа, методика и т.д.) как отбор наиболее приемлемого и приспособленного (адаптированного) к современным условиям [2; 3]. Педагогические инновации также определяются как нововведения в педагогической системе по совершенствованию хода и результатов учебно-воспитательного процесса [3; 4]. Некоторые исследователи отмечают, что категория новизны не всегда характеризует термин «нововведение» – основным смыслом здесь становится улучшение, актуализация чего-либо в современной ситуации [5].

В контексте данной статьи особый интерес представляют инновации, связанные с внесением изменений в цели, содержание, методы и технологии обучения.

Успешному формированию и развитию данной компетенции способствуют прежде всего информационно-коммуникационные технологии и активные методы обучения. Охарактеризуем особенности данных методов, с которыми связаны основные педагогические инновации, а также способы их применения в образовательном процессе Саратовского аграрного университета.

В рамках проводимого исследования наибольшую привлекательность представляет определение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) Л.А. Новиковой: это сетевые технологии, использующие глобальную сеть Интернет в синхронном и асинхронном режимах времени. Таким образом, использование ИКТ в образовательном процессе можно представить как процесс компьютерной организации образовательной среды, направленный на более оптимальное достижение целей развития межкультурной коммуникации [6].

Можно выделить несколько видов занятий, организуемых в аграрном университете с использованием информационно-коммуникационных технологий:

1. Экскурсии по сайтам www-серверов (например, галереи художественных музеев мира при изучении темы «Искусство»); включение аутентичных материалов сети (текстовых, звуковых) в содержание занятия.

2. Видео- и телеконференции, позволяющие представить свое мнение по определенной теме или проблеме, узнать точку зрения сверстников из различных стран мира (например, видеоконференция, посвященная проблемам эко-

номики сельского хозяйства в России и за рубежом с участием представителей университета св. Иштвана в г. Гёдола, Венгрия).

3. Проектные технологии, когда студенты под руководством преподавателя создают электронные проекты, как правило, представляющие собой презентации в программе Power Point по проблемам межкультурной коммуникации на английском языке. Например, студенты первых курсов представляют проекты на тему «Культурный шок в процессе освоения чужой культуры».

4. Фрагментарное включение Интернет-ресурсов в структуру занятия.

Материалы, взятые из сети Интернет, стимулируют диалогическое взаимодействие между учащимися, усвоение различных диалогических структур. Создание ситуаций, максимально приближенных к естественным (реализация принципа аутентичности общения), – один из способов заинтересовать студентов, стимулировать изучение материала, активизировать знания типических особенностей диалогического общения, выработать адекватное поведение. Примером подобных ситуаций может быть заполнение регистрационных бланков в гостинице, заказ еды в ресторане, интервьюирование одноклассников по определенным темам (устройство на работу и т.д.). Такие ситуации имеют социальную, коммуникативную и межкультурную значимость и отрабатывают более или менее типичные ситуации общения.

Полученные знания позволяют на практике использовать также навыки в работе с поисковыми системами, при оформлении конкурсной документации на гранты и заявок на стажировки, в ведении деловой переписки, переговоров и т.д.

Задачи формирования межкультурной коммуникативной компетенции могут быть эффективно решены средствами активных методов обучения. К исследованию активных методов обучения, а также их классификациям обращались ученые А.А. Вербицкий, В.В. Анисимов, Г.Г. Братцева, В.С. Ермаков, Д.Н. Кавтадзе, В.А. Ситаров, С.Д. Смирнов, В.А. Слостенин, А.В. Хуторской.

Активные методы обучения – это методы, стимулирующие познавательную деятельность обучающихся и основывающиеся в основном на процессе коммуникации с целью обмена мнениями о путях разрешения той или иной проблемы, что создает реальные предпосылки для формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов.

Активные методы обучения основаны на сознательном моделировании ситуаций различного характера, побуждающих к принятию решений на пути к достижению заданной цели при условиях недостаточного количества предоставляемой информации, временной и материальной ограниченности, а иногда и противодействия со стороны других участников. В этой ситуации процесс принятия решения сопровождается эмоциями.

Педагогическая деятельность, направленная на использование языковых, ролевых, деловых игр («В американском посольстве», «Англоязычный мир и его культурные особенности», «Прием на работу» и др.), способствует созданию реальных ситуаций общения, расширению социокультурных фоновых знаний студентов и их ориентированию на моделирование адекватного речевого поведения. Так, при изучении темы «Жизнь студентов» обучаемым предлагается «поучиться» в различных университетах мира и «познакомиться» со студента-

ми из различных стран, «узнать» их культурные особенности, «побеседовать» с преподавателями о своей будущей профессии. Подобный вид работы позволяет также развить способности студентов к проявлению эмпатии и толерантности по отношению к другим культурам. В процессе ролевой игры «Гостиница» осуществляется реализация чувств «без вреда». Суть игры заключается в том, что приехавшим из разных стран «туристам» необходимо обсудить сложившуюся ситуацию с нехваткой номеров и найти компромиссное решение. Враждебность, подозрительность, гнев, тревога и другие эмоции, не находящие себе соответствующего выхода в обычных обстоятельствах межкультурного общения, могут быть сняты посредством данной ролевой игры.

Имитационные игры («Авиакатастрофа», «Россия глазами иностранцев»), часто используемые в образовательном процессе, направлены на моделирование различных ситуаций общения и определяют поведение и взаимодействие коммуникантов в конкретной ситуации межкультурного общения. Но, в отличие от ролевой игры, здесь моделируется не определенная деятельность конкретных людей, а только среда общения с представителем другой культуры.

В целях формирования межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях применяются и такие интенсивные технологии, как проблемные дискуссии и разновидности методов ситуационного анализа. В обсуждении определенной проблемы нередко принимают очное или заочное участие представители зарубежных стран. В качестве примера можно привести практическое занятие-дискуссию по проблеме освоения космоса с участием представителя из Швеции или групповое обсуждение проблемных ситуаций в рамках определенной темы со сверстниками из зарубежных стран по системе skype.

Однако, несмотря на значительные достижения в реализации прогрессивных педагогических идей в процессе формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов, их применение далеко не всегда носит закономерный характер. Тем не менее анализ существующей практики использования традиционной технологии обучения в сочетании с новыми методами, основанными на закономерностях познавательной деятельности, позволяет сделать следующие выводы:

1. Выполняя любое задание, связанное с детальным исследованием иной культуры, студенты обязательно связывают изученный материал с реалиями и константами, существующими в русскоязычном обществе. В процессе данного вида деятельности происходит диалог культур, в результате чего у студентов формируется межкультурная коммуникативная компетенция, помогающая решать возникающие проблемы, неизбежные в реальной межкультурной коммуникации.

2. На основе разнообразных методов и приемов подачи материала происходит моделирование социокультурного пространства, формирование представлений обучаемых об окружающем мире и определение своего места в нем. Иными словами, применение современных педагогических технологий способствует формированию качеств, присущих медиатору культур.

3. Внедрение инновационных педагогических технологий, включающих информационно-коммуникационные технологии и ведущие активные методы обу-

чения, моделирует способы открытого общения и межкультурного взаимодействия в различных ситуациях. Это отвечает требованиям сформированности межкультурной коммуникативной компетенции – способности демонстрировать позитивный настрой; эмпатическому поведению; групповому решению проблем; способности создавать и поддерживать личностные взаимоотношения с членами группы; толерантности; умению выбирать ситуативно обусловленную модель поведения; умению управлять процессом коммуникации; определению знаниевого компонента.

4. Результатом активизации учебного процесса средствами инновационных технологий служит эффективное решение задач формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов.

Библиографический список

1. *Бальхин Г.А.* Федеральная целевая программа развития образования: новаторские решения на перспективу // Профессиональное образование. 2006. № 4.
2. *Кларин М.В.* Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии (анализ зарубежного опыта). Рига, 1998.
3. *Ляудис В.Я.* Инновационное обучение и наука. М., 1992.
4. *Полонский В.М.* Инновации в образовании (методологический анализ) // Инновации в образовании. 2007. № 3.
5. *Мельникова Н.* Готовим педагога-инноватора (из опыта работы Московского областного колледжа по подготовке педагогов-исследователей, г. Серпухов) / Н. Мельникова, Н. Морева // Народное образование. 1996. № 4/5. С. 56–58.
6. *Новикова Л.А.* Интернет как среда межкультурного общения в образовательном процессе вуза // Омский науч. вестн. 2006. № 5. С. 167–170.
7. *Панфилова А.П.* Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. М., 2008.
8. *Кавтарадзе Д.Н.* Обучение и игра. Введение в активные методы обучения. М., 1998.
9. *Братцева Г.Г.* Активные методы обучения и их влияние на смену педагогической парадигмы // Философия образования: сб. мат-лов конф. СПб., 2002. С. 336–340. Вып. 23.
10. *Ситаров В.А.* Дидактика: учеб. пособие / под ред. В.А. Сластенина. М., 2004.
11. *Смирнов С.Д.* Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: учеб. пособие. М., 2001.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

L.V. Anokhina
**Prospective Strategic Changes
of State Regulation
in the Sphere of Industrial
Enterprises Investment
in the Region**

The necessity of state regulation of investment sector and the formation of its resources in the transition to innovative development is based. Particular attention is paid to the determination of the directions of state regulation in the field of industrial investment in the region.

Key words and word-combinations: state regulation, investment policy, industrial investment.

Обосновывается необходимость государственного регулирования развития инвестиционной сферы и формирования ее ресурсов в условиях перехода к инновационному типу развития. Особое внимание уделяется определению направлений государственного регулирования в сфере инвестирования промышленных предприятий в регионе.

Ключевые слова и словосочетания: государственное регулирование, инвестиционная политика, промышленные инвестиции.

УДК 338.24
ББК 65.050

Л.В. Анохина

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕГИОНЕ

Механизм структурных преобразований объединяет инновационную и инвестиционную функции как инвестиционно-инновационный механизм управления, отражающий особенности действия и развития инновационной инфраструктуры в условиях формирования рыночных отношений. Анализ механизма организации процесса инвестирования при проектировании и создании объектов инновационного комплекса, его инфраструктуры показывает, что в основу должны быть положены условия взаимодействия инвестиционных и инновационных процессов, формирования действенной нормативно-законодательной базы исследуемого пространства, а также создание системы финансовой поддержки и стимулирования инноваций и инвестиций. Для эффективного

развития инвестиционно-инновационных процессов в современных условиях необходима разработка мер на основе учета ретроспективного опыта и прогнозных состояний развития инновационной деятельности в стратегическом периоде.

На наш взгляд, функции управления происходящими трансформационными процессами должно взять на себя государство, что позволит самим субъектам хозяйствования использовать современные рыночные инструменты, способствующие росту конкурентоспособности организаций инновационного комплекса и его инфраструктуры на основе повышения качества предлагаемой ими инновационной продукции.

Инновационная деятельность российских хозяйствующих субъектов, особенно на приоритетных направлениях, требует постоянной поддержки государства, федеральных и региональных органов власти в разных формах. Необходимо закрепить зоны ответственности государства и бизнеса. В государственно-частном партнерстве государство может в большей мере финансировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, включая создание опытных образцов, конструкторской и технической документации. Участвующий в этом процессе бизнес покрывал бы затраты на производство и все, что относится к коммерческой реализации продукта, созданного наукой [1, с. 180].

В распоряжении администрации имеется целый ряд экономических и административных регуляторов или инструментов, на основе которых строится региональная инвестиционная политика: разработка и реализация областной адресной инвестиционной программы; предоставление бюджетных инвестиций, государственных гарантий областного бюджета, налоговых льгот, инвестиционных налоговых кредитов, отсрочки или рассрочки по уплате налоговых платежей; предоставление бюджетных кредитов, субсидий из областного бюджета на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в кредитных организациях в целях реализации инвестиционных проектов.

Создание моделей построения концепции управления инвестиционной деятельностью в регионах должно соответствовать определенным условиям. Во-первых, в основу их разработки необходимо положить обоснованные идеи и критерии формирования системы приоритетов регионального развития. Во-вторых, для обеспечения реализации предлагаемой системы приоритетов регионального развития в моделях необходимо обосновать определенные формы организационно-экономического механизма инвестирования.

С учетом изложенного можно сформулировать несколько общих принципов государственного регулирования инвестиционной деятельности на региональном уровне: 1) разработка инвестиционной концепции региона, предусматривающей альтернативные варианты путей развития за счет инвестиций; 2) мониторинг и анализ инвестиционной деятельности в регионе; 3) формирование инвестиционной политики с учетом направлений инвестиций на основе территориальных и отраслевых приоритетов; 4) обеспечение конструктивного взаимодействия ученых и власти в определении общей стратегии управления инвестиционным процессом в регионе.

Реализация принципов государственного регулирования инвестиционной деятельности позволит обеспечить активизацию инвестиционного процесса на

региональном уровне. Вместе с тем целесообразно выявить факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность, в том числе в промышленности (см. табл.).

Распределение промышленных организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность (по материалам выборочных обследований инвестиционной активности организаций [2, с. 12]), % от общего числа организаций

Факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность	2005 г.	2009 г.	2010 г.
Недостаточный спрос на продукцию	21	229	19
Недостаток собственных финансовых средств	65	66	67
Высокий процент коммерческого кредита	31	31	36
Сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов	15	17	19
Инвестиционные риски	23	25	23
Неудовлетворительное состояние технической базы	5	9	7
Низкая прибыльность инвестиций в основной капитал	11	14	10
Неопределенность экономической ситуации в стране	32	18	48
Несовершенная нормативно-правовая база, регулирующая инвестиционные процессы	10	17	10

Процесс самофинансирования в качестве источников финансирования инвестиций предполагает использование части прибыли и амортизации. При этом прибыль выступает не только источником самофинансирования, а одновременно выполняет еще две важные функции развития предприятия. Одна из них заключается в том, что ожидаемая прибыль служит базой принятия инвестиционных решений; смысл другой состоит в том, что полученная прибыль выступает мерилем успеха деятельности предприятий. Обе функции тесно взаимосвязаны и в своей целостности составляют основу оценки эффективности инвестиций. Прибыль служит центральным звеном в измерении эффективности инвестиционных решений и проектов.

Учитывая существенность показателя прибыли, государство не может устраниваться от регулирования прибыли не только с позиции налогообложения, но и с точки зрения мотивации инвестиционной деятельности, оценки вложений капитала, инвестиционных решений.

Предприятие чаще всего стремится к получению прибыли до тех пор, пока превышает издержки. При этом при ограниченности ресурсов всегда есть конфликт между инвестициями, дающими больший эффект, но требующими долгосрочного периода поступления доходов.

Помимо прибыли значимым инструментом регулирования инвестиционной деятельности является амортизация. В ряде стран большое значение уделяется использованию амортизации как источнику финансирования инвестиций. Например, во Франции амортизационные отчисления определяются на основании не цены покупки оборудования, а цены замещения или стоимости. Этот подход осуществляется путем проведения предприятием переоценки балансов.

Имущественная переоценка совершается с целью увеличения амортизационных отчислений, что, в свою очередь, обуславливает сокращение доли прибыли, облагаемых налогом [3, с. 85].

Вопросы амортизационных отчислений предприятий в законах разных государств решаются неоднозначно: это может быть и линейная, постоянная по времени, и ускоренная амортизация, и право создания резервов для восстановления основных фондов, и ряд других вариантов погашения. Следствием их применения является постоянное или временное, большее или меньшее сокращение базы для исчисления налога на прибыль предприятия, что в конечном счете содействует расширению источников самофинансирования. В результате политика ускоренной амортизации способна оказывать влияние на инвестиционную деятельность по многим направлениям: во-первых, она повышает в начальный период использования основного капитала общую сумму амортизационных отчислений; во-вторых, содействует увеличению скорости оборота основного капитала и понижает степень риска долгосрочных вложений; в-третьих, способствует снижению нормы банковского процента, увеличивая собственные инвестиционные ресурсы предприятий; в-четвертых, минимизирует потери предприятий от морального износа основных фондов и дает возможность им активнее внедрять достижения научного прогресса. Таким образом, ускоренная амортизация позволяет инновационно ориентированным предприятиям быстрее возмещать большую часть стоимости данного средства труда с целью аккумуляции финансовых ресурсов для приобретения современного оборудования при переходе к выпуску новых видов продукции.

В условиях недостатка бюджетных средств и ограниченности инвестиционных ресурсов у большинства предприятий большое значение приобретает такой источник инвестиций, как налоги. А. Лаффер рассматривал налоги как действенный инструмент активизации инвестиционной деятельности корпораций. По его мнению, понижение налоговых ставок создает стимул к работе, сбережениям и инвестициям, инновациям и деловым рискам. Происходящие в результате этого изменения обеспечат поддержание объема налоговых поступлений на прежнем уровне даже при пониженных ставках налога за счет расширения производства. Особо значимую стимулирующую роль для активизации инвестиционного процесса играет налог на прибыль предприятия. На макроэкономическом уровне происходит сложение прибылей обособленных хозяйственных предпринимательских субъектов, поэтому изъятие части прибыли национального капитала в форме налога на прибыль оказывает существенное влияние на величину источников финансирования инвестиций. Чем меньшая часть прибыли будет изъята в форме налога, тем большая ее часть может быть направлена на расширение и обновление национального производственного аппарата.

Стимулирующая функция налога на прибыль в данном случае проявляется в обеспечении роста занятости, а следовательно и в увеличении совокупного спроса, что выступает важным фактором активизации предпринимательской и трудовой активности, а также обеспечения экономического роста. Таким образом, налог на прибыль на уровне национальной экономики, с одной стороны, обеспечивает прямое действие в форме расширения или сужения сферы деятельно-

сти капитала; с другой стороны – предопределяет косвенное воздействие на улучшение жизнеобеспечения общества в целом.

Возможности и методы налоговой поддержки, позволяющие активизировать инвестиционную деятельность, связаны с налоговыми скидками, распространяющимися не на всю прибыль, а лишь на ту ее часть, которая направляется в инвестиционный процесс. Это так называемый инвестиционный налоговый кредит, заключающийся в том, что за счет понижения налогов происходит своего рода компенсация части расходов на приобретение капитала. Налоговые скидки на осуществление инвестиционной деятельности рассматриваются в качестве важного инструмента регулирования экономического цикла с целью сглаживания его колебаний. В этом случае в зависимости от состояния экономики происходит уменьшение или увеличение налоговых скидок.

Для сложившейся в России ситуации совершенствование налоговой системы, ориентированное на активизацию инвестиционного процесса, имеет первоочередное значение. Оно должно быть в центре внимания при формировании инвестиционной политики, осуществлении модернизации предприятий, реализации политики в области доходов. Как показывает мировой опыт, инвестиционный налоговый кредит является инструментом государственного регулирования экономики в различных макроэкономических условиях и особенно в кризисных ситуациях. При этом налогам как фактору активизации инвестиционного процесса и источнику инвестиций свойственны особенности, отличающие их от других источников.

Во-первых, их применение носит антиинфляционный характер; инвестиционный налоговый кредит выступает эффективным средством формирования предпочтений у хозяйствующих субъектов. Во-вторых, это позволяет решать задачи, стоящие перед государством, в части активизации инвестиционного процесса, расширения возможностей предприятий для инвестирования и стимулирования их деятельности по осуществлению инноваций, применения достижений научно-технического прогресса в производстве. В-третьих, инвестиционный налоговый кредит представляет действенный инструмент развития малого бизнеса, прежде всего в тех отраслях и сферах производства, где он в наибольшей мере является экономически обоснованным. Наряду с этим налоговые льготы, используемые в практике макроэкономического регулирования экономики, способствуют привлечению иностранных инвестиций.

В то же время стимулирующая роль налоговых льгот проявляется не в массовом использовании этого инструмента, а в разумном сочетании избирательности налоговых льгот с определением «зон» альтернативных источников компенсаций налоговых потерь бюджета.

В условиях рыночного хозяйствования банки составляют основу финансовой системы страны. Й. Шумпетеру принадлежит знаменитая фраза: «Новатор мчится к успеху, оседлав долги». Только при мощной кредитной поддержке со стороны институциональных инвесторов и коммерческих банков современный новатор может внедрять нововведения – это одно из важнейших условий экономической эволюции. Даже в условиях стабильного развития предприятия нуждаются в привлеченных инвестиционных ресурсах, источником которых являются банковские кредиты. Они расширяют возможности предприятий для

реализации инвестиционного процесса, а также кругооборота капитала. Рынок банковских кредитов выступает существенной составляющей экономической системы и прежде всего инвестиционной сферы. Кредитование экономики следует считать важной функцией банков, но этот вид деятельности охватывает множество других функций, которые они осуществляют. Кроме того, различаются краткосрочные и долгосрочные кредиты, и реализация инвестиций связана преимущественно с долгосрочными кредитами.

С либерализацией внешнеэкономической деятельности возросла роль такого источника финансирования производства, как прямые иностранные инвестиции. В ряде развивающихся стран этот источник имеет большое значение, оказывая существенное влияние на развитие инвестиционного процесса. В России величина прямых иностранных инвестиций также растет, и если в 2000 г. их удельный вес в общем объеме инвестиций за счет всех источников финансирования составлял только 3,7%, то в 2012 г. он увеличился и, по оценкам экспертов, достигнет 10,3%. Несмотря на рост иностранных инвестиций, их объем в России значительно меньше, чем в Австрии, Чехии, Польше, Китае и т.д. Объем привлечения прямых иностранных инвестиций обусловлен многими обстоятельствами. Во-первых, этот процесс может быть интенсивным при условии значительного роста отечественных инвестиций. Во-вторых, на активизацию иностранных инвестиций оказывает влияние уровень конкурентоспособности страны. В-третьих, серьезным препятствием на пути привлечения прямых иностранных инвестиций служит «размытость» прав собственности, законодательная база и защита инвестиционных вложений [4, с. 15]. В-четвертых, сдерживает активизацию иностранного финансирования прямых инвестиций пока еще низкий уровень технического оснащения производства, менеджмента, мотивации. В-пятых, у иностранных инвесторов вызывают опасение большие масштабы теневой российской экономики, ее криминализация.

Осуществляемая государством налоговая и тарифная политика должна минимизировать часть риска инвесторов, стимулировать вложение инвестиций в приоритетные, соответствующие инвестиционной политике направления и регулировать территориальное размещение инвестиций в производственную сферу. Важно обеспечить государственные инвестиции в развитие инфраструктуры наиболее важных отраслей территориальной экономики на основе участия органов публичной власти в соответствующих инвестиционных программах на паевых началах либо путем предоставления гарантий для займов [5, с. 173].

В связи с переосмыслением роли государства в рыночной экономике необходимо кардинально изменить концепцию государственной инвестиционной политики в промышленности, выстраивая ее дифференцированно для четырех разных субъектов собственности.

Во-первых, в *государственном секторе промышленности* инвестиционная политика может быть основана на прямом управлении унитарными предприятиями со стороны Минэкономки РФ, государственных закупках для федеральных нужд промышленной продукции, трудовых контрактах с директорами предприятий, на регулировании издержек и цен производства, бюджетном финансировании целевых федеральных и межгосударственных программ. Кроме того, важно разработать критерии отнесения предприятий к государственным

ному сектору промышленности и определить механизмы их функционирования в рыночной среде. При этом можно было бы исходить из основных параметров – цен на ресурсы, тарифов, платы за кредит, налогов, процедур приватизации и банкротства и т.д., которые должны быть равными для всех предприятий, независимо от формы собственности.

Во-вторых, государственная инвестиционная политика *в промышленности со смешанной собственностью* представляется наименее подготовленной в институциональном отношении. По существу, в преобладающей доле промышленной собственности реально имеются интересы государства и бизнеса, но нет четко прописанных процедур их взаимодействия ни в производственной деятельности, ни в структурной, финансовой, инвестиционной, научно-технической и налоговой политике, ни в разделении прибыли и т.д. Другими словами, в одной промышленной структуре переплелись интересы государства и негосударственных форм собственности и хозяйствования. Отсюда сложнейшая задача государственной инвестиционной политики – найти консенсус в реализации государственных интересов и создании наилучших условий для развития бизнеса. Решение ее требует доработки законодательной и нормативной базы, поскольку, с одной стороны, должна быть определена четкая регламентация в формах предоставления с обеих сторон ресурсов для развития, включая страхование рисков, имущественную ответственность и т.д., а с другой – надежно прописаны процедуры раздела между ними продукции, прибыли, уплаты налогов, процентов за кредит и т.д.

В-третьих, еще более сложную специфику государственная инвестиционная политика должна иметь в отношении предприятий смешанной формы собственности с совместным российским и иностранным участием. К имеющимся проблемам прибавляется необходимость разработки реальных механизмов учета тех законодательных актов, которыми регламентируется участие иностранного капитала в процессе производства продукции и распределения прибыли.

В-четвертых, к промышленным предприятиям с частной отечественной собственностью можно применять лишь косвенные методы государственного регулирования в рамках существующего законодательства и рациональных границ экономического движения, разработанных в макроэкономической политике.

Таким образом, в условиях перехода к инновационному типу развития особенно возрастает значение государственного регулирования развития инвестиционной сферы и формирования ее ресурсов. При этом важно отметить, что государственные органы власти не должны да и не могут обеспечить своими ресурсами все потребности в инвестициях, в том числе и в инновациях. Они обязаны установить такие правила ведения дел, которые стимулировали бы частный капитал вкладывать средства в наукоемкие производства по тем направлениям, в которых со своими ресурсами действует само государство. При формировании долгосрочной инвестиционной программы важно создать условия, исключающие перекачку инвестиционных ресурсов из сферы реальной экономики в другие сферы, а также смешение промышленных инвестиций с банковскими. Реализация специального комплекса мер, направленных на активизацию деятельности предприятий реального сектора экономики в области инвестиций и поддержку предприятий за счет средств централизованных инвестиций путем кредитования на платной, возвратной и конкурсной основе,

позволит существенно расширить их финансовый потенциал. Кроме того, расширение практики совместного государственно-коммерческого финансирования инвестиционных проектов с привлечением иностранного капитала, усиление инвестиционной направленности бюджетной политики, стимулирование инвестиций в реальный сектор экономики за счет развития системы государственных гарантий, предоставляемых инвестору на приоритетных для региона направлениях инвестирования, будет способствовать развитию регионального промышленного комплекса.

Библиографический список

1. Черкасова Т.П. Потенциал и ограничения реализации инвестиционно-инновационной модели роста в России // Вестник ПАГС. 2011. № 2 (27). С. 180.
2. Инвестиционная деятельность в России: условия, факторы, тенденции. М., 2011.
3. Кульман А. Экономические механизмы / пер. с фр. М., 1993.
4. Спицын А.Т. Интеграция и модернизация российской экономики на современном этапе. М., 2007.
5. Архипова М.В. Организация эффективной работы механизма публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы // Вестник ПАГС. 2011. № 3 (28). С. 173.

**Y.N. Gambueva
Institutional Environment
and Its Influence
on Competitiveness of a Region**

The impact of institutional environment on the competitiveness of the region is studied. The institutional environment of the Russian regions economy is assessed. A scheme of the influence of institutional environment on the competitiveness of the regions is proposed.

Key words and word-combinations: regional competitiveness, institutional environment, transaction costs.

Рассматриваются вопросы влияния институциональной среды на конкурентоспособность региона. Оценивается институциональная среда экономики российских регионов. Предложена схема влияния институциональной среды на конкурентоспособность регионов.

Ключевые слова и словосочетания: конкурентоспособность региона, институциональная среда, транзакционные издержки.

УДК 338.24
ББК 65.050

Ю.Н. Гамбева

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНА

В условиях глобализации мировой экономики возрастает актуальность проблемы управления региональной конкурентоспособностью. Обзор теоретической и эмпирической литературы подтверждает, что нет единого универсального подхода к определению понятия «региональная конкурентоспособность», который бы в полной мере охватил всю сложность категории. Конкурентоспособность регионов следует определить как способность в условиях оптимальной институциональной

среды, обеспечивающей демократические свободы и свободный и открытый рынок, производить товары и услуги, востребованные на мировом рынке, поддерживая в то же время высокий и устойчивый уровень жизни и дохода населения, или, более широко, как способность регионов создавать в условиях внешней конкуренции относительно высокий уровень дохода и занятости населения.

В качестве движущей силы региональной конкурентоспособности выступают следующие факторы: инновации, человеческий капитал; институциональная и отраслевая структура, предприятия и сети; инфраструктура; инвестиционная привлекательность; типология регионов; интернационализация; характер прямых иностранных инвестиций; географические особенности.

В общей массе обстоятельств и условий, определяющих региональную конкурентоспособность, особое внимание следует уделять институциональным факторам, определяющим способность остальных условий трансформироваться в конкурентные преимущества.

Необходимо отметить, что само наличие институтов не выступает положительным условием для развития региональной экономики – институты должны обладать определенными качествами, или, по мнению Е. Ясина, «быть продуктивными», то есть способствовать росту экономики региона и благосостояния граждан [1].

Объединив результаты многочисленных научных публикаций, можно составить систему таких продуктивных институциональных факторов конкурентоспособности регионов:

- региональные рынки, где осуществляется конкуренция местных производителей за сбыт своей продукции; образование цен зависит от соотношений спроса и предложения, а не от законодательных ограничений;

- институты регионального управления, обеспечивающие равный доступ к ресурсам, гарантирующие защиту прав собственности; наблюдается низкий уровень коррупции; органы региональной власти устраняют структурные диспропорции в регионе;

- институт органов охраны правопорядка и судебная система, обеспечивающие доверие граждан к справедливости принимаемых решений и законов;

- система институтов образования и науки, обеспечивающие создание высокоразвитых технологий и инноваций;

- система культурных, религиозных ценностей, стимулирующих высокоэффективный тип поведения агентов рынка.

Представленная система институтов не лишена недостатков, однако практика наиболее успешных стран и регионов свидетельствует, что указанные качественные характеристики институтов создают позитивные мотивации для предпринимательской и инновационной деятельности, а также способствуют притоку инвестиций в экономику региона и, соответственно, росту его благосостояния.

Институциональная среда необходима для упорядочения взаимоотношений между хозяйствующими субъектами региона и эффективного использования базовых элементов конкурентоспособности. Таким образом, базовые и обеспечивающие характеристики конкурентоспособности взаимодействуют и создают синергетический эффект их реализации.

Каждая институциональная структура формирует в своем регионе некую основополагающую центральную конструкцию общественно-экономических

отношений. Вот почему регионы функционируют в рамках той институциональной среды, которая характерна для всей страны в целом, и не всегда стране удается сохранить устойчивое состояние своей институциональной среды. Рассматривая это утверждение применительно к России, можно утверждать, что существует определенный дисбаланс в ее развитии. По мнению А.Р. Цыренова, начиная с 2000-х годов российская институциональная среда находится в неустойчивом переходном состоянии [2]. Конец 1990-х годов сопровождался распадом многих общественных институтов и разрушением ряда социальных норм, поэтому на начальном этапе формирования институциональной среды России обязательным было участие государства в процессах формирования новых институтов и сохранения остатков прежней структуры. На следующем этапе предполагалось создание рыночно ориентированной институциональной среды на основе только что созданной структуры. Однако в этот момент возникла серьезная проблема, на долгие годы загнавшая Россию в рыночный тупик.

С одной стороны, государство само по себе уже является институтом, то есть частью структуры, вокруг которой формируется институциональная среда. С другой стороны, государство следует признать институциональной средой, обеспечивающей работу отдельных организаций и предприятий. Новые веяния требовали серьезных, глубинных перемен на всех уровнях сложной, многоэтажной институциональной среды, которой выступает Россия. На деле же часть старых, неформальных норм осталась, а формальные «правила игры» изменились. Прежние институты не были уничтожены – на них, как на основе, выстроены новые институты. Созданная шаткая конструкция была скреплена новыми моделями нормативных правил. В результате рыночные преобразования оказались малоэффективными.

Таким образом, сегодня институциональная среда экономики российских регионов представляет собой структуру с огромным количеством экономических и административных барьеров. На основе данных международного рейтингового агентства Fitch Ratings можно выделить следующие ограничивающие факторы:

1. *Финансовая база регионов.* Практически ни один регион России не обладает достаточными ресурсами для полноценного развития. В последние годы региональные бюджеты неуклонно сокращаются, а федеральное законодательство меняется в сторону возложения все большей доли обязательных расходов на плечи регионов, не обеспечивая при этом их ни самостоятельностью для зарабатывания средств, ни источниками финансирования.

2. *Система межбюджетных отношений.* Высокая степень нестабильности налогового законодательства ведет к неустойчивости позиций местных властей в области долгосрочного и даже среднесрочного планирования.

3. *Неспособность управлять долговыми обязательствами.* Региональные власти живут по правилу «здесь и сейчас», поэтому их долг представлен преимущественно банковскими кредитами, взятыми на год для латания дыр в местном бюджете.

4. *Концентрация полномочий по установлению налоговых ставок на федеральном уровне* ведет к недостатку финансовой самостоятельности региональных органов власти, а значит невозможности автономного существования без поддержки со стороны федерального бюджета.

5. *Постоянная корректировка региональных бюджетов* ведет к непредсказуемости их структуры и невозможности стратегического планирования на долгосрочный период.

Данный список можно дополнить выводами других исследователей. Например, Н.Я. Калюжная, определяя ограничения институциональной среды российских регионов, выделяет горизонтальную и вертикальную ассиметрии статусов и возможностей, характерные для субъектов РФ [3]. Различные типы субъектов Федерации по-разному влияют на федеральный центр, у каждого свои трансферты и налоговые правила поведения. Будучи равными друг другу по конституционному статусу, одни из субъектов входят в состав других. В результате распределение полномочий происходит неравномерно и субъективно. На первое место выходят субъекты, чье региональное руководство обладает большим политическим весом и большим объемом политических и экономических ресурсов. Возникает безграничное поле для развития коррупции, что, в свою очередь, ведет к росту транзакционных издержек.

Существует и так называемая вертикальная информационная ассиметрия. Регионы принимают на своем уровне законодательные акты, которые в той или иной мере затрагивают интересы федерального центра, причем чаще всего (до 70%) в сфере имущественных и ресурсных вопросов. Рано или поздно федеральный центр начинает защищать свои интересы, что также приводит к дополнительному росту транзакционных издержек.

Указанные виды ассиметрии ведут к созданию дополнительных барьеров для стратегического хозяйствования в отдельных регионах.

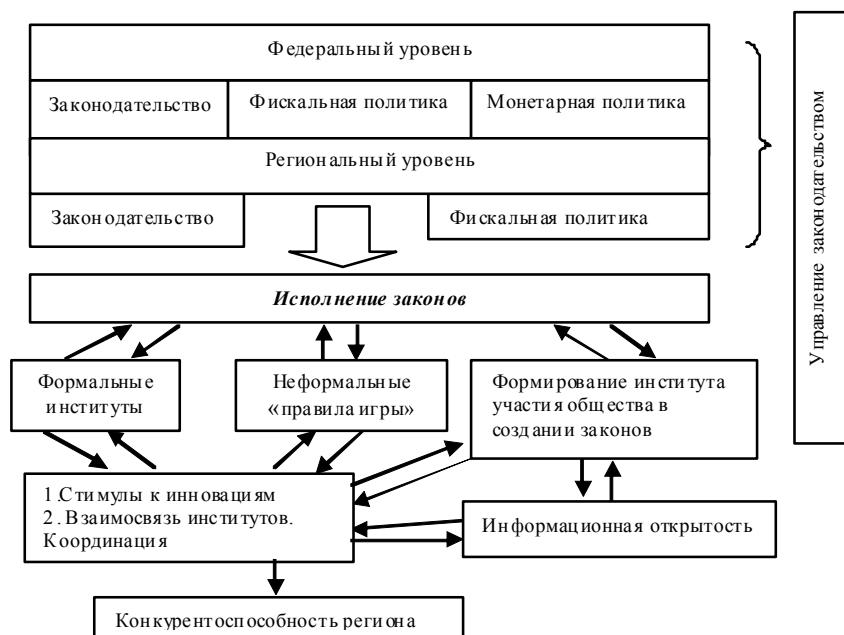
Итак, конкурентоспособность региона, напомним, определяет уровень развития институциональной среды. Следует отметить, что сегодня она мало подходит для формирования здоровой конкуренции между отдельными регионами России. Существует несколько основных проблем, без решения которых бесполезно ожидать каких-либо позитивных сдвигов в данном вопросе:

- у регионов отсутствует мотивация к повышению уровня конкурентоспособности из-за высокой степени децентрализации ресурсов и полномочий;
- регионы ориентируются на выгоды благоприятного географического положения, ресурсы и агломерационный эффект;
- регионы готовы вкладывать ресурсы в развитие институциональной среды при наличии уже существующей конкуренции за человеческий капитал и инвестиции;
- региональные власти предпочитают ориентироваться на федеральную поддержку и не стремятся получить больший объем полномочий.

Рассматривая механизм влияния институциональной среды на конкурентоспособность региона, объясним схему его действия, представленную на рисунке. В рамках страны следует различать три основных направления влияния институциональной среды извне: на уровне законодательства, фискальной политики и монетарной политики. На региональном уровне институциональная среда может меняться только в направлении законодательства и фискальной политики субъекта Федерации, то есть там, где начинают действовать региональные законы и подзаконные акты.

Основной проблемой в этом случае выступает необязательность на местах

исполнения принятых законов. Уровень соблюдения и федерального и местного законодательства значительно колеблется по России от региона к региону. Таким образом, одним из основных факторов влияния институциональной среды на конкурентоспособность региона следует признать безусловное соблюдение законодательства и следование федеральной и местной налоговой политике.

Механизм влияния институциональной среды на конкурентоспособность региона

К работе в этом направлении необходимо привлекать не только формальные институты, но и общество. Политика благонадежности должна транслироваться государством уже на уровне региональных властей. Она будет более эффективной не только при соблюдении формальных, зафиксированных в законе ограничений, но и с учетом так называемых неформальных «правил игры». Еще одним направлением деятельности региональных властей должно стать формирование института участия общества в создании законов, то есть активное привлечение граждан к работе по решению проблем регионального уровня (принятие стратегических решений по освоению новых территорий, выборная деятельность и т.п.), что может серьезно влиять на дальнейшее развитие субъекта Федерации. Референдумы, опросы, общественные слушания как методы формирования института участия общества в законодательных процессах невозможны без информационной открытости. Этот блок подразумевает не только публикацию информации о поставленных задачах и принятых решениях в региональных СМИ, но и использование в этих целях быстроразвивающейся в регионах Интернет-среды. Роль данного информационного поля растет с каждым днем и, как показывает практика центральных регионов России, уже позволяет в определенной мере координировать и

контролировать действия наиболее активной части молодежи. Участие граждан в управлении регионом способствует снижению уровня социальной напряженности и привлечению дополнительных трудовых и интеллектуальных ресурсов.

Таким образом, опыт показывает, что необходимо создавать условия для инициативы регионов, имеющих конкурентные преимущества и выигрывающих от развития институтов. Совершенствование институциональной среды будет действовать формированию региональных конкурентных преимуществ – снижению транзакционных издержек и повышению эффективности хозяйственной деятельности. Среди основных направлений развития институциональной среды следует особое внимание направить на контроль за исполнением нормативных актов, принятых формальными институтами. Не меньшие усилия следует задействовать в создании общественных институтов, способных повысить конкурентоспособность региона.

Библиографический список

1. Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики // Вопросы экономики. 2004. № 7. С. 19–34.
2. Цыренов А.Р. Механизм государственного воздействия на формирование институциональной среды экономики региона: автореф. диссертации канд. экон. наук. СПб., 2003.
3. Калужнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации. М., 2004.

**Ya.Yu. Maslova
Personnel Assessment
Improvement on the Basis
of Situational Approach**

The issue of personnel assessment on the basis of situational approach is actualized. The special attention is given to the improvement of application of this approach to personnel assessment in an organization.

Key words and word-combinations: personnel assessment system, approaches to personnel assessment, situational approach.

Доказана актуальность проблемы оценки персонала на основе ситуационного подхода. Особое внимание уделено совершенствованию применения данного подхода к оценке персонала в организации.

Ключевые слова и словосочетания: система оценки персонала, подходы к оценке персонала, ситуационный подход.

УДК 331.108
ББК 60.823.3

Я.Ю. Маслова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА НА ОСНОВЕ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА

Формирование теоретических понятий, положений оценки персонала, оценочных процедур и технологий осуществляется с позиции определенных подходов. Подход в широкой трактовке – совокупность приемов, способов в изучении чего-либо [1, с. 724]. Узкие и наиболее точные трактовки даются в отношении конкретных подходов. В обла-

сти оценки персонала подход задает предмет исследования, подтверждает основополагающий взгляд на сущность, содержание оценки персонала, а также обуславливает направленность и характер методов изучения и разработки оценки персонала.

В зависимости от методологии формирования и развития оценки выделяют такие подходы, как исторический, функциональный, структурный, системный, поведенческий, ситуационный и программно-целевой. Все они носят общенаучный характер, так как применяются в различных науках в отношении разных объектов. В настоящее время наиболее проработанным подходом в отношении оценки персонала выступает системный, элементами которого являются структурный и функциональный подходы. Системный подход хорошо проработан в исследованиях Ю.Г. Одегова, Л.В. Карташовой, П.Б. Мидлера, В.С. Половинко и других. Однако исследований такого рода крайне мало; исторический, поведенческий, ситуационный, программно-целевой подходы научно-теоретически не отражены в современной литературе по оценке персонала.

К сожалению, целенаправленная проработка методологических подходов к оценке персонала встречается крайне редко, публикаций такого рода практически нет. Данные подходы лишь упоминаются авторами во взаимосвязи друг с другом, а также отражается их роль в развитии различных направлений оценки персонала.

В настоящее время ситуационный подход полагается наиболее приближенным к современным условиям функционирования предприятий. Его суть состоит в выборочном применении положений, разработок теории оценки на основе всестороннего и взвешенного анализа сложившейся ситуации. Огромная практическая значимость рассматриваемого подхода обуславливает необходимость его дальнейшего изучения и наполнения определенным содержанием.

Являясь достаточно проработанным в теории организации, а также очень популярным в практике управления предприятием, ситуационный подход тем не менее не упоминается при освещении теоретических вопросов оценки персонала. Хотя именно данный подход, интуитивно осознавая его преимущества, реализует большинство руководителей предприятий в процессе осуществления оценки своих сотрудников.

Ситуационный подход впервые был применен в конце 60-х годов XX века в США в рамках исследований и практики управления предприятием. Наиболее авторитетными в этой области считаются Дж. Вудворд, Ф. Каст, У. Гомберг, П. Друкер, П. Лоуренс, Г. Кунц, Дж. Томпсон и другие [2, с. 211].

Сторонники ситуационного подхода, критикуя понятие «социальная система» и положения общей теории систем, полностью не учитывали возможность использования принципов, которые позволяли бы обеспечить результативность функционирования предприятия вне учета контекста деятельности и особенности ситуации. Они не принимали во внимание то, что организация представляет собой слишком сложное и динамичное образование, чтобы к ней можно было применить любые универсальные методы и подходы. Также представители данного подхода настаивали на ограниченном использовании принципов системности в управленческой практике. Они выдвинули положение,

согласно которому «каждому типу управленческих ситуаций, условий деятельности, типу решаемых задач и типу внешней среды и технологии соответствуют свои оптимальные требования к состоянию организации, свои свойства, средства, своя стратегия, своя оптимальная структура» [3, с. 83]. То есть ситуационный подход основывается на разнообразии условий функционирования предприятий и факторов, его определяющих. Следовательно, появляется необходимость учета этих условий, факторов, а также адаптации к ним изучаемого объекта.

Общеизвестно, что не может существовать одной «наилучшей» системы оценки. Ее оптимальность зависит от актуальных проблем, возможностей, целей и задач развития организации, функционирующей в конкретной окружающей среде в определенный момент времени [4, с. 110].

Перефразируя исходный при разработке ситуационной модели предприятия тезис, выдвинутый Р. Шерманом, отметим, что не представляется возможным обеспечить формирование такой структуры системы оценки, ее методов и т.д., которые были бы идеально приспособлены для любого времени, любых целей, ценностей, ситуации и других условий деятельности. Нужно определить условия, в которых те или иные принципы будут приносить желаемый результат.

В соответствии с ситуационным подходом автором сформулированы методологические принципы эволюции и отбора системы оценки персонала на предприятии:

1. Не существует единой, универсальной системы оценки: система, дающая положительный результат в одном случае, может быть совершенно неприемлемой во всех других случаях. Поэтому следует сосредоточить внимание не на поиске лучшей системы оценки персонала, а на выборе приемлемого ее варианта с учетом сложившихся обстоятельств.
2. Выбор соответствующей системы оценки должен основываться на анализе факторов, определяющих данную систему оценки.
3. Мобильность факторов определяет насущную потребность адаптации к ним видов, способов и методов оценки персонала.
4. Ситуационный подход подразумевает относительную устойчивость во временном диапазоне выбранной системы оценки и ее определенную стабильность в ходе давления различных значимых факторов.

Таким образом, при выборе и разработке системы оценки персонала необходимо тщательно анализировать факторы, ее определяющие.

Сторонники ситуационного подхода предлагают подсистемный взгляд на деятельность той или иной организации, что коренным образом отличается от точки зрения сторонников системного подхода, рассматривающих организацию как целостное образование. С одной стороны, сама организация является совокупностью более или менее самостоятельных подсистем, в число которых входит и подсистема оценки персонала, с другой же стороны – внешняя среда является не однородным, единым образованием по отношению к целостной организации, а сложной, динамично меняющейся, а также многослойной системой, как полагали сторонники системного подхода. Она состоит из разнородных фрагментов, которые имеют различную природу и степень подвижности. Например, в концепции П. Лоуренса и Дж. Лорша организация рассматри-

ваются как сложная, комплексная и многоуровневая система, состоящая из ряда простых организационных систем, обеспечивающих разнородные задачи (научно-технические разработки, производство, сбыт и др.). Данные простые системы, или подсистемы, к которым относится подсистема оценки персонала, рассматривались как относительно автономные, выполняющие разнотипную деятельность и имеющие дело со своим фрагментом внешней среды, опирающиеся на свой тип профессионалов, свою технологию, для каждой из которых характерны свои закономерности и логика функционирования [5, с. 480].

Это относится и к оценке персонала. Так, она представляет собой одну из тех простых систем, которые объединяются в сложную организационную систему, и в то же время является целостной, многоуровневой системой, в состав которой входит ряд подсистем: объектов, субъектов, методов, технологий, организации, осуществления оценки, использования ее результатов. Все подсистемы обеспечивают разнородные задачи: производство услуг оценки, научно-методические разработки по оценке, реализация решений на основе оценки и другие. Кроме этого, они выполняют относительно разнотипную деятельность, а также каждая из них имеет дело со своим фрагментом внешней среды. Например, подсистема организации оценки, связанная с ее методическим обеспечением, в основном коррелирует с фрагментом внешней среды, относящимся к науке и практике управления персоналом, накопленным методам, методикам, технологиям оценки [6, с. 213].

Наряду с этим у оценки есть три уровня окружения, или внешней среды: среда по отношению ко всему предприятию, управлению персоналом, оценке персонала (уровень оценки в стране, регионе, специалисты в области оценки, научные исследования в области оценки, степень реализации оценки в кадровых агентствах и т.д.). В отличие от системы управления персоналом в области оценки есть свои круг специалистов, технология, логика функционирования, фрагмент среды и т.п.

В то же время структура оценки, состояние ее подсистем, а также способы целедостижения напрямую зависят от состояния и типа фрагмента среды, с которым они взаимодействуют. Также оценка персонала имеет собственную степень открытости по отношению к среде. Например, в закрытых предприятиях и системах управления персоналом могут быть открытые системы оценки и наоборот [7, с. 309].

К факторам, которые определяют неповторимость выбираемой системы оценки персонала, необходимо отнести следующие:

1) состояния системы оценки персонала (наличие или отсутствие какой-либо системы оценки; в случае ее наличия – виды, методы, показатели и т.п. применяемой оценки персонала; предпосылки и возможности внедрения дополнительных элементов системы оценки или формирования новой системы и т.д.);

2) обусловленные особенностями персонала и системы управления им (количественная, качественная структура персонала и ее соответствие организационным потребностям, стратегия управления персоналом, кадровая политика, тактические задачи, степень и направленность развития остальных элементов системы управления персоналом);

3) внутриорганизационные (цель, задачи и стратегия развития организации, финансово-экономическое состояние организации, используемые технологии деятельности, содержание труда, качественный уровень функций управления, стили и методы руководства, корпоративная культура и т.д.);

4) внешней по отношению к организации среды (состояние рынков производимых товаров, услуг, труда, уровень конкуренции, кадровая политика предприятий-конкурентов, общественное отношение к труду и трудовые ценности социально-профессиональных групп и т.п.).

Таким образом, для более эффективного применения различных наработок теории оценки персонала (согласно ситуационному подходу) крайне необходимо их определение и приспособление к сложившимся условиям функционирования предприятия при помощи анализа всего массива значимых факторов.

При разработке и выборе системы оценки персонала в организации необходимо тщательно проанализировать факторы, определяющие данную систему оценки. Для более эффективного использования различных наработок теории оценки персонала в рамках рассматриваемого подхода необходимо их определение и адаптация к сложившимся условиям функционирования организации при помощи анализа всего массива значимых факторов.

Методологический статус ситуационного подхода уникален, поскольку в нем тесно переплетаются элементы и науки, и практики: с одной стороны, данный подход обладает специализированными методами и процедурами, заимствованными из науки и сформированными специально для него, а с другой – используются основанные на интуиции качественные суждения, методы, оценки, причем специально обосновывается необходимость их применения в каждом конкретном случае.

Библиографический список

1. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999.
2. *Апенько С.Н.* Оценка персонала: Эволюция подходов и технологии их использования. М., 2004.
3. *Социология организации: словарь-справочник.* М., 1996.
4. *Франк Э., Пудак Т., Опиз К.* Отбор персонала в консультационных фирмах для обслуживания высшего менеджмента предприятий // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 1.
5. *Lawrence P., Lorsh J.* Organization and Environment: Managing Differentiation and Integration. Homewood, 1967.
6. *Долгий В.И., Бушуев Н.А., Верецагина Л.С. и др.* Методологические проблемы оценки персонала организации. Саратов, 2010.
7. *Долгий В.И., Верецагина Л.С., Еремеев М.А. и др.* Методологические основы управления человеческими ресурсами. Саратов, 2010.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

S.M. Frolova
**The Institutional Basis
of Daily Life**

Daily life is considered as a fundamental component of the institutionalization process. The influence of such components as life experience, common sense, norms, and values on the formation of social interaction norms is analyzed.

Key words and word-combinations: institutionalization, daily being, institutional character of the society.

Рассматривается повседневность как фундаментальная составляющая процесса институционализации. Проанализировано влияние на формирование норм социального взаимодействия таких составляющих, как жизненный опыт, здравый смысл, ценности.

Ключевые слова и словосочетания: институционализация, повседневное бытие, институциональность общества.

УДК 1:316
ББК 60.02

С.М. Фролова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Отношение исследователей к феномену повседневности неоднозначно. Одни выделяют данную категорию «в стремлении к тотальной автономизации и переинтерпретации мира для “внутреннего потребления”» [1, с. 16], другие воспринимают как «безусловную необходимость» (И.Т. Касавин), третьи видят в ней «мир здравого смысла» (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) или само собой разумеющуюся реальность. Но независимо от восприятия феномена повседневности, сложно отрицать то, что без повседневной повторяемости событий любое знание будет недостаточно полным. Более того, никакая норма не может быть утверждена и введена в действие без апробации ее в повседневной практике. Следовательно, можно утверждать, что повседневность выступает доминирующей составляющей институциональных процессов, поскольку все, что познается, создается и укрепляется в обществе, является для него необходимым и не выходит за рамки повседневного бытия.

В социально-философском аспекте процесс институционализации важен прежде всего с позиции «общество как форма бытия» – та-

кой подход позволяет раскрыть и проанализировать становление норм и порядка повседневного взаимодействия как значимых и необходимых элементов социального, обусловленных обыденными потребностями социума в процессе повседневной жизнедеятельности. Таким образом, ключевое значение в процессе институционализации имеет категория бытия.

Бытие, с точки зрения обыденности, воспринимается как прагматическая категория, где главная ценность – сама жизнь. Желание преодоления смерти мобилизует человеческие усилия, заставляет совершенствовать окружающее пространство, способствует формированию и применению социальных средств защиты. Это и понятно: ведь сохранение жизни и обеспечение безопасного функционирования человека в повседневной жизнедеятельности возможно только в случае, если существует общий механизм воздействия и подчинения единым нормам и правилам. Иными словами, стремление быть (существовать) вынуждает человека признавать приоритет институциональных ситуаций над субъективными, что делает его поведение в повседневной жизни более предсказуемым.

Осознание важности и ценности человеческой жизни приводит к тому, что «аксиологическая ось жизненного пространства человека притягивает и “переплавляет” множество ситуаций человеческого бытия...», преобразуя «социальные действия в пространственно зафиксированные модели поведения» [2, с. 112], тем самым ограничивает человеческое бытие рамками институционального пространства и порядка. Ограничение поведения человека в процессе повседневной деятельности жесткими поведенческими рамками является подтверждением социальной природы человека, поскольку социальное проявляется в его бытии как результат взаимодействия индивидов, включенности микромира одного в макромир многих.

Социальная жизнь – это продукт исторического, «междучеловеческого» (П.А. Сорокин) развития, где существование социальных фактов находится вне субъективных сознаний, и, согласно Э. Дюркгейму, они «объективированы вовне», а также обладают принудительной силой, то есть поведение отдельного индивида определяется поведением и нормами, выработанными другими. Следовательно, социальное «выступает заменой спонтанного и экспериментального поведения на предсказуемое» [3, с. 30], обеспечивая стабильность повседневного существования с активным использованием особенностей социальной памяти.

Основное свойство памяти – накопление информации, которая помогает определить «представление в настоящем отсутствующей вещи» [4, с. 119]. Социальная память, кроме накопления информации, обладает удивительной способностью включать прожитое в существующий сегодня «серийный порядок» (Э. Кассирер), соотносить настоящее с прошлым [5, с. 184–191]. Это позволяет осмысливать в обыденном сознании прошлое культурного сообщества, формировать опыт в применении выработанных норм, а также сохранять общезначимые ценности, сформированные на разных этапах человеческого существования.

Устойчивая значимость социальной памяти обусловлена целостностью ее природы, «мощным культурным синтезом институциональных и жизненных пространственных структур», благодаря которым «человек обретает важнейшие

смыслы бытия, реализует свои социальные и духовные устремления» [6, с. 118, 119], но вместе с тем она стандартизирует поступки человека, «подгоняя» их под общую регламентацию норм повседневного бытия.

В зависимости от этапа развития общества выделяется несколько этапов институционализации социальной памяти, каждый из которых, «транслируя устоявшиеся нормы и правила жизнедеятельности социальной системы, вводит субъектов в общее смысловое пространство и способствует преемственности исторического опыта» [7, с. 9], а также типизирует, институализирует и кодирует восприятие субъекта, не позволяя выходить за границы стандартизированного мышления. Таким образом, социальная память, включающая информационную, нормативную и деятельностьную основы повседневной жизни общества на всех исторических этапах его развития, является необходимым «матричным» составляющим процесса институционализации.

Сложно отрицать, что прежде чем какое-либо онтологическое основание закрепится в обществе как «правильный образ», оно должно пройти путь апробации (развитие внутри социальной общности), и только после этого может быть утверждено (рождено) как правило, как формализация установленного комплекса действий в определенных ситуациях. Следовательно, повседневность, в силу постоянной составляющей бытия любого общества, является основой институциональных процессов.

Так, если утвержденная ранее норма не будет востребована в повседневной жизни и не сможет выполнять свои нормативные функции, она неминуемо утрачивает значение. Тогда жизненный опыт, опираясь на здравый смысл, определяет необходимость, живучесть и универсальность институциональной установки, необходимой для общества. В связи с этим полагаем возможным считать «институциональными матрицами», то есть неизменными основными регуляторами повседневного бытия, жизненный опыт и здравый смысл.

А. Шюц, анализируя мир здравого смысла, показывает, что социальный мир – это мир, «контитуированный смыслом». Последователь Шюца П. Бергер полагает, что опыт общества – это «прежде всего опыт других людей в повседневной жизни» [8, с. 29, 36]. Это сложно оспорить, поскольку опыт включает в себя многовековой, прагматически обусловленный, не выходящий за «пределы осмысленного» (Н. Луман) бытийственный опыт человека и социума, выработанный в процессе повседневной повторяемости событий.

Жизненный опыт и здравый смысл являются своего рода смысловыми матрицами, заложенными в основу любых общественных отношений, и потому играют наиважнейшую роль в институционализации, благодаря которой «каждый актер делает и полагает, что должен делать то, что полагают, что он должен делать, другие актеры, с которыми он сталкивается» [9, с. 267]. Здесь невозможно обойти вопрос идентификации личности, способности субъекта выделить, противопоставить и оправдать свои действия, не нарушая смысловое единство.

Способность человека идентифицировать себя так же тесно связана с жизненным эмпиризмом самого субъекта, с его стремлением «к самообозначению» и необходимостью быть признанным, то есть замеченным другими. При этом важно подчеркнуть, что человек «выбирает идентичность в зависимости от

своего опыта повседневной жизни, способствующего осуществлению его «проекта самости» [10, с. 216]. Такой подход представляет интерпретацию институционального бытия человека в контексте историко-философской традиции, которая четко прослеживается в работах П. Рикёра. Французский философ считал путь признания себя «способностью обозначать себя как автора своих слов, действий и опыта» [11, с. 77]. Раскрывая эту теорию, Рикёр выделил несколько этапов: первый – рассмотрение «признания-идентификации» и осознание «идентификации чего-то вообще»; далее – «самопризнание сущих» и субъективное выделение своего «Я» через осознание самости; третий этап предусматривает переход «от самопризнания к взаимному признанию», то есть к коллективной идентичности и убежденности в необходимости понимания состояния мира [4, с. 8]. Такой путь от признания «вообще-идентичности» до «миролюбия» еще раз наглядно демонстрирует роль жизненного опыта в обретении смысловой направленности бытийственности субъекта.

Жизненный опыт, опорой которому служит здравый смысл, берет начало в повседневной практике, поскольку повседневное социальное взаимодействие утверждает общие нормы поведенческих конструктов. Вот почему любой субъект социума интуитивно понимает, что практическое постижение принятых устоев общества, в котором он существует, является для него жизненно необходимым. Фундаментом опыта, базирующегося на традициях и обычаях (которые есть не что иное как унаследованная стереотипная форма социальной регуляции деятельности определенного общества) выступает повседневная практическая деятельность многих поколений, определяющая смысл бытия.

Разумеется, повседневность – это череда повторяющихся событий. Если воспринимать жизнь только как «подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота и все в том же ритме» [12, с. 29], не задавая себе вопросов «зачем?» и «для чего?», то, несомненно, существование будет восприниматься бессмысленным.

Согласно М.М. Бахтину, смысл – это то, что дает ответ на какой-то вопрос. Здравый смысл следует признать определяющим в конструировании социальной действительности. Основанные на здравом смысле, на навыках поиска компромисса между различными социальными группами, повседневный опыт или жизненная практика не требуют доказательств своей значимости – выработанные ими нормы определены необходимостью или потребностью субъектов общества в урегулировании совместного бытия и потому без особых трудностей дают ответ на возникающие вопросы. Этим объясняется тот факт, что сложившиеся в процессе повседневной практики нормы не являются «мгновенным импульсом» и «шоком без связности» (Н. Луман), а принимаются безоговорочно как необсуждаемый критерий, как образец, в основе которого лежит здравый смысл.

Таким образом, процесс институционализации бытийственности индивидов – это прежде всего создание на основе жизненного опыта (в формировании которого значительную роль играет социальная память) общезначимых норм, регулирующих повседневную деятельность общества, и одновременно это умение

идентифицировать свое «Я» и поведенческие установки из многообразия общепринятого, общего, не выходя за рамки здравого смысла.

Здравый смысл способствует формированию опыта и внедрению новаций без нарушения стабильного существования в повседневной жизни, поскольку, как полагает Н. Луман, «смысловая форма посредством своей структуры указаний вынуждает следующий шаг к отбору» [13, с. 99], определяя «естественную установку» повседневного бытия. Здравый смысл является критерием нравственно-практического поведения индивида, помогает сложное делать понятным через осмысление его значимости и необходимости; последние характеристики поддаются осознанию через восприятие ценностей.

Ценности – феномен, определяющий каждую сторону институционализации и социализации общества, поскольку эти процессы находятся в прямой зависимости от норм и предпочтений социума. Здесь необходимо обратить внимание на ценностную и институциональную взаимосвязь бытия, поскольку любые преобразования в социуме изначально складываются на ценностно-смысловом уровне: ценности меняют смысловое поле деятельности человека, а уже затем подвергают изменениям институциональные механизмы общественного устройства. Это объясняет недостаточность существования одних только институциональных норм – обществу необходимы духовные и ценностные установки, сохраняющие свое значение даже при кардинальной трансформации существующих институтов, резко меняющей привычные устои и смысл повседневной жизни. Только при достижении единого уровня ценностного и институционального развития можно говорить о сбалансированности и единстве ценностно-нормативной системы общества.

Аксиологические установки воспринимаются и принимаются человеком в процессе повседневного освоения действительности. Изначально простые отношения «принятия-непринятия» впоследствии развиваются в тесном взаимодействии с другими личностями и не только отражают происходящие в социуме социокультурные процессы, но и мотивируют действия субъекта через стремление к обладанию установленными ценностями, следуют основанным на них моральным нормам и тем определяют смысл его бытия. Необходимо отметить, что, базовый, смыслопорождающий уровень ценностей крайне важен: он задает динамику процесса институализации, объединяя в системе формирующихся норм все идеи и ценности определенного общества.

Изменение установленных ценностей часто воспринимается обществом неоднозначно – как правило, тяжело и болезненно, поэтому при утверждении новых аксиологических установок, как полагает Н.В. Розенберг, важны наделенные определенными задачами и функциями «фильтры-этапы», через которые в повседневность «вносятся и становятся институализированными новые смыслы» [14, с. 32]. К таким фильтрам исследователь относит СМИ, образование, семью. По нашему мнению, необходимо добавить еще и религиозный фактор, поскольку религия является существенным фактором в определении значимых ценностей любого общества.

Несомненно, институт церкви пользуется большим доверием общества не только по причине того, что авторитет церкви удерживается на протяжении

двух тысячелетий, но и потому, что человеку сложно смириться с замкнутостью и ограниченностью повседневности, с существующими непреодолимыми временными рамками человеческого бытия. Включенный в повседневное бытие общества «религиозный опыт трансценденции» так и не смог охватить и объяснить смысл всех обозначений, под ним подразумевающихся [13, с. 102], но он обеспечил некую «упругость», устойчивость повседневного бытия. Это можно объяснить тем, что в становлении религиозных традиций особую роль играли обычаи (в том числе и языческие), нормы, табу, регулировавшие общественное поведение на ранних этапах развития общества и сохранившиеся в общественном сознании определенного социума, скорее, на интуитивном, чем на понятийном уровне. Отсюда восприятие религии (систем верований) как устойчивой традиционной нормы, не нарушающей «энергетический баланс» и целостность общества, гарантирующей сохранение его самобытности.

Формирование устойчивой религиозности индивида невозможно без непрерывного взаимодействия с другими людьми, на что обращал внимание Э. Дюркгейм. Он полагал, что религия «не дана человеку изначально; это человек выковал ее собственными руками». Религия является необходимым элементом, объединяющим «предельные значения» человеческого опыта и поведения, поэтому взаимозависимость человека и Бога обусловлена, поскольку «человек зависит от своих богов» так же, как «Боги нуждаются в человеке» [15]. Важно отметить, что Дюркгейм говорил о религии, «далекой от всякой идеи божества», то есть о социальной религии. Последняя, согласно убеждению философа, не сильно отличалась от религии в узком значении этого слова, поскольку и божественная и социальная религии выполняют единую социальную функцию – способствуют развитию солидарности социума, сохранению нравственных ценностей и «гуманного права», обосновывающих необходимость внедрения новых норм, важных для развития любого общества – следовательно, «религиозные представления есть представления коллективные». Доказательством могут служить религиозные обряды, свободные от понятия Богов, которые в основном являются «способом действия», определяющим нормы поведения людей. Например, заповеди, содержащиеся практически во всех религиях («не убий», «не укради»), пищевые ограничения в определенный календарный период (в христианстве – пост, в исламе – саум в рамадан) или запрет на определенные продукты (в иудаизме, в индуизме) способствуют разработке норм поведения, позволяющих оправдывать социальные институты и социальные роли.

Таким образом, через образование и функционирование религиозных общностей реализуется социальная природа религии, а единый комплекс верований, ритуалов, обрядов привносят в повседневное существование человека упорядоченность и стабильность, поскольку устойчивые религиозные традиции и нормы образуют единую систему, своего рода щит-фильтр, который во многих случаях защищает сложившуюся институциональную структуру от разрушений.

Необходимо отметить влияние на формирование общественных норм такого религиозно-социального явления, как Реформация, породившего новое направление христианства – протестантизм. Принятие этой религии, по мнению исследователей, позволило некоторым странам опередить в своем развитии

большинство государств мира благодаря становлению «нового жизненного уклада» [16, с. 4]. Выходит, что с изменением религиозных установок меняется и общество?

Ответ находим у М. Вебера, утверждавшего, что протестантизм способствовал формированию норм, способствующих экономической, предпринимательской активности людей в любой удобной для общества работе на светском поприще, а также послушанию властям. Немецкий исследователь полагал, что «нравственная квалификация мирской профессиональной деятельности – одна из важнейших идей, созданных Реформацией» [17, с. 45]. Он имел в виду ту часть учения М. Лютера, где провозглашается преимущество мирского труда по отношению к монашескому образу жизни, а также идея о божественной предопределенности профессиональной деятельности человека. Созданный таким образом экономический механизм способствовал легитимизации институциональных рамок, связанных с системой общественного труда и формированию новой инфраструктуры, подчинившей себе все основные сферы повседневной жизнедеятельности. Теория Вебера не разубеждает, а, скорее, утверждает в предположении, что религиозное влияние способствует не только сохранению уже созданных норм и стандартов, но и формированию новых, необходимых для повседневного бытия общества.

Итак, повседневная практика обыденной жизни способствует формированию институциональных форм социума. *Постоянно значимыми, кодирующими элементами повседневности являются такие феномены, как здравый смысл, жизненный опыт, аксиологические установки, религиозные верования: они отражают социальную жизнь общества и определяют его структуру. Но их существование возможно только в условиях апробации, «вечного возвращения» к привычной, предсказуемой и однообразной деятельности, создаваемой повседневностью.*

Подтверждает эту точку зрения Э. Гидденс, полагающий, что «социальная деятельность является повторяющейся», а рутинность и монотонность имеют определяющее значение в теории структуриации. Гидденс подчеркивает, что рутинный характер повседневной жизнедеятельности, основанный на традициях и обычаях, «укрощает» источники подсознательной напряженности, поскольку кажущиеся незначительными условности и правила поведения выступают образцом социальных отношений и определяют «фундаментальный каркас социальной жизни», обеспечивая через упорядочение действий «онтологическую безопасность» индивидов и надежность социально значимых кодов в условиях повседневности.

Несомненно, любое упорядоченное – ожидаемое или прогнозируемое – действие является основой безопасной жизнедеятельности индивидов, вследствие чего детерминированные институциональными рамками действия более привычны и потому удобны для окружающих. По этой же причине общество (в большинстве своем) одинаково негативно воспринимает поступки субъектов, выходящие в поведенческих предпочтениях за рамки установленных правил, и в связи с этим требует в отношении нарушителей применения негативных санкций с учетом классификации и градации «патологического поведе-

ния», выработанных в процессе повседневного взаимодействия субъектов. Следовательно, «стабильность существующих институциональных форм невозможна вопреки или вне взаимодействий, имеющих место в повседневной жизни, но вместе с тем и включается в эти самые взаимодействия», прогнозируя поведенческие ожидания [18, с. 123].

Таким образом, повседневность выступает как некий код, через который задаются структурные детерминанты, определяются социальные действия и система отношений, а также контролируются поведенческие установки в соответствии с потребностями социума. Основным условием, необходимым для оправдания действий человека, является их смысловая направленность, обусловленная жизненным опытом, благодаря чему в обществе укореняются «отсеleccionированные» повседневной деятельностью ценностные и религиозные установки, выстраиваются системы социальных практик и отношений, координируя действия субъектов.

Общество не может быть институализировано вне рамок норм и событий, выработанных в процессе повседневности, а прочность и особенность последней напрямую зависит от институциональной упорядоченности повседневного бытия.

Библиографический список

1. Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
2. Устьянцев В.Б. Жизненное пространство человека: ценностные и институциональные начала // Современная парадигма человека: межвуз. науч. сб. Саратов, 2000. С. 112.
3. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Аникин Д.А., Федин Д.С. Институализация и ценностные ориентации молодежи в обществе риска. Саратов, 2010. С. 30.
4. Рикёр П. Путь признания: три очерка. М., 2010.
5. Фролова С.М. Понятие повседневности в темпоральном измерении // Вестник ПАГС. 2010. № 3 (24). С. 184–191.
6. Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006.
7. Шаповалова Н.С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2012.
8. Бергер П., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М., 2004.
9. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
10. Зазаева Н.Б. Идентичность современного человека в политическом пространстве глобализирующегося общества // Вестник ПАГС. 2012. № 1 (30). С. 216.
11. Ricoeur P. Reflexion faite. P., 1995.
12. Камю А. Миф о Сизифе: Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
13. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб., 2007.
14. Розенберг Н.В. Аналитика культуры повседневности Поволжья: философский аспект: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тамбов, 2010.
15. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/soc_gapochka_hrestomatia/r1.pdf.
16. Жудинова Е.В. Религии мира. Протестантизм. М., 2006.
17. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб, 2012.
18. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005.

E.Yu. Antonyuk
The Evolution of a Country
Image in the Philosophical
and Culturological Paradigm

The evolutionary aspects of the concept development "the country image" is considered from the point of view of philosophy and cultural studies. The basic characteristics of the country image are analyzed. The author's approach, revealing the peculiarities of the evolution of the Russia's image in the philosophical and culturological paradigm is given in the article.

Key words and word-combinations: country image, evolution, philosophical and culturological paradigm.

Рассматриваются эволюционные аспекты развития концепта «образ страны» с точки зрения философской и культурологической наук. Анализируются основные характеристики образа страны. С позиции авторского подхода раскрываются особенности эволюции образа России в философско-культурологической парадигме.

Ключевые слова и словосочетания: образ страны, эволюция, философско-культурологическая парадигма.

УДК 1:316
ББК 60.00

Е.Ю. Антонюк

ЭВОЛЮЦИЯ
ОБРАЗА СТРАНЫ
В ФИЛОСОФСКО-
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЕ

Образ страны – динамичный феномен, появляющийся с момента возникновения государства и эволюционирующий весь период исторического освоения и заселения территории. В условиях глобализации, конвергенции культур, национальной ассимиляции и метисации образы начинают переплетаться друг с другом, вступать в сложные взаимодействия, что часто приводит к утрате самобытности народов. В статье рассматриваются и интерпретируются эволюционные аспекты развития концепта «образ страны» с точки зрения философской и культурологической науки.

По мнению Д.Н. Замятина, «...образ страны или региона – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географическими территориями. Образ маркирует район, отсутствие образа – признак его слабой выраженности, неустойчивости или недостаточного уровня его ментальной освоенности индивидом. Известно, что обычно существует некий стержневой образ, который разветвляется, и на него нанизываются вторичные и "поддерживающие" образы. Стержневой образ страны или региона вписывается в более широкую систему образов. Некоторые из них зарождаются в виде тесно взаимосвязанных пучков. Они имеют разный генезис и различный жизненный цикл...» [1, с. 57–66].

Особенности динамики образа страны определяются двумя главными факторами. Первый – экзогенный фактор, воздействующий на перемещения и детальную траекторию образа конкретной страны в рамках более широкой образно-географической системы. Такого рода перемещения связаны зачастую со специфической «войной образов», в которой автохтонные образы инкорпорируются, порой достаточно мучительно и с рядом сложных трансформаций, в расширяющиеся, «пришлые» образно-географические системы. Второй – эндогенный фактор, влияние которого обусловлено в первую очередь степенью устойчивости местных образных представлений и одновременно их способностью гибко трансформироваться в условиях своего рода внешней «образной агрессии».

Образ страны устойчив и в то же время динамичен в своем эволюционировании. Под воздействием эндогенных и экзогенных факторов происходит развитие образа страны по двум сценариям.

Первый сценарий подразумевает возвращение и последующее инкорпорирование образа той или иной страны в более развитый образ, который впоследствии его поглощающий, ассимилирующий. Этим объясняется возникновение в мире цивилизационных регионов, а также мировых культур – испанской, греческой, латиноамериканской, славянской, австрало-индонезийской и т.д.

Второй сценарий предполагает формирование и развитие образа страны, обладающего максимальной степенью автономности и аутентичности. При этом следует отметить, что такого рода страны и культуры в настоящее время встречаются крайне редко и без соответствующей ассимиляции репрезентируются в качестве полиобраза или исчезают совсем (например, культура майя, ацтеков и т.д.).

В.В. Лапкин и В.И. Пантин утверждают: « Образ страны – и Россия здесь не исключение – есть результат своеобразного сплава традиции и социокультурных перемен, обусловленных изменением ее внутреннего и внешнего положения. Трансформация этого образа во времени обусловлена рядом факторов – динамикой исторических обстоятельств, переменами в культуре и в системе доминирующих ценностей, а также сдвигами в глобальной политической ситуации и в соотношении сил на международной арене...» [2, с. 7]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ страны формируется преимущественно эволюционно, поступательно.

И.Ю. Киселев указывает на то, что при анализе эволюционной парадигмы образов стран следует учитывать четыре наиболее важные их характеристики [3].

Во-первых, хотя образ страны представляет собой результат познавательной деятельности субъектом самого себя и других участников международных отношений, характеристики образа соответствуют основным показателям объективной реальности. Они всегда соотносены с субъектом – государствами как участниками международных отношений, которые характеризуются определенным географическим положением, политическим режимом, особенностями экономической системы, демографическими показателями и другими «объективными» параметрами. Образ страны опосредует и преломляет через себя внешние воздействия, в функциональном плане предшествуя поведению иностранных субъектов.

Во-вторых, характеристики образа страны являются достаточно устойчивы-

ми, позволяя выделить паттерны построения образа определенного государства конкретными личностями, социальными группами, населением страны в целом. Вместе с тем возможности политических лидеров и отдельных социальных групп конструировать ситуативные образы государства позволяют отразить изменчивый характер их представлений, а значит и их действий в различных социальных ситуациях.

В-третьих, важное свойство образа страны связано с тем, что хотя по своей природе он является субъективным, тем не менее организация образа основана на интерсубъективных структурах, состоящих из общего понимания реальности, ожиданий и социального знания. Это позволяет отразить специфику поведения, связанную, с одной стороны, с действиями суверенного государства, а с другой стороны – с его включенностью в социальное пространство межкультурных и внешнеполитических отношений.

В-четвертых, когнитивно-содержательные и эмоционально-оценочные составляющие образа страны обычно отражают ситуацию в сфере как внешней политики и межкультурных отношений, так и внутренней политики, а также национально-культурных отношений в границах государства и даже отдельных его регионов.

Чтобы составить мнение об основных возможностях применения философско-культурологического подхода к анализу эволюционирования образа страны на конкретном примере, проследим эволюцию образа новой России за все 22 года существования страны и выделим четыре соответствующих исторических периода.

1. *Период потрясений (1991–1994)*. После распада СССР в 1991 г. новая Россия вступила на путь самоопределения и формирования государственной политики по созданию нового образа страны. Данный образ почти во всем соответствовал ожиданиям Запада, что было следствием либеральной политики М.С. Горбачева. Начало 1990-х годов ознаменовалось возобновлением отношений со многими капиталистическими странами мира, формированием межкультурных контактов, что выразилось в бурном всплеске международных туристских обменов.

К середине 1990-х годов в сознании иностранцев сложился образ России как стремительно беднеющей страны с низким уровнем и качеством жизни населения, разрушающимися предприятиями, высоким уровнем коррупции, разгулом криминала. Стремительно снижался и общий образовательно-научный и культурный потенциал, сокращались затраты на финансирование социальной сферы – здравоохранения, образования и науки и т.д. Внутренние системные проблемы, внешнеполитические долги и прочие негативные факторы не оставляли государственным властям времени и возможности для проведения в жизнь грамотной и эффективной политики по формированию позитивного образа страны на мировой арене.

2. *Период формирования имиджевой политики (1995–1999)*. К середине 1990-х годов государство и общество сделали первые шаги к осознанию проблемы формирования образа государства. Прямым следствием негативного образа России на международной арене стали ее инвестиционная непривлекательность и низкая конкурентоспособность товаров. Именно в связи с этим были предприняты первые, пока достаточно разрозненные, попытки позитивизации

образа страны, в частности предпринимателями. Указанный период можно справедливо назвать предпринимательским, так как именно в это время происходит формирование в России нового сообщества – предпринимательского, заинтересованного в развитии международной торговли, а следовательно и в позитивизации образа страны.

Наиболее активную деятельность по формированию имиджа страны осуществляло Министерство иностранных дел РФ, полномочий и возможностей которого явно не хватало для получения положительных результатов. Как и в предыдущем, в предпринимательском периоде проведения имиджевой политики государственные власти были заняты внутренними проблемами – демографическим спадом, кризисом в социальной, экономической, экологической и иных сферах.

Активизация международных туристских обменов, связанная со снятием «железного занавеса», информатизация общественных отношений, компьютеризация населения, первые шаги по формированию предпринимательского сектора, цивилизованного рынка товаров и услуг – все это способствовало расширению межкультурных связей как внутри России, так и во внешней политике и появлению новых, заимствованных из опыта зарубежных стран феноменов – «китаезация» экономики, рыночная экономика, западный стиль жизни, система быстрого питания и т.д. Примером состоявшейся «открытости» России стало бурное развитие сети ресторанов «МакДональдс» по всей стране именно во второй половине 1990-х годов.

3. *Период путинских реформ (2000–2008)*. Приход к власти В.В. Путина ознаменовался достаточно резким изменением внешнеэкономической и внутренней политики государства. Высокие цены на нефть и газ в указанный срок создали благоприятную рыночную конъюнктуру и стимулировали развитие экономики страны, рост ВВП и благосостояния граждан. России удалось также погасить большую часть своего внешнего долга. Экономический рост привел к укреплению позиций России на международной арене. Все это сказалось и на образе страны, ее имидже за рубежом.

Крайне важным шагом в направлении позитивизации внутреннего и внешнего образа страны стало принятие значимых государственных документов – Доктрины национальной безопасности России, Концепции внешней политики России, Стратегии социально-экономического развития России, Концепции обеспечения экономической безопасности России и ряда других документов. Так, в Концепции внешней политики России впервые была сформулирована задача информационного сопровождения внешнеполитической деятельности и информационной безопасности. Это стало знаком того, что важность проблемы имиджа России за рубежом и необходимость серьезной работы по его формированию были осознаны на государственном уровне.

Таким образом, в 2000–2008 гг. проблема позитивного образа страны приобрела государственный и даже межгосударственный характер; стали предприниматься попытки целенаправленной деятельности в этой сфере. Но проблема еще далека от разрешения, так как частично принятые меры не смогли радикальным образом изменить восприятие России за рубежом. Более значимой

представляется постоянная и систематическая работа МИД РФ, в том числе с привлечением новых возможностей и инструментов – культурной дипломатии и Интернета.

4. *Период активизации и абсолютизации имиджформирующей деятельности (2009–2012)*. Период начинается с утверждения новой Концепции внешней политики России, расширяющей спектр имиджевых мероприятий. Одним из основных средств реализации стратегической цели по формированию позитивного образа России за рубежом названа публичная дипломатия. В соответствии с определенными в Концепции задачами и приоритетами произошла и корректировка практической деятельности, в частности активизация механизмов публичной и общественной дипломатии. Так, созданы неправительственный Фонд содействия развитию общественной дипломатии, государственный Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, а также некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам».

Активную деятельность по формированию позитивного образа России проводит и МИД: осуществление правозащитной работы; поддержка соотечественников за рубежом; охрана национального языка и содействие популяризации национальной культуры, науки, образования, а также противодействие попыткам пересмотра истории; проведение симпозиумов, семинаров, выставок, конференций; поощрение развития русской культуры за рубежом; инициация обсуждений актуальных вопросов в рамках международных организаций и т.д. Все эти меры способствуют процессу позитивизации образа нашей страны.

Определены также и пути совершенствования деятельности по позитивизации образа России на ближайшие годы:

- формирование государственной имиджевой политики – как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической;
- активизация имиджформирующей деятельности не только на базе МИД РФ, но и на основе иных институциональных структур;
- расширение использования средств массовых коммуникаций, в том числе и Интернета с обязательным контролем распространяемого контента, соблюдением основных правил его составления;
- разработка системы контроля и критериев оценки эффективности проводимых мероприятий и имиджевой политики в целом;
- формирование не только образа страны в целом, но и образа ее регионов (реализация регионального подхода к формированию имиджа);
- осуществление основных мероприятий по формированию имиджевой политики в стране не только федеральными и региональными властями, но и населением, которое следует использовать в полной мере в качестве своеобразного провайдера наиболее значимых имиджевых компонентов;
- разрешение системных проблем государства во всех его сферах как необходимое условие для проведения в жизнь грамотной и эффективной политики по формированию позитивного образа страны на мировой арене.

Итак, вопросы эволюционирования образа страны, его пространственной и временной динамики весьма слабо концептуализированы в отечественной и зарубежной научной литературе. В наибольшей степени в трудах ученых иссле-

дованы те аспекты определения концепта «образ страны», а также его эволюционного развития, которые имеют непосредственный выход в политическую теорию и практику, а также в основные социологические практики. Особый сегмент исследований связан с географическим пониманием образа страны, что приводит к формированию концепта «геокультурный образ страны» и рассмотрению основных направлений его развития.

Библиографический список

1. *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Смоленск, 1999.
2. *Ланкин В.В.* Динамика образа России и циклы реформ-контрреформ // Интеллектуальная Россия. 2007. № 1. С. 7.
3. *Киселев И.Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях в рамках конструктивистской парадигмы // Политэкс. 2007. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/367/30/>

Í.À. Попова
Love as a Way of Existence
of the Value Consciousness

Love as a part of value consciousness of a person is investigated, and it is emphasized that love gives a person opportunities of self-discovery and self-determination of his or her true nature. The special attention is given to the consideration of love as a value reply in the conception of D. von Gildebrand.

Key words and word-combinations: love as a value, personality being, value consciousness.

Исследуется любовь как часть ценностного сознания человека. Подчеркивается, что любовь дает личности возможность самораскрытия, самоутверждения своей подлинной сущности. Особое внимание уделяется рассмотрению любви как ценностного ответа в концепции Д. фон Гильдебранда.

Ключевые слова и словосочетания: любовь как ценность, бытие личности, ценностное сознание.

УДК 1
ББК 87.5

О.А. Попова

ЛЮБОВЬ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ

Многие мыслители как в прошлом, так и в настоящем отмечают, что понимание любви не исчерпывается лишь определением ее как эмоции или чувства – кроме этого, она может быть решением проблемы человеческого существования. Ведь истинная любовь – это прорыв из временного в вечность, переход в то состояние, где нет ни смерти, ни апатии, ни уныния, а есть чистая актуальность, постоянное напряжение духа, подлинное творчество. Любовь конституирует человека как личность и является особым способом существования ценностного сознания.

Любовь – активная сила и в развитии человеческой личности, поскольку имеет и нравственно-духовную составляющую. При

этом недостаточно рассматривать любовь как одну из ценностей. Безусловно, она является ценностным ответом, но несколько другого порядка и, выступая как фундамент, столь тесно связана с личностью, что человек как таковой, то есть именно эта индивидуальная, уникальная личность в качестве субъекта, является достойным любви. Любовь, рассматриваемая в качестве ценности, возвышает и облагораживает человека, причем совершенно исключается возможность отношения к предмету своей любви, как к средству, доставляющему радость и вызывающему восхищение. С точки зрения выразителя, носителя, субъекта любви, эта ценность не требует обоснования через соотнесение с моралью, искусством, политикой и даже с историей, а сама служит основой осмысления мира и человеческого отношения к нему, «сама является зеркалом, своеобразно отражающим реалии человеческого бытия» [1, с. 5]. Любовь неразрывно связана с существенным, резким изменением всего ценностного сознания человека, и потому она неизбежно относится к морали, как к специфической форме ценностного сознания, всегда личного, уникального, неповторимого. К тому же любовь, помимо того, что выступает частью ценностного сознания человека, является еще и выходом за пределы своего существования, вызовом всей ценностной системе самого общества.

Любовь несет с собой множество несчастий; любовная история насыщена преодолениями. «В основе трагичности любящего – конфликт вненормативности и нормативного сознания, конфликт «абсолютности» господствующих ценностей и их относительности в рамках любви» [1, с. 6]. Вот почему трагична не только несчастная, но и счастливая, взаимная любовь, выводящая двух любящих за рамки обыденного и общепринятого. Трагичность любви находит свое наиболее полное проявление в ее конечности: или умирает любовь, или умирает любящий. И то и другое – результат, порождение невозможности существовать, быть в мире людей и одновременно не быть среди них, ощутить восторг ценностной насыщенности жизни и – еще острее – своей оторванности от целей и интересов, от миропонимания и ориентации окружающих. «И конечность, и трагичность определяются противоречием сущности любви и господствующего способа существования ценностного сознания» [2, с. 7]. Что же это за сила, способная перевернуть и сознание и саму жизнь человеческую? В основе отношения любви лежит признание максимальной ценности конкретного человека, «совершенное признание», по выражению Платона.

Определяя любовь как эмоционально-преобразовательное отношение, в котором другой принимается полностью как данность, независимо от его качеств и их оценки во всем богатстве и несводимости к собственным представлениям и идеалам любящего, следует подчеркнуть, что любовь – особый способ существования ценностного сознания. Ценность любимого выше всех наиболее значимых, самых высоких ценностей, в том числе и моральных. Она «возвышает предмет до сущности и, таким образом, предмет лишь как сущность становится объектом любви. Она не замечает в личности отрицательного, недостаточного, особенного, единичного, они для нее не составляют объекта, исчезают перед ней. Для впечатления о личности в целом, для сущности, составляющей объект любви, подобного рода единичность – ничто» [3, с. 55]. Любовь не опреде-

ляется ценностными ориентациями личности именно в силу того, что ее источник – прорыв человека непосредственно к другому человеку в его действительности и конкретности, преодоление отчуждения человека от социальных связей, то есть от общества – от своей человеческой сущности, воплощенной в Другом.

При рассмотрении любви как ценности, обратимся к мнению Гильдебранда, философа-феноменолога, который отклик человека на ценность любви называет ценностным ответом. Любовь представляет собой такого рода ценностное отношение, при котором другой выступает как ценность сама по себе. Именно поэтому Гильдебранд определяет любовь в первую очередь как ценностный ответ. «Существенным для любой любви является то, что любимый человек воспринимается как нечто прекрасное, драгоценное, достойное любви. Если человек для меня лишь полезен, если я могу употребить его качества с пользой для себя, то в этом случае отсутствуют предпосылки любви. Необходимая для любой любви жертвенность – будь то родительская любовь, любовь детей к родителям, любовь к друзьям или супружеская любовь – с необходимостью предполагает, что близкий человек представляется нам чем-то чрезвычайно ценным, прекрасным – объективно достойным любви. Любовь – это ценностный ответ» [4, с. 76].

Любовь отличается от других ценностных ответов – например таких, как уважение, почтение или восторг – тем, что она эмоциональна и безоценочна. В связи с этим Гильдебранд не рассматривает любовь ни как привязанность, ни как заинтересованность, ни как устремленность. А если привязанность, заинтересованность, устремленность, то такие, которые опираются на отношение к Другому как к достойной и прекрасной личности. В любви Другой полностью принимается как личность. Иными словами, Другой интересен и привлекателен не тем, что приятен, обходителен, полезен, остроумен, знатен и т.п. – в любимом интересна и привлекательна личность как таковая, и поэтому любовь – это откровение Другого.

Любовь, по Гильдебранду, обнаруживает себя в двух принципах, или установках: на единение и на благожелательность. Первый принцип заключается в том, что одной из высших целей ценностного ответа является стремление к единению с объектом любви (идентификация себя с другим). Для достижения этой цели человек должен быть бескорыстным и самоотверженным в любви. Благожелательность и единение и есть две высшие категории, с помощью которых и можно постигнуть любовь как сверхценностный ответ.

Необходимо отметить, что любовь как ценностный ответ сверхрациональна, она есть проявление внутренней свободы, поскольку любить можно только свободно, и именно благодаря любви человек обретает подлинную свободу. Кроме того, что любовь выступает как ценностный ответ, можно утверждать, что любовь – это всегда «интенциональный акт»; она предполагает Другого, направлена на его сущность, которая в предельном своем выражении не зависит от существования. В любви возможно познание Другого. Мы видим Другого не только в его бытии, но в возможностях его становления. Замечательно выразил суть любви Ф. Достоевский: «Любить – значит видеть человека таким, каким его задумал Бог» [5, с. 345]. Любовь дает силы и способность принимать

Другого в открытом диалоге, когда и ты сам и тот, кого любишь, открыты, уязвимы и беззащитны. Другой защищаем лишь любовью того, кто принимает его чувства, чаяния, страх и тревогу, связанные с переживанием жизни.

Любовь, помимо познания Другого, предоставляет человеку новые возможности самораскрытия, утверждения своей потенциальной, подлинной, совершенной сущности и самооценности посредством укоренения в безусловно ценном бытии Другого. В любви осуществляется путь познания человеком своей истинной самости как действительного и потенциального бытия «Я». Так, от осознания того, кто «Я» есть, кем могу быть и кем должен стать, человек обращается к созиданию себя, самоорганизации своего бытия, своей сущности, то есть к самосовершенствованию. А. Маслоу считает, что любовь предполагает естественность партнеров, помогает им постоянно открывать друг в друге новые качества и черты и при этом любить друг друга. Очевидно, что взаимное познание доставляет удовольствие партнерам, что им нравятся те черты, которые они обнаруживают друг в друге. Ведь если человек плох, то чем ближе его узнаешь, тем меньше радости будет приносить общение с ним, и в результате это приведет не к упрочению отношений, а напротив, к разрыву всяких связей. А. Маслоу уверяет, что «здесь прослеживаются те же тенденции, которые я обнаружил при исследовании фактора привыкания на восприятие произведений живописи. Я обнаружил, что хорошая картина никогда не надоедает, наоборот, чем дольше и чем чаще мы смотрим на нее, тем больше она нам нравится, тем большее наслаждение мы получаем от нее, тогда как плохая картина, наоборот, вызывает у нас все большее неприятие и даже отвращение» [6, с. 265].

Любовь, направленная на самоутверждение человека посредством обнаружения им самого себя в качестве безусловной ценности в самоценном бытии Другого, приводит к осознанию укорененности «Я» в общей структуре мироздания, к феноменально переживаемой со-бытийности «Я» и окружающего мира, образованного миром других «Я», общества, природы, культуры, космоса. Феномен любви предполагает стремление выйти за пределы индивидуальной жизни, покинуть «тюрьму одиночества», преодолеть страх смерти и страх одинокого существования. «Любовь – это прежде всего межличностное общение, слияние своего «Я» и «Я» другого человека» [7, с. 167].

Итак, можно сделать вывод: любовь – это феномен человеческого бытия и важнейшее его проявление. Он обладает единством телесно-душевного и душевно-духовного принципов, включает в себя тенденцию к совершенствованию и выходу за пределы себя как телесного единства. Кроме того, феномен любви – это акт воли к духовному развитию Другого и саморазвитию, жизнеутверждение, преодоление одиночества, а также установка на единение и благожелательность. «... Именно в любви заметнее всего, как стирается граница между понятиями "во мне" и "передо мной"... таинство, подобное таинству души и тела, постигается только через любовь и само определенным образом ее выражает» [8, с. 82]. Как это ни парадоксально, но именно тогда, когда человек меньше всего думает о себе, он наиболее полно себя реализует.

В любви обнаруживается сущность того, что представляет собой личность. Любовь способна раскрыть тайну не только человеческого бытия, но и бытия

мира в целом. «Смысл любви состоит в человеческой жизни, в "бытии-для-других" (Ж.-П. Сартр), он философски осмыслен как духовное освобождение личности в человеке, основа, благо человека» [8, с. 85]. При этом всякий акт любви, будучи свободным и творческим, определяет и направляет подлинное человеческое существование.

Именно в подлинной любви, являющейся в кипении жизненных сил, человек познает себя – как личность, Другого – как равного себе, обоих – как изначально единое, но при этом, оставаясь личностью, способной к самораскрытию, главной целью которой является жизнеутверждение. Ведь любовь абсолютно противоположна понятию смерти, подлинная любовь всегда есть любовь к жизни. «Любви к жизни нет без вызываемого жизнью отчаяния», – отметил А. Камю [9, с. 67]. Осознание, что индивидуальная жизнь неизбежно закончится смертью, – это катализатор для зарождения осознанной и глубокой любви человека к жизни.

Таким образом, любовь принадлежит к важнейшим характеристикам бытия человеческого рода. Можно утверждать, что любовь перестраивает бытие, то есть создает, формирует новые объекты. Любовь – связь любимого с любящим существом, сопровождаемая особыми эмоционально-волевыми переживаниями; возникновение любви – это онтологическая перестройка, а не только субъективно-психическое переживание. Первичный смысл феномена любви состоит в том, что она есть завершенное стремление к «ты» как подлинной, «я»-подобной реальности, открытие и усмотрение «ты» как особого рода реальности и обретение в нем онтологической опорной точки.

Резюмируя, необходимо отметить, что любовь является не только субъективным чувством, она обладает и социоонтологическими функциями: во многом она изменяет человеческое поведение, формирует нравы и общественные отношения. Одновременно любовь – это еще и особый способ существования ценностного сознания, в чем, по-видимому, и заключается противоречивость бытия любви: ведь в ней воплощаются сущностные, фундаментальные для человека ценности.

Библиографический список

1. Размышления о любви. (Любовь как нравственное явление): М., 1989.
2. *Зубец О.П.* Мораль в зеркале любви // Размышления о любви. (Любовь как нравственное явление): сб. М., 1989.
3. *Фейербах Л.* История философии // Собрание произведений: в 3 т. М., 1967. Т. 1.
4. *Гильдебранд Д. Фон.* Метафизика любви. СПб., 1999.
5. Философия любви / под общ. ред. Д.П. Горского; сост. А.А. Ивин. М., 1990. Ч. 1
6. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
7. *Фромм Э.* Искусство любить // *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.
8. *Марсель Г.* Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // *Г. Марсель.* Трагическая мудрость философии: избр. работы. М., 1995.
9. *Камю А.* Любовь к жизни // *Камю А.* Изнанка и лицо. М.; Харьков, 1998.

V.A. Dmitrieva
The Correlation of the Category
of *Nothing* to Nihilism

The correlation of the category of *nothing* to conceptions of nihilism is analyzed. Special attention is paid to the problem of the mode of existence of *nothing* and its reference.

Key words and word-combinations: nothing, nihilism, being, essence.

Анализируется соотношение категории *ничто* с концепциями нигилизма. Особое внимание уделяется проблеме способа существования *ничто* и его референции.

Ключевые слова и словосочетания: ничто, нигилизм, бытие, сущее.

УДК 11/12
ББК 87.21

В.А. Дмитриева

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИИ НИЧТО И НИГИЛИЗМА

На связь нигилизма с категорией *ничто* указывалось неоднократно, и это представляется вполне естественным при рассмотрении становления той или иной концепции нигилизма. Наша задача состоит в другом: выяснить, какую роль играет категория *ничто* в качестве своеобразного «стимулятора» становления концепций нигилизма.

Нигилизм и *ничто* связаны по крайней мере в двух аспектах. Во-первых, этимологически, поскольку нигилизм происходит от латинского слова «*nihiil*», что в буквальном переводе означает «ничто». Во-вторых, в содержательном аспекте. В самом широком смысле это умонастроение, связанное с установкой на отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры» [1, с. 84]. В этом определении (авторы – В.П. Волгин, В.Ф. Пустарнаков, Э.Ю. Соловьев) все-таки центральной категорией является «отрицание»; именно оно задает весь смысл нигилизму.

В других энциклопедических определениях подчеркивается, что исходно это одна из характерных черт буддийской и индуистской философии [2, с. 705]; на это же указывается и в еще одной современной энциклопедии [3, с. 689], тем более что авторы этих статей, посвященных *ничто* и нигилизму, одни и те же – А.А. Грицанов, Т.Г. Румянцева.

М. Хайдеггер в работе «Что такое метафизика?» обратил внимание на то, что сам вопрос «Что такое *ничто*?» парадоксален и в силу этой парадоксальности, мягко говоря, некорректен. Нельзя спрашивать, что такое *ничто*, поскольку *ничто* – это не предмет, это не что, это полное отсутствие чего бы то ни было.

Прежде чем рассуждать о *ничто*, необходимо убедиться, что *оно есть*. В каком смысле оно есть, как оно может существовать? Точнее бы сказать, *наличествовать*. Само слово «ничто» уже обозначает, что его нет. Это, кстати говоря, относится ко всем словам и терминам: как и где они существуют? На этот вопрос давно, по крайней мере со средневекового спора об универсалиях, обратили внимание реалисты и номиналисты. Но проблема даже не в этом, по сути дела мы имеем дело с проблемой *способа существования*.

М.А. Розов в одной из последних своих книг четко сформулировал эту проблему как проблему способа бытия семиотических объектов [4]. Воспользуемся полученными им результатами, которые, на наш взгляд, могут пролить свет на проблему способа существования *ничто*.

Он задается, например, вопросом: как существует любое литературное произведение? Скажем, «Война и мир» Л.Н. Толстого. Этот роман нельзя идентифицировать с книгой, лежащей у меня на столе или стоящей на книжной полке. Это стопки бумаг, в каждой из которых размещены определенным образом пятна краски. А где роман? И вот, беря в руки эту стопку бумаги и погружаясь в рассмотрение выстроенных значков, мы попадаем в совершенно иной мир XIX в., в котором происходит война, действуют люди с их переживаниями, чувствами, страстями. Розов предложил назвать этот мир, в котором живут персонажи романа «Войны и мира» по аналогии с зеркалом «миром зазеркалья». Но это не снимает проблемы: где и как он существует? Как писал Поль Гольбах, «люди всегда помогали своему незнанию вещей тем, что придумывали слова, с которыми не могли связать определенного содержания» [5, с. 51]. Может быть, и *ничто* такое же слово (термин, категория), поскольку обозначает отсутствие всего сущего?

Это выводит нас на проблему референции понятия: что соответствует тому или иному понятию? У *ничто* такого референта нет, нет *предмета*, это небытие, отсутствие бытия, как и сущего. Так, Платон предполагал, что все вещи имеют прообразы в виде идей, существующих объективно, «где-то», в стране Урании. Но, с точки зрения Платона, идеи *ничто* быть не может. Он, кстати, затруднялся сказать, есть ли идеи, совершенное бытие, которые являются прообразами негативных явлений сущего. Любопытно, что категорию небытия он вовсе не отрицает, о чем свидетельствует диалог «Тезтет». Участник диалога – Чужестранец, подводя итог дискуссии, настаивает на *существовании* небытия. Эти рассуждения осуществлялись в рамках диалектики бытия и иного: бытие и иное пронизывают друг друга, «само иное, как причастное бытию, существует благодаря этому причастию, хотя оно и не то, чему причастно, а иное; вследствие же того, что оно есть иное по отношению к бытию, оно – совершенно ясно – должно быть небытием» [6, с. 332]. Эту позицию отстаивают и обосновывают ныне Н.М. Солодухо, П.А. Сапронов. Не менее важно продолжение рассуждений Чужеземца: «С другой стороны, бытие, как причастное иному, будет иным для остальных родов и, будучи иным для них всех, оно не будет ни каждым из них в отдельности, ни всеми ими, вместе взятыми, помимо его самого, так что снова в тысячах случаев бытие, бесспорно, не существует...» [6, с. 332], а значит, является как небытие. Но это уже не чистое небытие, так сказать, конкретное *ничто*.

Это же относится и ко всем другим философским категориям. Имеют ли, например, категории «качество», «количество» объективный референт? Вроде бы

да, но, указывая на «этот референт», мы указываем на вполне конкретную вещь или группу вещей, предмет, который принципиально отличается от этих категорий.

Изложенное напоминает ситуацию с улыбкой Чеширского Кота Льюиса Кэрролла, на которую обращает внимание М.А. Розов, когда Кот постепенно исчезал, начиная с хвоста, а улыбка ещё некоторое время продолжала присутствовать, пока тоже не исчезала. Мартин Гарднер, написавший примечания к «Алисе в стране чудес», указывает на то, что выражение «улыбка без кота» представляет собой неплохое описание чистой математики. А действительно, что такое чистая математика и где её найти? Любая формула чистой математики или физики ставит перед нами тот же вопрос: где и как они существуют? Эмпирически мы знаем белизну снега, чистого листа бумаги, фату новобрачной и т.п. Это реальные вещи, обладающие свойством белизны. А какими «свойствами» обладает *ничто*? Вроде бы оно не должно обладать никакими свойствами.

М.А. Розов предлагает следующий выход из сложившейся ситуации: «Но если так, то в лице улыбки знаменитого Кота мы имеем действие или состояние, лишенное субстанции, пример характеристики объекта без самого объекта. Мы привыкли, что это возможно в абстракции, но никак не в рамках эмпирической реальности. В эмпирии характеристика без объекта – это то же самое, что и круглый квадрат!» [4, с. 11]. *Ничто* тоже парадоксально, поскольку его нет, а мы о нем рассуждаем, стремимся осмыслить, уже одно это приводит к парадоксу. Иными словами, *ничто не является субстанцией* и являться ею в принципе не может, поскольку это не предмет, и все же обладает какими-то характеристиками. Ведь «что-то» о нем мы знаем и выражаем.

Из изложенного вытекает следующий вопрос: является ли *ничто* только абстракцией (то есть существует, как полагали номиналисты, только в уме человека, а не в объективной реальности)? Как писал Гегель (в «Энциклопедии философских наук»), в философии важно не то, что можно мыслить, а то, что действительно мыслят, и подлинную стихию мысли следует искать только в самом мышлении. Выделим две основные перспективы в обсуждении проблематики *ничто*: оно является только абстрактным понятием, то есть существует только в нашем уме, в сознании, оно обладает реальным существованием (но каким, это остается вопросом). Упомянутые современные исследователи Н.М. Солодухо и П.А. Сапронов полагают и обосновывают мысль о том, что *ничто* существует. Как бы там ни было, эта категория, возникшая практически на заре формирования философии (Парменид: «бытие есть, небытия нет»), а какие-то представления существовали прежде и прошли в том или ином виде через историю философии до наших дней, заслуживает самого серьезного осмысления и исследования. Ещё раз подчеркнем, что данная проблема имеет смысл для обсуждения как проблема способа бытия. Если *ничто* есть, то каков способ этого бытия? Иными словами, *ничто* фактически оказывается неотделимой категорией от категории бытия.

Первое, что можно сказать о *ничто*, это то, что оно, как и бытие Парменида, неизменно. Но если оно действительно существует, как существует и бытие (которое, согласно Пармениду мы и помыслить-то несуществующим не можем), то относительно *ничто* высказывания должны быть более осторожными и, как ныне говорят, «взвешенными». Мы не должны, исходя из положения о том, что бытие есть *ничто*, отождествлять эти категории, напротив, необходи-

мо, самое главное, выявлять их специфику. Но во всяком случае без категории бытия не обойтись. И это обсуждение имеет смысл не только на уровне самых абстрактных философских категорий, но и жизненно важный, экзистенциальный смысл (именно с ним связано появление нигилизма).

Термин «нигилизм» употреблялся по-разному в интеллектуальной истории. В XII в. этим термином обозначали одну из религиозных ересей, отрицавшую богочеловеческую природу Христа, – ересь «нигилизма». В XVIII в. термин «нигилизм» закрепляется в научном языке. Во второй половине XIX в. появились концептуальные построения А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера и других. Шопенгауэр представил нигилистически окрашенную концепцию «буддийского» безразличия. Шпенглер рассматривал в своей книге «Закат Европы» нигилизм как характеристику упадка европейской культуры. Ницше разработал самую кардинальную концепцию нигилизма. Он считал все основные принципы разума, сформулированные в европейской философской традиции, начиная с Сократа. Именно Сократ, а затем Платон и Аристотель считали эту парадигму «опаснейшим покушением на жизнь». Создавая все более абстрактные понятия, мы удаляемся от жизни и витаем в области чистых понятий. Апофеозом этого явилась философская система Гегеля, где все есть Понятие.

Обсуждение вопросов нигилизма следует начать с понимания метафизики М. Хайдеггером. Первоначально оно было изложено в лекции «Что такое метафизика» (1929 г.). Он указывает на то, что всякий спрашивающий о метафизике сталкивается с двумя обстоятельствами: во-первых, любой метафизический вопрос охватывает метафизику в целом; и это не случайно, ибо метафизика является универсальной философской концепцией, так или иначе выходящей на все философские проблемы; во-вторых, любой метафизический вопрос может быть задан при условии, что сам спрашивающий вовлекается в него, то есть сам ставится под вопрос. Последнее обстоятельство знаменательно в том отношении, что с самого начала провозглашается неклассический подход к философствованию в отличие от классического, жестко противопоставлявшего и разделявшего субъект и объект познания. А это означает, что экзистенция, человеческое присутствие, человеческое существование приобретает весьма важное место в философствовании: «...как раз когда человек науки закрепляет за собой свою подлинную суть, он явно или неявно заговаривает и о чем-то другом. Исследованию подлежит только сущее и более – *ничто*; одно сущее и кроме него – *ничто*; единственно сущее и сверх того – *ничто*» [7, с. 17].

Своему воззрению относительно *ничто* Хайдеггер остался верен до конца своей жизни. Об этом свидетельствуют известный немецкий философ Юрген Хабермас [8], а также отечественный философ и талантливый переводчик работ Хайдеггера на русский язык В.В. Бибихин [9]. Об этом же пишет В.Н. Гасилин [10, с. 24].

Что же это за таинственное *ничто*, которое наука отвергает как «жуть и бред» и не желает иметь с ним дело, но не может обойтись без *ничто*. Вообще сам вопрос о *ничто* парадоксален: как можно спрашивать о том, чего нет? Ведь мы всегда спрашиваем о нечто, о том, что существует. А как можно вопрошать о том, чего не, что не существует? Человек как сущее и притом конечное сущее может ли помыслить *все* сущее, а именно в этом состоит задача метафизики. Можно «помыслить сущее целиком в «идее» его совокупности и подвергнуть

этот продукт воображения отрицанию и снова «помыслить» как нечто отрицательное. Но на этом пути мы, конечно, получим формальное понятие воображаемого *ничто*, однако никогда не получим само *ничто*» [7, с. 19].

Этот формальный путь тупиковый хотя бы потому, что все сущее в целом нам никогда не дано. Мы сталкиваемся с *ничто*, когда «берет тоска». Это не скука от дела или какого-то занятия вообще. «Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ним в одну массу какого-то страшного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом» [7, с. 20].

Ничто как отрицание сущего – это один аспект. И в данном аспекте, собственно, и возникает основание для нигилизма, на базе которого он развился. Нигилизм направлен на ниспровержение сущего, а не бытия вообще. Последнего рода нигилизм практически не встречается как интеллектуальное движение.

Многие исследователи указывают на нигилизм Ницше, но все-таки оценка этой концепции неоднозначна. Ницше провозглашают основателем нигилизма, что далеко не так, что достаточно основательно показано в современных исследованиях [11]. Следует обратить внимание на два аспекта в связи с обсуждаемой проблематикой. Во-первых, Ницше ни в одной работе не употреблял категорию *ничто*. Во-вторых, нигилизм, который часто стремятся представить как какой-то всеобъемлющий и даже абсолютный, не носил у него такого характера. Он с большой четкостью и страстностью стремился обратить внимание на то, что наступает *иная* эпоха, в рамках которой формулируется, возникает иная система ценностей. Отсюда идея сверхчеловека как носителя этой новой системы ценностей. Нигилизм у Ницше – отрицание прежней системы ценностей и замены ее новой. И теперь, уже по прошествии ста лет, это стало очевидным.

Нигилизм с *ничто* явным образом коррелирует, однако эта «родственная» связь по этимологии не означает их родство по содержанию. Это следует из двоякого понимания *ничто*: как полного отрицания бытия и всего сущего и как отрицания «части» сущего. Именно в таком виде нигилизм присутствует как в современной философии, так и в интеллектуальной жизни общества.

Библиографический список

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3.
2. История философии: энциклопедия. Минск, 2002.
3. Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск, 2003.
4. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2008.
5. Гольбах П. Система природы. М., 1940.
6. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / общ. ред., примеч. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М., 1993.
7. Хайдеггер М. Время и Бытие. Статьи и выступления / пер. с нем. М., 2010.
8. Хабермас Ю. Хайдеггер: творчество и мировоззрение // Историко-философский ежегодник '89. М., 1989.
9. Бибихин В.В. Дело Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.
10. Гасилин В.Н. Экзистенциализм. Саратов, 2009.
11. Сапронов П.А. Путь в Ничто: очерки русского нигилизма. СПб., 2010.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.Yu. Abakumov, T.A. Shishkina
From the History
of the Saratov Regional
Communist University:
Materials and Documents
1922-1923

УДК 37.017(470.44)
ББК 74.03(235.54)

О.Ю. Абакумов, Т.А. Шишкина

**ИЗ ИСТОРИИ
САРАТОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА:
МАТЕРИАЛЫ
И ДОКУМЕНТЫ
1922–1923 ГОДОВ**

**Докладная записка заведующему
Саратовским губернским отделом
народного образования
«Об организации в г. Саратове
коммунистического университета,
на основании постановления комиссии
при подотделе совпартшкол
главполитпросвета»
от 15 марта 1922 г.:***

«15 сентября с/г. в г. Саратове должен
быть организован Коммунистический Универ-
ситет с 1 1/2 годичным курсом, на 350 чело-
век, задачи которого, как и всех уже суще-
ствующих коммунистических университетов,
подготовка коммунистически воспитанных и
серьезно образованных марксистов-коммуни-

* Сохранены орфография и пунктуация доку-
ментов.

стов. Выполнить задачу в полуторагодовой срок возможно и не удастся, т.к. программа, которая вырабатывается центром для вновь открываемых по Республике краткосрочных коммунистических у-тов, не получена, а кроме того, эта программа по соглашению может быть расширена руководящими органами и срок курса увеличен.

В районе обслуживания коммунистического у-та входят следующие губернии: Саратовская, Симбирская, Самарская, Царицынская, Астраханская, Пензенская, Тамбовская и, по соглашению с Нацменом, и область Немцев Поволжья.

Для серьезной постановки занятий д.б. проведено более строгое комплектование, и поэтому необходимо принимать товарищей, имеющих достаточный образовательный багаж для восприятия и сознательной переработки столь повышенного курса; в основу комплектования должны быть приняты следующие условия:

- 1) Основательное знание общественных наук в объеме программы Губсовпартшкол;
- 2) Хорошее знание арифметики, хотя бы в размере 4-х правил;
- 3) Уметь хорошо и бегло читать и писать на русском языке.

Проведение всей организационно-хозяйственной работы Центром возложено на Саратовскую Губсовпартшколу и для урегулирования всех организационных вопросов с заинтересованными в открытии Коммунистического У-та губерниями поручено созвать не позже 1-го Июля совещание из представителей указанных губерний.

До проведения всей организационно-педагогической работы, как открытию Ком. У-та, так и к совещанию, Саргубпартшкола считает необходимым поставить принципиально этот вопрос на рассмотрение Губкомпарта, а также ряд других практических вопросов.

Помещение, занимаемое Губпартшколой, является не вполне достаточным, т.к. при У-те будет составлена Губпартшкола на 100 человек для обслуживания Саратовской губ., и поэтому необходимо занимаемые в этом здании Формоподом два нижних этажа освободить, представив школе ныне занимаемое помещение полностью под аудитории библиотеку-читальню и др. научные кабинеты, и еще дополнительно одно здание для оборудования интерната, столовой и приемного покоя. Для этого являются подходящие два здания, которые вполне могут быть представлены У-ту, а именно: помещение Губпродкома и б. Травматологического И-та – временно занятое 3-й Сов. Больницей (д.б. Бендера уг. Царицынской и Никольской).

Для оборудования интерната и столовой имеется только постельных принадлежностей на 150 человек. Необходимо дополнительное получение постельных принадлежностей на 200 человек и посуды на 350 ч. из Центра или через Губздрав из местн. ликвидирован. госпиталей и др. хозяйственных органов, иначе на это потребуются деньги не менее 3-х миллиардов.

Лекторский состав имеет школа частично, а также он будет пополняться из лекторской группы при Агитотделе и Губпартшколе; предполагается из Центра частичная присылка лекторов и возможно Губкомпарту придется снять не-

сколько ответственных работников, могущих вести лекционную работу в У-те и имеющих специальную педагогическую подготовку для этого. Литература имеется, но не в достаточном количестве. Необходимо, кроме предполагаемой к отпуску из Центра, получить через соответствующие руководящие органы, из местных библиотек.

Продовольствием и денежными суммами по ... нарядам будет обеспечено работникам организации по хозяйственной работе и прибывшим на совещание представителям заинтересованных губерний во все время совещания, причем проезд и др. расходы по командировке, по указанию Центра, берутся каждой губернией на себя.

Для проведения всей организационно-хозяйственной работы к открытию Ком. У-та необходимо выделить руководителя будущего У-та, который по окончании организационной работы остается заведующим У-та.

Для скорейшего проведения работы и для подготовки материалов к совещанию необходимо создать организационное бюро в следующем составе: руководитель буд. Ком. У-та и представители Губкомпарта и Губполитпросвета, которые персонально намечаются Губкомпартом, утверждаются Губно через Губисполком.

ЗАВГУБПАРТШКОЛОЙ:

Мая 2 дня 1922 г. Саратов».

(ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1 Д. 1. Л. 3–3 об. Машинопись).

**Протокол № 1 совещания правления
Саратовского областного коммунистического университета
от 1 октября 1922 г.:**

«Присутствовали: Ректор Р.И. Малецкий и Проректор по учебно-воспитательной части В.Г. Ильинский.

Обсуждали вопрос: о сроке сбора студентов, приемных испытаний, проведения через психотехнический кабинет и о плане предстоящих работ.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Срок сбора студентов установить с 1-го по 10-е Ноября, приемных испытаний и проведения через психотехнический кабинет с 10 по 30-е ноября; занятия начать с 1-го Декабря.

2. Административно-хозяйственной части поручается провести всех командированных в Университет через баню и медицинский осмотр, их вещи – через дезинфекционную камеру.

3. Учебно-воспитательная часть приступает немедленно к выяснению личного состава преподавателей для первого семестра.

4. Составляет расписание экзаменов.

5. Определяет число и состав экзаменационных комиссий.

6. Вырабатывает с приглашенными преподавателями программу испытаний по всем предметам курса Губпартшколы, в частности, выясняет основные вопросы по всем предметам, знакомство с которыми потребуется от экзаменуемых. Программы испытаний заранее доводятся до сведения студентов.

7. Вырабатывает анкету для поступающих.
 8. Устанавливает с заведующим психотехническим кабинетом программу исследований.
 9. Составляет расписание занятий на первый семестр.
 10. Предлагает приглашенным преподавателям составить поурочное распределение учебного материала.
 11. Выяснить объем и характер клубных работ.
 12. Совместно с административно-хозяйственной частью организует жизнь съехавшейся молодежи, согласно утвержденным инструкциям.
- Разработка пунктов 2, 3, 4, 5, 6 должна быть закончена до 1-го Декабря с/г., остальных до 10-го Ноября.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ [подпись] (Малецкий)
СЕКРЕТАРЬ [подпись неразб.]
(ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1 Д. 1. Л. 10. Машинопись).

**Правила приема
в Саратовский областной коммунистический университет**

- I. В Областной Коммунистический Университет принимаются рабочие и крестьяне не моложе 16 лет, командированные губкомами Р.К.П., в пределах представленных мест.
- II. Для поступления в Областной Коммунистический Университет требуется следующая подготовка:
 - а) по обществоведению и экономике:
 - 1) знание основ Конституции Р.С.Ф.С.Р. в пределах книги СТУЧКИ,
 - 2) знание политической экономии в рамках книги БОГДАНОВА «Краткий курс экономической науки»,
 - 3) знание истории Р.К.П. в размерах брошюры БАРДИНА «Краткий очерк Р.К.П.»,
 - 4) знание истории рабочего движения в пределах брошюры ФРИЧИ «История рабочего движения в России» или БАТУРИНА «Очерк истории соц.-демократии в России»;
 - б) по русскому языку:
 - 1) умение выразительно, свободно прочитать рассказ, газетную статью и т.п.,
 - 2) умение относительно ясно, точно, логически передать содержание прочитанного отрывка из художественного или научного произведения или газетной статьи,
 - 3) умение в письменной форме ясно, точно, последовательно, орфографически и грамматически правильно переложить статью или отрывок из какого-либо произведения;
 - в) по математике знания:
 - 1) нумерация чисел в пределах биллиона,
 - 2) четыре действия над целыми числами,
 - 3) зависимость между числами в каждом действии,
 - 4) понятие о раздроблении и превращении,

- 5) метрические меры (метр, сантиметр, километр, грамм, килограмм),
- 6) русские меры,
- 7) действия над составными именованными числами,
- 8) квадратные и кубические меры,
- 9) простые дроби и действия над ними (периодические дроби не требуются). Обращение простых дробей в десятичные.

III. В целях определения подготовки поступающих в пределах, предусмотренных статьей 2-й, пунктами «а», «б», и «в», с октября будут организованы приемные экзамены.

IV. Экзамены производятся приемной комиссией в составе 1) Заведующего Учебной Частью Областного Коммунистического Университета, 2) Представителя Губкома РКП, представителя Губпрофссвета и преподавателя той области знания, по которой производятся испытания.

ПРИМЕЧАНИЕ 1-е: Председателем экзаменационной комиссии является Заведующий Учебной Частью или его заместитель.

ПРИМЕЧАНИЕ 2-е: Если на экзамен является Ректор, то функции Председателя передаются ему.

V. Знания определяются следующими обозначениями: «весьма хорошо», «удовлетворительно» и «слабо».

ПРИМЕЧАНИЕ: Получение «слабо» по одному предмету не является препятствием к поступлению в У-т; получившие же в общем выводе «слабо» в У-т приняты не будут.

VI. Общее заключение об успехах поступающих выводит экзаменационная комиссия, а зачисление на основании данных и командировок и экзаменационной комиссии производит Правление Университета.

VII. Испытаниям должен предшествовать медицинский осмотр. Признанные больными не будут допускаться к экзаменам.

VIII. Фактический прием в У-т должен начаться с 10 Октября.

IX. Порядок и срок приема распределяется следующим образом:

- 10, 11, 12 Октября – медицинский осмотр;
- 13 и 14 З – письменный экзамен по русскому языку;
- 15, 16, 17 З – экзамен по русскому языку (устный);
- 18, 19, 20 З – экзамен по математике;
- 21 и 22 З – экзамен по обществознанию.

X. В виду того, что в связи с экзаменами возможно установление неподготовленности части поступающих и непринятие ее в У-т, разрешается Губкомам командирование еще 25% ее.

XI. В случае выдержания испытания всеми поступающими в степени не ниже «удовлетворительно» при условии наличия их в числе большем, чем можно принять в У-т, прием будет производиться по степени успеваемости и принадлежности к партии Р.К.П., и в первую очередь зачислены будут имеющие «весьма» и партийные, получившие в общем выводе «удовлетворительно».

(ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1 Д. 1. Л. 40–42. Машинопись).

**Положение
о Саратовском областном коммунистическом университете**

§1. Саратовский Областной Коммунистический Университет – высшее учебное заведение, имеющее своей целью подготовку марксистски образованных партийных и советских работников губернского и областного масштаба.

§2. Университет находится в непосредственном ведении Главполитпросвета Наркомпроса и содержится в отношениях административно-хозяйственном и учебно-воспитательном на средства государства, отпускаемые в образовательном порядке по сметным назначениям.

§3. Студентами Университета могут стать рабочие и крестьяне, достигшие 18 лет и удовлетворяющие правилам приема, установленным Правлением Университета и утвержденным Главполитпросветом.

§4. Университет обслуживает губернии: Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Царицынскую, Астраханскую, Тамбовскую, Пензенскую, Область Немцев Поволжья, и все студенческие вакансии распределяются Ц.К. Р.К.П. по Губкомам Р.К.П., которые и командируют лиц, соответствующих правилам §3 настоящего положения.

§5. Занятия в Университете открыты круглый год, но Правлению предоставляется право делать перерыв с таким расчетом, чтобы в общей сложности эти перерывы не превышали трех месяцев в течение года, а занятия продолжались не менее девяти месяцев.

§6. Курс Университета состоит из общего и специального цикла.

Специальный цикл распадается на три отделения:

а) экономических наук, б) административно-правовое (юридическое) и в) естественно-историческое, объединяющие основные группы дисциплин и представляющие собой в научно-учебном отношении законченный цикл.

§7. Отделения имеют целую подготовку: а) экономических наук – руководителей и работников государственных и хозяйственных органов кооперативов и профдвижения; б) административно-правовое – руководителей и работников административных органов, работников юстиции и в) педагогическое – педагогов школьного типа, пропагандистов, руководителей политико-просветительных работ, партийных работников и журналистов.

§8. При Университете могут быть учреждены, на основании особых положений, утвержденных Главполитпросветом, научно-исследовательские институты, курсы и научные ассоциации.

§9. Продолжительность курса в Университете в научный план устанавливается Правлением и утверждается Главполитпросветом.

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

§10. Руководство учебно-воспитательной и административно-хозяйственной деятельностью Университета принадлежит, под общим наблюдением и контролем Главполитпросвета, Правлению Университета.

§11. Заведывание Университетом и ответственность за состояние его перед Правлением возлагается на Ректора Университета.

§12. Ректор Университета назначается Главполитпросветом из числа кандидатов на эту должность, выдвигаемых Саратовским Губкомом РКП.

§13. Ректор Университета имеет двоих помощников, на одного из которых возлагается заведование учебной частью, а на другого административно-хозяйственной.

§14. Помощники Ректора назначаются последним по соглашению Губкомом Р.К.П. и утверждаются Главполитпросветом.

§15. Заведывание отделениями и ответственность за состоянием их перед Советом отделения и Правлением Университета возлагается на помощников заведующего учебной частью, назначаемых по предложению последнего Правлением Университета.

§16. Объединение и руководство методической работой данной группы родственных дисциплин возлагается на предметного руководителя, назначаемого Правлением Университета по предоставлению учебной частью.

§17. Для разработки вопросов учебно-методического характера предметный руководитель созывает совещания, организует комиссии под общим руководством учебной части.

СОСТАВ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ

§18. В состав правления Университета входят: а) Ректор (председатель правления), б) заведующий учебной частью, г) один представитель месткома, д) один представитель от студентов последнего.

ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ

§19. Обязанности предметного руководителя:

Предметные руководители под руководством учебной части проводят:

- 1) распределение преподавателей и научных сотрудников между различными учреждениями, ему подведомственными;
- 2) распределение курсов, читаемых по данному циклу дисциплин Предметной Комиссии, между преподавательским персоналом;
- 3) детальную разработку методов и учет работы;
- 4) руководство находящимися в его ведении вспомогательными учреждениями;
- 5) предлагают заведующему учебной частью кандидатов на должности преподавателей и научных сотрудников и дает отзывы о таковых.

§20. Правление университета:

- 1) рассматривает и утверждает все важные постановления учебной и административно-хозяйственной частью;
- 2) назначает и увольняет преподавателей и научных сотрудников по предоставлению учебной части;
- 3) назначает по предоставлению учебной части заведывающих учебно-воспитательными учреждениями, обслуживающие весь университет в целом;
- 4) утверждает учебные планы и сметы.

§21. Все вопросы в Правлении Университетом решаются простым большинством голосов.

§22. Ректор университета:

- 1) проводит в жизнь все постановления Правления Университета и распоряжения Главполитпросвета и других центральных и местных органов власти;

- 2) имеет право приостановить решения;
- 3) имеет право отвода преподавателей и научных сотрудников до решения вопроса в Правлении Университета;
- 4) назначает и увольняет по представлению административно-хозяйственной части всех служащих последней;
- 5) сносится от имени Университета и его Правления со всеми учреждениями и должностными лицами Республики;
- 6) предоставляет отчетность о деятельности и состоянии Университета в Главполитпросвет;
- 7) имеет право приостановить решение Правления Университета, доводя об этом до сведения Главполитпросвета.

§23. Заведывающий [sic!] учебной частью:

- 1) руководит всей учебно-методической и воспитательной работой Университета;
- 2) руководит разработкой программ и учебных планов;
- 3) координирует и направляет учебную деятельность всего Университета в целом;
- 4) руководит организационной работой в области создания библиотек, кабинетов и т.д.;
- 5) наблюдает за работой преподавателей, ассистентов и т.п.;
- 6) руководит воспитательной стороной студентов;
- 7) наблюдает за выполнением педагогическим персоналом и студентами учебных планов и определяет меры взыскания по отношению к уклоняющимся от выполнения таковых;
- 8) ведет учет достижений Университета в области учебной, вырабатывает мероприятия в направлении усовершенствования ее;
- 9) устанавливает перед началом учебного года комплект студентов, подлежащих приему, и предоставляет через Правление Университета на утверждение Главполитпросвета.

§24. Заведывающий административно-хозяйственной частью:

- 1) следит за правильным и своевременным исполнением всех постановлений Правления Университета и распоряжений Главполитпросвета, Ректора Университета и вообще всех центральных и местных органов власти;
- 2) руководит ведением канцелярского делопроизводства, счетоводства и составлением отчетности;
- 3) руководит составлением смет и представляет таковые на утверждение Правления Университета;
- 4) заботится об оборудовании и ремонте помещений под аудитории, кабинеты, общежития и т.д.;
- 5) заботится о снабжении этих последних топливом и освещением;
- 6) следит за состоянием помещений в санаторном оснащении и выполнением служащими и студентами требований санитарии и гигиены;
- 7) заботится об обеспечении студентов пищей, одеждой, обувью и т.п.;
- 8) получает и расходует в установленном порядке денежные средства;
- 9) производит все расчеты с учреждениями и лицами;

- 10) ведет учет имущества и отвечает за состояние его;
- 11) наблюдает за выполнением служащими и студентами правил Университета и распоряжений Правления и Ректора;
- 12) определяет меры взыскания по отношению к лицам, неисполняющим таковых.

§25. Заведующие учебной и административно-хозяйственной частью ответственны перед Правлением и Ректором Университета и все свои распоряжения проводят в жизнь с санкцией последнего.

§26. Настоящее положение вступает в силу со дня утверждения его Главполитпросветом и может [быть] опять отменено или заменено только последним.

[Надпись]: Верно: Секретарь п/отд. пропаганды ЦК РКП [неразб.]

4/Х- 1922 г. Печать Управления делами ЦК РКП(б)».

(ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1 Д. 1. Л. 26–30. Машинопись).

**Временные правила внутреннего распорядка
в общежитии студентов СОКУ
и курсантов ГПШ на время с 1 июня по 1 сентября 1923 года:**

«I. РАСПОРЯДОК ДНЯ

1. Во время учебных занятий в здании общежития остаются только дежурные, дневальные и больные (последние должны иметь на руках записку врача об освобождении их от занятий).

2. Посещать столовую на обед с 1 ч 30 м до 4 ч 30 м, причем выдача обедов с 3 ч 30 м производится дежурными и на ужин с 6 до 8 ч вечера. Не посетившим без уважительных причин столовую в указанное время обеда и ужины не выдаются. На обед и ужин ходить только целыми установленными группами.

3. Период времени с 7 до 10 ч вечера ежедневно объявляется «мертвыми часами», когда шум, возня, пение, игра и т.д. категорически воспрещаются.

4. С 10 до 1 часу ночи время является свободным, но тут предлагается придерживаться при игре, пении и т.д. известных границ.

5. В 11 часов ночи во все дни, кроме субботы, и в субботу в 2 часа ночи все должны находиться в общежитии по своим комнатам. С этого времени хождение по коридорам воспрещается и в общежитии должна быть абсолютная тишина.

6. Учитывая необходимость нормально-продолжительного сна, ложиться спать рекомендуется не позднее 1 ч ночи.

7. Двери в общежитии запираются в 1 ч ночи.

II. ПОСЕЩЕНИЕ ОБЩЕЖИТИЯ ПОСТОРОННИМИ ЛИЦАМИ

8. Оставлять на ночлег посторонних лиц безусловно воспрещается.

9. В свободное от занятий время разрешается посещение общежития посторонними лицами, приходящими к живущим в общежитии.

10. Все посещающие общежитие должны регистрироваться у дневального, после чего лишь и пропускаются в общежитие.

III. СОБЛЮДЕНИЕ ЧИСТОТЫ

11. Соблюдать чистоту и порядок как в комнатах, так и в коридорах.

12. Аккуратно пользоваться уборными и умывальниками: не бросать в раковины, унитазы и писсуары бумагу, окурки и пр. и не выливать остатки пищи.

13. Мусор из комнат выметать в коридор только утром, после сна, в остальное время сор из комнат убирается студентами и курсантами в мусорные корзины.

14. Курить воспрещается [1] в комнатах лишь при условии тщательного проветривания таковых.

15. Воспрещается в обуви ложиться на постель; последняя должна утром тотчас же после сна заправляться в надлежащий вид.

16. Категорически воспрещается обедать и ужинать в комнатах и на кухне; в последней исключение предоставляется только служащим и дежурным по кухне.

17. В столовой и кухне соблюдать порядок, не курить и не кричать, аккуратно переносить кипяток и пищу, не разливая на пол.

IV. ОБРАЩЕНИЕ С ИНВЕНТАРЕМ

18. Всякое переселение из комнаты в комнату, а равно и переноска инвентаря без ведома коменданта воспрещается.

19. Выносить какие-либо вещи из общежития без пропуска старшего дежурного по общежитию воспрещается.

20. Ответственность за казенное имущество, чистоту и порядок в комнате в первую голову несет старший по комнате.

V. КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВИЛ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА

21. Ответственность за соблюдение настоящих правил в целом несет адм.-[административно-] х.[озяйственный] староста и ежедневно назначаемые в помощь ему трое дежурных по общежитию.

22. Адм. х. староста У-та и Губпартшколы [может] по отношению к студентам и курсантам, не выполняющим настоящие правила, применять репрессии в виде выговора и назначения вне очереди на дневальство.

23. В случае упорного и неоднократного нарушения правил т.т. привлекаются к ответственности перед товарищеским судом с последующим обсуждением их поведения Правлением ОКУ или Завгубсовпартшколой.

24. Все перечисленные выше правила распространяются целиком и полностью на администрацию и служащих, живущих в общежитии.

Примечание к §22. О всяком случае наложения адм. хоз. старостой репрессий должно быть доведено до сведения председателя Адм. Хоз. Совета.

Председатель Адм. Хоз. Совета Фейгельсон

Адм. Хоз. Староста У-та [неразб.]

“ “ Школы Угрюмов

Утверждаются:

Ректор СОКУ Малецкий Завгубсовпартшколой: Коростелев

С подлинным верно:

Секретарь Правления Комуниверситета: [подпись]».

(ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1 Д. 1. Л. 141–141 об. Машинопись).

T.N. Mitrokhina
The International Scientific
and Practical Conference
“The Ruling Elite and the
System Opposition in
Modern Russia and Abroad:
Alternative Projects of Social
and Political Development”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration;
with the assistance
of the Friedrich Ebert Stiftung,
September 5–6, 2012)

УДК 316.334.3:1:316
ББК 60.561.3+60.027

Т.Н. Митрохина

**Международная научно-
практическая конференция
«Правящая элита
и системная оппозиция
в современной России
и за рубежом:
альтернативные проекты
социально-политического
развития» (Саратов,
Поволжский институт
управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации;
при поддержке Фонда
имени Фридриха Эберта;
5–6 сентября 2012 года)**

5–6 сентября 2012 года в Поволжском институте управления им. П.А. Столыпина – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации при поддержке Фонда имени Фридриха Эберта состоялась международная научно-практическая конференция «Правящая элита и системная оппозиция в современной России и за рубежом: альтернативные проекты социально-политического развития». В конференции приняли участие ученые из Германии, Словении, Армении, Украины и Казахстана; российские политологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Вла-

димира, Краснодара, Омска, Волгограда; представители саратовской школы политической науки из Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратовского государственного социально-экономического университета и Саратовской государственной юридической академии.

Участников конференции приветствовали представители Фонда имени Фридриха Эберта, сотрудничество с которым осуществляется третий год: в 2010 г. при поддержке Фонда была проведена международная научная конференция «Молодежный радикализм провинциального социума в условиях трансформирующегося общества»; в 2011 г. состоялась международная научная конференция «Новые стратегии и практики взаимодействия государства и гражданского общества: российский и европейский опыт». Плодотворное сотрудничество продолжилось в 2012 г.

Обсуждение проблемы проходило в рамках пяти сессий. На заседании сессии «*Конкуренция альтернативных проектов как механизм развития демократического общества: Россия и зарубежный опыт*» модераторами выступили О.Н. Фомин, доктор политических наук, профессор, заместитель директора Поволжского института управления им. П.А. Столыпина и А.Ю. Сунгуров, доктор политических наук, директор Центра «Стратегия», заведующий кафедрой прикладной политологии национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

В фокусе исследовательского внимания оказались следующие темы: состояние экспертно-аналитического сообщества в современной России и за рубежом; российские и зарубежные центры политического проектирования и прогнозирования; проблемы взаимодействия и культура взаимоотношений экспертно-аналитических центров с органами государственной власти. Были заслушаны и обсуждены доклады: «Российские «фабрики мысли» как субъект артикуляции альтернатив социально-политического развития» А.Ю. Сунгурова; «Царствующая элита и забытое общество: смена веков» А.Г. Чернышова, доктора политических наук, профессора, генерального директора Центра стратегических инициатив и прогнозов, декана факультета социальных технологий, заведующего кафедрой политологии Российского государственного торгово-экономического университета (Москва); «Протестное движение в России и оформление новой оппозиции» М.В. Мамонова, кандидата политических наук, руководителя исследовательских проектов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ, Москва); «Дискурсивные практики правящей элиты и системной оппозиции: кризисный дискурс» Т.Н. Митрохиной, доктора политических наук, профессора, заведующего кафедрой политических наук Поволжского института управления им. П.А. Столыпина

Работу сессии «*Субъекты артикуляции альтернативных проектов социально-политического развития: зарубежные практики*» модерировали О.А. Лиценбергер, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории российской государственности и права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, и А.Н. Николаев, доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе Саратовского государственного социально-экономического университета.

На сессии обсуждались проблемы практической реализации проектов со-

циально-политического развития в зарубежной практике. Докладчики познакомили участников с механизмами взаимодействия правящей элиты с оппозиционными партиями, общественными организациями, движениями и политическими силами при согласовании позиций в процессе принятия политических решений как на парламентской, так и на внепарламентской основе. Острый интерес и столкновение мнений вызвали антикоррупционные проекты, успешно реализуемые за рубежом.

В рамках сессии с докладами выступили: директор Европейского центра этнических, региональных и социологических исследований, заведующий кафедрой международного права и международных отношений юридического факультета Университета г. Марибор (Словения) Сильво Деветак («Угасающая модель европейской демократии – дополнительный удар финансового и социально-экономического кризиса»); кандидат экономических наук, заведующий отделом Канады Института США и Канады РАН (Москва) В.И. Соколов («Партийно-политическая система Канады: роль правящей элиты и оппозиции»); кандидат исторических наук, менеджер образовательной сети по добросовестности, ТИРИ (Великобритания), старший преподаватель Ереванского государственного университета А.З. Алексанян («Коррупция в общественно-политической жизни Армении»).

Сессия *«Дискурсивные практики официальной власти и системной оппозиции»* проходила под председательством Т.Н. Митрохиной и Э.В. Чекмарева, доктора политических наук, профессора кафедры политических наук Поволжского института управления им. П.А. Столыпина.

В рамках сессии оживленные дискуссии вызвали доклады молодых ученых, выполненные при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту «Кризисный дискурс правящей элиты и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ»: кандидата политических наук, доцента кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии М.В. Горбачева на тему «Кризисный дискурс президентов Российской Федерации: сравнительный анализ ключевых трендов»; магистранта Поволжского института управления им. П.А. Столыпина А.Г. Соколова «Альтернативные пути развития России в условиях экономического кризиса: сравнительный анализ кризисных дискурсов «Единой России» и КПРФ»; кандидата политических наук, старшего преподавателя кафедры политических наук Поволжского института управления им. П.А. Столыпина И.В. Бирюлина «Динамика кризисного дискурса ЛДПР (1998–2011 гг.)».

Аспирантам кафедры политических наук, сделавшим доклады на сессии, было задано много вопросов. Так, аспирант Поволжского института управления им. П.А. Столыпина М.А. Вядро рассказал о состоянии современной системной оппозиции, отметив официальный дискурс и фактические результаты; аспирант В.И. Шишкина рассмотрела тему «Системная оппозиция в Российской Федерации: формирование политической протестной повестки дня».

Завершил работу сессии А.В. Рязанов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, выступив с докладом на тему «Дискурсивное управление: возможности и ограничения».

В целом работа сессии была посвящена обсуждению дискурсивных практик правящей элиты и системной оппозиции, интегрированных по такому основанию, как кризисные явления в современной России.

Модераторами сессии «*Гражданское общество как субъект социально-политического проектирования*» выступили В.М. Долгов, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, и М.В. Данилов, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Участники сессии заслушали и обсудили доклады: М.В. Данилова на тему «*“Неполитические” сюжеты в политической повестке дня: альтернативные проекты актуализации политического в России*»; В.М. Долгова на тему «*Роль политической элиты в осуществлении российской приватизации*»; А.Г. Кузнецова, доктора социологических наук, профессора кафедры политических наук Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, «*Аксиология альтернативных проектов социально-политического развития*»; Э.В. Чекмарева «*Модели молодежной политики в условиях меняющегося мира*». Участники обсудили активность гражданского общества в современной России как субъектов формирования альтернативной политической повестки дня. Особый интерес участников вызвали сюжеты, связанные с усилением протестной активности гражданского общества в современной России.

Сессия «*Формирование повестки дня политической элиты России*» прошла под руководством модераторов А.Г. Кузнецова и С.Г. Сергеева, кандидата политических наук, доцента кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина.

В рамках сессии прозвучали доклады: доктора политических наук, профессора кафедры истории и теории политики Волгоградского филиала РАНХиГС А.И. Бардакова на тему «*Государственные и общественные начала в проектировании социально-политического развития России*»; доктора философских наук, профессора кафедры истории и теории политики Волгоградского филиала РАНХиГС Р.А. Данакари «*Взаимодействие элит и оппозиции в условиях системной модернизации России: социально-философское измерение*»; доктора политических наук, профессора кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС Р.В. Евстифеева «*Элиминативные стратегии правящей элиты в системе политической конкуренции современной России*»; доктора социологических наук, профессора кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии А.П. Плешакова «*Генезис идеи социального государства в постсоветской России*»; кандидата политических наук, доцента кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина С.Г. Сергеева «*Внеконституционный потенциал институциональных проектов системной оппозиции*»; кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права Саратовского государственного социально-экономического университета В.В. Муругиной «*Современный взгляд на теорию элит*».

Дискуссию вызвал вопрос о функциональности политических элит как субъектов политического проектирования, которое является неотъемлемой частью фун-

ций, реализуемых политической элитой для получения, удержания и распоряжения властью. Реализация политических проектов, направленных на достижение определенных целей, является ключевым управленческим механизмом, а также механизмом политической конкуренции.

Таким образом, на конференции поднимались актуальные проблемы российской и зарубежной политической практики, подверглись анализу основные субъекты российской и зарубежной политики: правящая элита, группы интересов, системная оппозиция; зарубежный и российский опыт инновационного лидерства, разработки прогнозов социально-политического развития; альтернативные социально-политические проекты в России и за рубежом; проекты социально-политической модернизации; субъекты артикуляции альтернатив социально-политического развития; зарубежные технологии социально-политического проектирования; дискурсивные практики официальной власти и системной оппозиции.

Заключительная сессия была посвящена подведению итогов работы конференции и принятию резолюции. С материалами конференции можно ознакомиться в сборнике научных статей «Правящая элита и системная оппозиция в современной России и за рубежом: альтернативные проекты социально-политического развития».

O.A. Lintsenberger
Book Review: "We Need Great Russia": To the 150th Anniversary of P.A. Stolypin's Birth: collected scientific works. - Saratov: Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2012. - 296 pp.

УДК 94(470+571):378
ББК 63,3(2)+74,58

О.А. Лиценбергер

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
«Нам нужна Великая Россия»:
К 150-летию со дня рождения
П.А. Столыпина:
сб. науч. трудов. – Саратов:
Поволжский институт
управления
им. П.А. Столыпина,
2012. – 296 с.**

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина славится своими достижениями в области теории и практики различных социальных наук. Заметным событием в гуманитарных исследованиях, в час-

тности, стало издание в 2012 г. сборника статей, посвященного 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина.

В 2011–2012 гг. в Поволжском институте управления прошла серия юбилейных торжеств, приуроченных к 100-летию со дня трагической гибели и 150-летию со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина. Указанные даты и стали поводом для осмысления преподавателями и студентами вуза роли этой личности в процессе реформирования России. После присвоения в 2002 г. имени Столыпина Поволжской академии государственной службы, которая сегодня преобразована в Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, многогранная государственная деятельность реформатора стала для студентов и преподавателей института предметом сознательного и заинтересованного изучения. Прошедший юбилей явился хорошим поводом взглянуть на знакомую фигуру в ином контексте и понять, что П.А. Столыпину как исторической личности выпало стать центром притяжения споров и мнений огромной страны и эпохи.

Рецензируемый сборник является результатом проведенного 29–30 мая 2012 г. в институте научно-практического форума студентов, магистрантов и аспирантов «Нам нужна Великая Россия» и содержит статьи по проблемам, обсуждавшимся на нем. В издании представлены работы студентов и аспирантов не только российских вузов, но и зарубежных стран – Словакии, Венгрии, Франции, Узбекистана, Украины. К сожалению, краткий обзор не позволяет раскрыть всю палитру научной мысли молодых исследователей по рассматриваемым проблемам и назвать поименно всех авторов. Однако в рамках данной рецензии нам хотелось бы упомянуть некоторые статьи из сборника, отнюдь не умаляя значение иных интересных исследований.

Тематический и контентный анализ позволяет выделить среди статей несколько блоков. Сборник открывается исследованием вопроса о реформах П.А. Столыпина, и в частности о практическом опыте их применения в современной России. Статьи Е.А. Усковой, О.В. Менько, А.В. Ефимовой, И.В. Семеновой, И.Ю. Заяц подтверждают мысль о том, что фигура Столыпина является одной из ключевых в отечественной истории начала XX в. Действительно, о П.А. Столыпине много написано в современной историографии, высказаны, кажется, все возможные оценки его сравнительно недолгой государственной деятельности. Между тем эта фигура продолжает привлекать интерес как ученых, публицистов, политиков, общественности, так и молодых исследователей. В статье К.И. Ильиной отмечается, что столь долго приковывать внимание может только очень крупная личность, человек, создавший своей деятельностью целую эпоху. Петр Аркадьевич Столыпин относится как раз к такому типу исторических персоналий.

Общеизвестно, что крупным имперским должностям – министра внутренних дел, председателя кабинета министров – предшествовало трехлетнее губернаторство П.А. Столыпина в Саратове. Помнит ли современный Саратов своего губернатора? Что сегодня делается в городе для сохранения наследия великого реформатора? На этот вопрос дают ответ авторы небольшой по объему статьи о памятных местах Саратова, связанных со Столыпиным, – А.А. Бурцева, Э.Б. Мир-

зеханова, Э.В. Старостина, подтверждающие мысль о том, что Саратов стал своего рода стартовой площадкой для Столыпина как администратора и испытательным полигоном для его видения назревших управленческих решений. Мемориальная коллекция Саратовского музея краеведения, посвященная жизни и деятельности П.А. Столыпина, является одной из самых крупных в Российской Федерации. Авторы статьи указывают, что в настоящее время в Саратове действует Культурный центр имени П.А. Столыпина, созданный в 1997 г. и заявивший своей целью изучение и популяризацию идей Столыпина, а также всемерное содействие увековечению памяти великого русского реформатора. Исторические исследования в сборнике, имеющем в целом межпредметный характер, соседствуют с политологическими и социологическими, что дает возможность представить результаты собственных изысканий представителям различных дисциплин и научных школ.

Каждое поколение при выборе пути развития стремится найти знаковые ориентиры, маяки, с которыми можно было бы сравнить собственные достижения или определить верность выбранного маршрута. Подтверждением данного тезиса является статья молодого политолога М. Шестакова «Национальный вопрос: Столыпин – Путин». В целом статьи первого раздела сборника свидетельствуют о том, что П.А. Столыпин – политик, реформатор, государственный, оставивший весомый след в истории, – представляется фигурой интересной не только для профессиональных исследователей, но и для общественного сознания в самом широком смысле этого слова, о чем свидетельствуют и данные авторитетных социологических центров. Так, согласно показателям Левада-центра, представленным в таблице, отражающей динамику «самых выдающихся имен людей всех времен и народов», если в 1989 г. имя Столыпина не упомянул ни один из 1300 опрошенных, то в 1999 г. – 1% респондентов (16 из 1600), а в 2008 г. уже 4%. Так или иначе, мотив реформ П.А. Столыпина проходит красной нитью через весь сборник.

Во втором разделе сборника представлены результаты исследовательской работы студентов и доцентов института, а также студентов других высших учебных заведений по теме «Теория и практика современной демократии». Статьи отражают современное состояние исследований в различных отраслях наук, а именно: политологии, социологии, маркетинге, государственном и муниципальном управлении и других.

Особый интерес проявлен к проблемам интеграции стран ЕврАзЭС и последствиям вступления России в ВТО: статьи студентов института (М.М. Варданян, Т.А. Киселева, Е.С. Шиллинг, К. Диенкова, Р.С. Ганиев) стали логичным продолжением исследований молодых зарубежных ученых: Ж. Дюмонтъе (Франция), предложившего на суд читателей размышление на тему «ЕврАзЭС сквозь призму Европейского Союза», и Э. Шлесингера, сформулировавшего ответ на вопрос: «Повторит ли ЕврАзЭС путь Евросоюза?». Работы, включенные в данный раздел, посвящены также актуальным проблемам современного состояния, реформирования и модернизации различных сфер общественно-политической жизни сегодняшней России. Необходимо отметить устойчивый познавательный интерес современных студентов к исследовательской деятельности в раз-

личных сферах науки, самостоятельность и широту мышления, проявленную в подготовке статей, вошедших в этот раздел.

Научный сборник продолжается рассмотрением состояния инновационных методов и технологий управления персоналом. В данном разделе представлены статьи разнообразной тематики, которые объединяет изучение основных современных тенденций теоретической и практической деятельности, направленной на обеспечение организации качественным персоналом, способным выполнять возложенные на него трудовые функции. Так, работы молодых исследователей и доцентов института освещают актуальные вопросы, связанные с трудоустройством выпускников вузов (Н.А. Нестеренко, В.А. Михно), оценкой персонала (А.П. Борцов, А.Г. Чистяков), и другие. Отмечая важность данного раздела сборника, нельзя не согласиться с выводом, сделанным авторами, о том, что в настоящее время эффективное управление человеческими ресурсами выдвинулось в число практических задач, факторов экономического успеха (Л.А. Ольхова, Е.В. Кислякова). Этот раздел сборника займет достойную нишу в том пространстве студенческих научных работ и исследований ученых, которые затрагивают проблемы управления персоналом.

Кроме того, сборник содержит несколько статей, посвященных развитию кредитно-финансового и налогового потенциала России (Д.А. Тахтомысова, А.А. Пронина, Л.Р. Ахтямова, А.О. Королькевич, Т.Е. Тотикова, Н.Р. Бакиева, Е.А. Сухоруков, Р.И. Князьков). Материалы данного раздела можно рекомендовать не только исследователям и преподавателям, чей научный интерес в сфере финансов, кредита и налогов сформировался давно и захватывает в свое поле новые объекты и предметы анализа, но и студентам, магистрантам, аспирантам, только начинающим свой путь в науке и нуждающимся в расширении исследовательского кругозора и углублении спектра методологических принципов. Раздел раскрывает ряд проблем и поражает широтой постановки задач: в нем рассматриваются различные аспекты кредитно-финансового и налогового потенциала России.

Авторы статей следующего раздела – «Коммуникативные практики и технологии в обеспечении модернизационного прорыва современной России» – привлекают для исследования актуальный материал, к которому применяют современную методологию и реализуют различные методологические принципы анализа (Я.К. Штепо, А.А. Волгушова, Е.Г. Кашеварова). Интересны методические приемы, использованные для анализа эмпирического материала и обобщения полученных результатов (Е.А. Яковлев, Я. Хусзар, А.Д. Наумов, К.П. Решетова и др.). Практически за каждой статьей стоит осознанный исследовательский интерес автора, отражающий его научные интересы и приоритеты. В результате получается комплексная картина современного коммуникативного дискурса. Авторы данного раздела используют для анализа русскоязычные сайты и Интернет-ресурсы на иностранных языках, активно привлекают и цитируют современные отечественные и зарубежные исследования, отчего возникает картина масштабности научного дискурса, посвященного различным проблемам коммуникаций.

Несколько самостоятельных проблем рассмотрены в статьях раздела «Пра-

вовая политика Российской Федерации: теория и практика». Статьи данного раздела (К.Ю. Щетинин, Д.Н. Емчинов, Р.С. Сорокин, С.О. Липилин, О.В. Юрченко и др.), по сути, представляют собой уникальный путеводитель в мир современной юриспруденции, захватывают внимание и погружают читателя в специфику различных отраслей права. Руководство научной работой студентов, магистрантов и аспирантов, осуществленное при подготовке статей ведущими учеными института, позволяет прочувствовать традиции отечественной юридической мысли и усиливает желание молодых исследователей продолжать дальнейшее ее развитие. Тематически шкала научных направлений в области юриспруденции разнообразна и свидетельствует о поливекторном научном интересе, который питает активность молодых ученых в разных областях юридической науки.

В статьях раздела «Молодежь и будущее России» присутствует глубокое понимание современных проблем российской молодежи, а возникающие в связи с этим вопросы изложены довольно объективно (Н.Я. Чернышкина, Д.А. Жуков, Р.М. Тимербулатов, Ю.М. Семикина). Данный раздел также отражает состояние полидисциплинарного научного дискурса, объектом которого выступает современная молодежь, исследуемая с позиций различных наук (К.С. Коновалова, Д.А. Зайцева, С.А. Кабанова).

Таким образом, рецензируемый сборник – явление неординарное, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения предмета исследования. Впечатляет перечень затронутых в работе проблем, широта охватываемых тем, удачно сочетающихся с именем П.А. Столыпина. Сборники статей молодых ученых в последние годы становятся все более частым явлением, однако этот сборник – одно из немногих современных изданий, в котором представлен наиболее удачный калейдоскоп научно-исследовательской практики молодых ученых.

Вместе с тем, как и всякая творческая работа, затрагивающая комплекс малоизученных проблем, данное исследование содержит некоторые положения, требующие доработки, а отдельные авторские утверждения нуждаются в дополнительном обсуждении, уточнении и разъяснении. Несомненно, узкие специалисты смогут найти в работе ряд погрешностей – каждый в своей области. В силу определенных причин представленные статьи лаконичны и невелики по объему. Часть просчетов, допущенных молодыми авторами, делающими первые шаги в науке, можно объяснить и тем, что многие изучаемые вопросы являются предметом бурных споров в современном научном мире, в изучении отдельных тем имеется немало нерешенных проблем.

Все же представленный на суд читателей сборник – издание глубокое по содержанию, одновременно сложное и доступное, актуальное и оригинальное, необходимое как для преподавателей, так и для студентов вузов. Нельзя не сказать и о том, что в работах имеется ряд актуальных идей. Не сомневаемся, что сборник будет интересен широкой аудитории, станет ценным источником знаний и своеобразным путеводителем при выборе тем курсовых, дипломных работ, а также кандидатских диссертаций и новых монографий.

Итак, этот сборник можно порекомендовать широкому кругу читателей для вдумчивого прочтения. Остается пожелать молодым авторам новых научных публикаций.

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
СОЦИОЛОГИИ,
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина**

Кафедра социологии, социальной политики и регионоведения как научно-образовательное подразделение института была образована в 2000 г. Изначально она являлась кафедрой социологии и социальной политики, а решением ученого совета в 2004 г. получила свое нынешнее название. Во главе кафедры в разное время находились известные ученые: доктор социологических наук, профессор С.И. Замогильный, доктор социологических наук, профессор С.И. Барзилов. В настоящее время кафедрой возглавляет Почетный работник высшей школы, доктор социологических наук, профессор Юрий Иванович Тарский.

На кафедре работают 11 штатных преподавателей, из которых пятеро имеют ученую степень доктора социологических наук и шестеро – кандидатов наук. Кроме того, кафедра привлекает на работу совместителей из административно-управленческих структур и научно-информационных центров. В частности, в качестве преподавателей-совместителей на кафедре работали М.В. Алешина, занимавшая должность председателя областной Думы, В.В. Чернышев, министр социального развития Саратовской области. При этом реализуемое партнерство не является односторонним, и преподаватели кафедры участвуют в качестве независимых экспертов в работе конкурсных комиссий на замещение должностей государственной гражданской служ-

бы в комитете социальной защиты населения г. Саратова, министерстве образования и Правительстве Саратовской области.

Кадровая политика кафедры нацелена на перспективу профессионального роста коллектива и удачно сочетает опыт высокопрофессиональных специалистов и молодых преподавателей. Работа строится на инновационной основе, внедряются активные формы обучения в соответствии с новыми стандартами качества образования, издаются авторские учебники, учебные пособия и методические материалы.

В 1997 г. на кафедре была открыта специализация «Управление в социальной сфере» для студентов специальности «Государственное и муниципальное управление», а с 2004 г. – специализация «Региональная социальная политика» для студентов специальности «Регионоведение», в рамках которых осуществляется подготовка и выпуск специалистов для работы в системе управления социальной сферой.

В том же 2004 г. была открыта весьма популярная у абитуриентов специальность «Организация работы с молодежью», а в 2006 г. – специализация «Менеджмент социальной работы с молодежью», в рамках которых осуществляется подготовка и выпуск специалистов для работы с молодежью. Студенты данной специальности под руководством преподавателей кафедры неоднократно становились дипломантами конкурсов инновационных проектов специальности «Организация работы с молодежью» в Ижевске, Екатеринбурге.

Преподаватели кафедры осуществляют подготовку студентов среднего профессионального, первого и второго высшего образования по всем специальностям в рамках дисциплин «Социология», «Демография», либо в рамках специализации на специальностях «Государственное и муниципальное управление», «Регионоведение», «Организация работы с молодежью»; по профилю направления подготовки бакалавров ГМУ – «Управление в социальной сфере»; по направлениям подготовки магистров – «Менеджмент».

В 2010 г. на кафедре открылось новое направление подготовки магистров «Менеджмент» по программе «Менеджмент в социальной сфере». Целью реализации магистерской программы является подготовка специалистов высшей образовательной квалификации в области организации социальной сферы. Программа нацелена на освоение теории и практики менеджмента в системе организационно-управленческой деятельности социальной сферы; приобретение навыков использования социологических методов в повышении эффективности менеджмента социального обслуживания. В процессе обучения студенты получают фундаментальные теоретические знания и практические навыки по управлению социальными процессами, позволяющие им осуществлять как научно-исследовательскую, так и организационно-управленческую деятельность в социальной сфере. Высокий уровень подготовки студентов обеспечивает использование достижений мировой и отечественной науки и научных исследований преподавателей кафедры.

В 2012 г. на кафедре была открыта новая программа подготовки магистров – «Организация работы с молодежью».

Кафедра имеет возможность осуществлять научное руководство докторанта-

ми, аспирантами и соискателями по научным специальностям докторантуры и аспирантуры: 22.00.01 «Теория, история и методология социологии», 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы», 22.00.08 «Социология управления», 22.00.05 «Политическая социология». Начиная с 2007 г. на кафедре было подготовлено и защищено 18 кандидатских диссертаций и подготовлено два доктора социологических наук.

При кафедре в 2007 г. был создан научно-методический центр по работе с молодежью. Целью центра является формирование эффективной модели реализации государственной молодежной политики в сфере гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания.

Направления деятельности центра в вопросах научно-методического обеспечения специальности 040104 «Организация работы с молодежью» максимально синхронизированы с деятельностью кафедры социологии, социальной политики и регионоведения, являющейся выпускающей по указанной специальности. Центр осуществляет свою деятельность в тесном взаимодействии с органами законодательной, исполнительной власти субъектов РФ, учебными заведениями, общественными объединениями и организациями, занимающимися проблемами молодежной сферы.

Основные мероприятия центра с момента создания:

- ежегодная всероссийская научно-практическая конференция по проблемам реализации молодежной политики и социального развития молодежи;
- ежемесячные выездные мероприятия в районах Саратовской области с дискуссиями для школьников старших классов на актуальные общественно-политические темы;
- научная экспертиза проектов участников конкурса на лучшую работу в сфере избирательного права, ежегодно организуемого Избирательной комиссией Саратовской области;
- экспертное участие в подготовке ежегодного областного конкурса научных работ, проводимого министерством молодежной политики, спорта и туризма «Молодые ученые Саратовской области»;
- участие в экспертном совете министерства образования области по подведению итогов регионального этапа Всероссийского конкурса поддержки талантливой молодежи;
- подготовка и проведение «круглых столов» по актуальным темам: «П.А. Столыпин – символ модернизации современной России?», «Мы разные – мы вместе?» и другие;
- социологическое сопровождение деятельности органов по делам молодежи региона, а также использование данных статистики в ходе подготовки к занятиям студентов специальности «Организация работы с молодежью»;
- подготовка учебно-методических комплексов и пособий по дисциплинам специальности «Организация работы с молодежью».

Руководителем центра является доктор политических наук, профессор Чекареев Эдуард Владимирович.

Одним из приоритетных направлений развития кафедры социологии, социальной политики и регионоведения в течение многих лет является взаимодей-

ствии и установление деловых контактов с организациями и учреждениями социальной сферы Саратова и Саратовской области, как в процессе подготовки будущих специалистов, так и в их трудоустройстве. Кафедра постоянно сотрудничает с министерством социального развития области, комитетом социальной защиты, социальными центрами обслуживания населения и другими структурами, организуя выездные занятия для студентов, что позволяет обеспечить высокое качество и практическую направленность учебного процесса. Продолжением этой работы кафедры является выполнение студентами дипломных проектов по темам Министерств, предприятий и организаций города и области, на которых проходят практику студенты. Более половины выпускных квалификационных работ выполняется по заявкам учреждений и организаций социальной сферы, представители которых приглашаются на защиту дипломных проектов, включаются в состав государственной аттестационной комиссии при проведении государственной аттестации.

Самостоятельным направлением в русле взаимодействия с административно-управленческими структурами является выполнение преподавателями кафедры хоздоговорных работ по социологическому обеспечению управленческой деятельности. Так, по договору с министерством социального развития Саратовской области преподаватели кафедры неоднократно осуществляли социологические исследования, проводили мониторинги по выявлению социальных проблем военнослужащих, уволенных с военной службы, и членов их семей. По заданию Правительства Саратовской области кафедра периодически проводит аудит муниципальных образований по вопросу качества жизни населения. В соответствии с договором с министерством образования Саратовской области ученые кафедры разработали Концепцию областной целевой программы «Молодежь Саратовской области», на основании которой создаются областные целевые программы.

Переход на двухуровневую систему образования активизировал все формы работы кафедры, чтобы качество профессионального образования соответствовало современным требованиям производства и общества. В целом по всем направлениям своей работы демонстрируются хорошие результаты. Кафедра не только конкурентоспособна сегодня, но у нее есть огромный потенциал для перспективного развития в современных российских условиях.

***Ю.И. Тарский**, доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
социологии, социальной политики и регионоведения;*

***Л.Я. Саксельцева**, кандидат философских наук,
профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: abakumovoy@mail.ru

Анохина Лариса Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: anoklarisa@yandex.ru

Антонюк Екатерина Юрьевна – старший преподаватель кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: EYU_ANTONYUK@mail.ru

Великанов Александр Петрович – аспирант кафедры истории и теории политики Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: velikanov.ap@yandex.ru

Гамбеева Юлия Николаевна – преподаватель кафедры управления филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Се-вастополь)
e-mail: jgambееva@bk.ru

Голобородько Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, начальник управления международного сотрудничества Ростовского государственного университета путей сообщения
e-mail: agoloborodko@rgups.ru

Гришина Яна Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии
e-mail: grishinel@inbox.ru

Дмитриева Валерия Александровна – аспирант кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: dvaleriya@yandex.ru

Затонский Сергей Александрович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
e-mail: leopard1987999@yandex.ru

Исимбекова Зарина Аликовна – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: zarinaaaa@mail.ru

Коваленко Алла Георгиевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: alla.kovalenko@mail.ru

Лиценбергер Ольга Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafhistory@pags.ru

Логвин Нина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, директор Второго Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: tambovpags@mail.ru

Маслова Яна Юрьевна – аспирант кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: divinitas20@gmail.com

Митрохина Татьяна Николаевна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafpolitology@pags.ru

Морозова Галина Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: public.policy@ksu.ru

Попова Олеся Александровна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: popova-olesya2009@yandex.ru

Раздобарова Марина Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: mar-razdobarova2009@yandex.ru

160 2012 ● ВЕСТНИК ПАГС

Сазонова Дарья Владимировна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета
e-mail: Lizard999@inbox.ru

Саксельцева Людмила Яковлевна – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafsociology@pags.ru

Сачкова Галина Сергеевна – заместитель директора филиала «Дмитровский институт непрерывного образования» университета «Дубна» (г. Дмитров Московской обл.), соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: sky_gale@mail.ru

Силкин Владимир Владимирович – профессор кафедры «ЮНЕСКО» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: silkinvv@mail.ru

Тарский Юрий Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: London1946@bk.ru

Утенков Геннадий Николаевич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой государственного управления и права Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ugn64@mail.ru

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Шишкина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: upnauka@pags.ru

Яковлева Анна Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: yakovleva-anna1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Science (History), head of the Scientific and Organizational Department, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Larisa Vladimirovna Anokhina – Candidate of Science (Economics), Docent of the Financial Management Chair, Kaluga Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: anoklarisa@yandex.ru

Ekaterina Yurievna Antonyuk – Senior Lecturer of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: EYU_ANTONYUK@mail.ru

Alexander Petrovich Velikanov – postgraduate student, department of history and theory of politics, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd Branch)

e-mail: velikanov.ap@yandex.ru

Ylia Nickolaevna Gambeeva – lecturer of the Management Chair, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

e-mail: jgambeeva@bk.ru

Andrey Yurievich Goloborodko – Candidate of Sciences (Philology), docent, head of the International Cooperation Department, Rostov State Transport University

e-mail: agoloborodko@rgups.ru

Yana Sergeevna Grishina – Candidate of Law, Docent of the Civil Procedure Chair, Saratov State Academy of Law

e-mail: grishinel@inbox.ru

Valeria Alexandrovna Dmitrieva – post-graduate student of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: dvaleriya@yandex.ru

Sergey Alexandrovich Zatonsky – post-graduate student of the Civil Law and Process Chair, North-Caucasian Federal University
e-mail: leopard1987999@yandex.ru

Zarina Alikovna Isimbekova – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zarinaaa@mail.ru

Alla Georgievna Kovalenko — Doctor of Sciences (Law), Professor of the Civil Law and Procedure Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: alla.kovalenko@mail.ru

Olga Andreevna Lintsenberger – Doctor of Science (History), Professor, Head of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafhistory@pags.ru

Nina Vladimirovna Logvin – Candidate of Sciences (Economics), docent, Director of the Second Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: tambovpags@mail.ru

Yana Yurievna Maslova – post-graduate student of the Personnel Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: divinitas20@gmail.com

Tatiana Nikolaevna Mitrokhina – Doctor of Science (Politics), Professor, Head of the Politics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafpolitolology@pags.ru

Galina Viktorovna Morozova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Applied Political Studies Chair, Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: public.policy@ksu.ru

Olesya Alexandrovna Popova – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: popova-olesya2009@yandex.ru

Marina Nikolaevna Razdobarova – post-graduate student of the Pedagogies Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: mar-razdobarova2009@yandex.ru

Darya Vladimirovna Sazonova – post-graduate student of the State and Legal Disciplines Chair, Vladimir State University
e-mail: Lizard999@inbox.ru

Lyudmila Yakovlevna Sakseltseva – Candidate of Sciences (Philosophy), Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafsociology@pags.ru

Galina Sergeevna Sachkova – vice-director of the “Dmitrov Institute of Continuing Education”, the branch of “Dubna” university (Dmitrov, Moscow Region), competitor of the Russian History Chair, the Institute of History and International Relations of the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: sky_gale@mail.ru

Vladimir Vladimirovich Silkin – Professor of the “UNESCO” Chair, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: silkinvv@mail.ru

Yuri Ivanovich Tarsky – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: London1946@bk.ru

Gennady Nikolaevich Utenkov – Candidate of Sciences (Politics), Head of the Public Administration and Law Chair, Balakovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: ugn64@mail.ru

Svetlana Mikhaylovna Frolova – Candidate of Science (Philosophy), docent of the Philosophy Department, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail frolovasvetla777@yandex.ru

Tatiana Anatolievna Shishkina – Candidate of Science (History), docent of the Public administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: upnauka@pags.ru

Anna Petrovna Yakovleva – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Civil Law and Procedure Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: yakovleva-anna1@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Абакумов О.Ю.

Первые годы работы Саратовского Комвуза:
становление системы подготовки кадров 4

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
15

Голобородько А.Ю.

Социальное и политическое пространство реализации
государственной культурной политики
как инструмента обеспечения национальной безопасности 15

Логвин Н.В.

Роль государства в повышении экономической эффективности
системы образования 24

Великанов А.П.

Политико-субъектный потенциал объединений работодателей
в системе российского трипартизма 31

**РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**
36

Утенков Г.Н.

Стратегические идеологемы практической политологии 36

Исимбекова З.А.

Эффективность условий и факторов формирования партийных технологий
электоральной конкуренции 42

Сачкова Г.С.

Министерская деятельность А.С. Норова
в контексте развития системы образования в России 48

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
54

Коваленко А.Г., Яковлева А.П.

Теоретические основы апелляционного производства 54

Гришина Я.С.

Поддержка социальных предприятий предоставлением налоговых льгот 61

Сазонова Д.В.	
Значение совершенствования правореализационной техники	68
Затонский С.А.	
Исполнение решения суда за пределами Российской Федерации и ограничения на выезд должника за границу	73

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

79

Морозова Г.В.	
Система жизненных ценностей студенческой молодежи: анализ результатов социологического исследования	79
Силкин В.В.	
Развитие человеческого капитала в условиях информационного общества	86
Раздобарова М.Н.	
Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов инновационными средствами	91

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

96

Анохина Л.В.	
Перспективные стратегические изменения государственного регулирования в сфере инвестирования промышленных предприятий в регионе	96
Гамбеева Ю.Н.	
Институциональная среда и ее влияние на конкурентоспособность региона	103
Маслова Я.Ю.	
Совершенствование оценки персонала на основе ситуационного подхода	108

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

113

Фролова С.М.	
Институциональные основы повседневности	113
Антонюк Е.Ю.	
Эволюция образа страны в философско-культурологической парадигме	121
Попова О.А.	
Любовь как способ существования ценностного сознания	126
Дмитриева В.А.	
Соотношение категории <i>ничто</i> и нигилизма	131

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

136

Абакумов О.Ю., Шишкина Т.А.	
Из истории Саратовского областного коммунистического университета: материалы и документы 1922–1923 годов	136

Митрохина Т.Н.

Международная научно-практическая конференция
«Правящая элита и системная оппозиция в современной России и за рубежом:
альтернативные проекты социально-политического развития»
(Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
при поддержке Фонда имени Фридриха Эберта;
5–6 сентября 2012 года) 146

Лиценбергер О.А.

Рецензия на книгу:
«Нам нужна Великая Россия»:
К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина:
сб. науч. трудов. – Саратов: Поволжский институт управления
им. П.А. Столыпина, 2012. – 296 с. 150

**Представляем кафедру социологии, социальной политики и регионоведения
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина 155**

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
159**

CONTENTS

Abakumov O.Yu.

- The First Years of Work of the Saratov Communist University:
Formation of the Staff Training System4

**PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

15

Goloborodko A.Yu.

- Social and Political Field of Implementation of State Cultural Policy
as an Instrument for National Security Ensuring15

Logvin N.V.

- The Role of the State in Improving the Economic Efficiency
of the Education System24

Velikanov A.P.

- The Political Subject Potential of Employers' Associations
within the Russian System of Tripartism31

**RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY:
HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION**

36

Utenkov G.N.

- Strategic Ideologemes of the Applied Political Science36

Isimbekova Z.A.

- The Efficiency of Conditions and Factors Forming Electoral Rivalry
Party Technologies42

Sachkova G.S.

- Ministerial Activities of A. S. Norov in the Context
of Education System Development in Russia48

**LEGAL REGULATION
IN CONTEMPORARY RUSSIA**

54

Kovalenko A.G., Yakovleva A.P.

- Theoretical Bases of Courts of Appeal Proceedings54

Grishina Ya.S.

- Support of Social Enterprises by Granting Tax Benefits61

Sazonova D.V.

- The Significance of Legal Techniques Improvement68

Zatonsky S.A.

Execution of a Court Decision beyond the Border of the Russian Federation
and the Restrictions on Debtors' Traveling Abroad73

**SOCIAL POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

79

Morozova G.V.

The System of Student Youth Life Values: Poll Results Analysis79

Silkin V.V.

Human Capital Development in Conditions of Information Society86

Razdobarova M.N.

Formation of Students' Intercultural Communicative Competence by Means
of Innovation Technologies91

**SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION
OF RUSSIA**

96

Anokhina L.V.

Prospective Strategic Changes of State Regulation in the Sphere
of Industrial Enterprises Investment in the Region96

Gambееva Y.N.

Institutional Environment
and Its Influence on Competitiveness of a Region103

Maslova Ya.Yu.

Personnel Assessment Improvement
on the Basis of Situational Approach108

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

113

Frolova S.M.

The Institutional Basis of Daily Life113

Antonyuk E.Yu.

The Evolution of a Country Image in the Philosophical
and Culturological Paradigm121

Popova O.A.

Love as a Way of Existence of the Value Consciousness126

Dmitrieva V.A.

The Correlation of the Category of *Nothing* to Nihilism131

REVIEWS.

SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

136

Abakumov O.Yu., Shishkina T.A.

From the History of the Saratov Regional Communist University:
Materials and Documents 1922–1923136

Mitrokhina T.N.

The International Scientific and Practical Conference
“The Ruling Elite and the System Opposition in Modern Russia and Abroad:
Alternative Projects of Social and Political Development”
(Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration;
with the assistance of the Friedrich Ebert Stiftung,
September 5–6, 2012)146

Lintsenberger O.A.

Book Review: “We Need Great Russia”:
To the 150th Anniversary of P.A. Stolypin’s Birth: collected scientific works. –
Saratov: Stolypin Volga Region Institute of Administration,
2012. – 296 pp.150

***We Present the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair
of Stolypin Volga Region Institute of Administration***155

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

162

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 4 (33)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2012 г., п. № 791

Подписано к печати 18.12.2012 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 13,87. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500. Заказ 428.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»
Акаев Дмитрий Валерьевич
(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>